XX 164/17
1929 ~1 (47)

XX 164
Г-17

Год изд. 4-й Кн. VII

ЭТНОГРАФИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Проф. В. Г. БОГОРАЗА-ТАНА, проф. Д. А. ЗОЛОТАРЕВА,
Я. П. КОШКИНА, акад. С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГА и проф. Б. М. СОКОЛОВА

Ответственный редактор акад. С. Ф. Ольденбург
Отв. секретарь проф. Б. М. Соколов

1929

№ 1

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)

МОСКВА
1929
ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Б. А. Васильев (Москва). Основные черты этнографии ороков 3
С. А. Токарев (Москва). О системах родства у австралийцев 23
Б. С. Жуков (Москва). Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики 54
Ю. А. Крейнович (Ленинград). Очерк космогонических представлений гиляк о-ва Сахалина 78
В. Г. Тан-Богораз (Ленинград). Международное совещание по плану устройства экспедиций в полярную зону 103
Л. А. Мерварт (Ленинград). Современное положение изучения голландской этнографии 108
А. М. Ладыженский (Ростов-на-Дону). Методы этнографического изучения права 121
П. Г. Богатырев (Прага). Второй съезд славянских географов и этнографов . . 134
Л. П. Семенов (Владикавказ). Обзор русской этнографической литературы о Кавказе. (Окончание) 144

ХРОНИКА

Этнографические работы в Костромской губернии. В. Смирнов. — Обзор этнографических работ в Нижегородской губернии. М. З. — Этнографические работы по Рязанской губернии. А. Мансуров. — Пензенский Гос. областной музей. Н. С. — Этнографическая работа в Саратове. Т. Акимова. — Работа историко-этнографического музея «Волгарь». Ф. Родин. — Краткий обзор этнографической работы в Харькове. Р. Данковская. — Этнографическая работа в Ингушской автономной области. Леонид Семенов. — Этнологическая секция Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. А. Гуревич. — Хабаровский краевой музей. Н. А. Толпегина. Этнографические исследования в Татарской республике. Н. И. Воробьев. 165

От редакции. По независящим от редакции обстоятельствам в настоящий № вошел не весь полагавшийся материал. Он будет напечатан в следующем № журнала.

XX 164
17

Год изд. 4-й

Кн. VII

ЭТНОГРАФИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Проф. В. Г. БОГОРАЗА-ТАНА, проф. Д. А. ЗОЛОТАРЕВА, Я. П. КОШКИНА,
акад. С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГА и проф. Б. М. СОКОЛОВА

Ответственный редактор акад. С. Ф. Ольденбург

Отв. секретарь проф. Б. М. Соколов

1 9 2 9

№ 1

ПУБЛ. БИБЛ. ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА СССР
XXIX-1109

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)

МОСКВА
1929
ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

Отпечатано в типографии Госиздата
„Красный пролетарий", Москва,
Краснопролетарская ул., д. 16,
в количестве 750 экз.
Главлит № А — 37978
Гиз П—24 № 31786
Заказ № 9215
10½ п. л.

КНИГА ИМЕЕТ

печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	200 л.
1	1 ~ 1 (71)	1929				12	209	115

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЭТНОГРАФИИ ОРОКОВ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРК ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ 1928 г.

Москва

Б. А. Васильев

Летом 1928 г. я был командирован Центральным музеем народоведения в качестве члена Тунгусской экспедиции на восточный берег Сахалина для полевой этнографической работы и сбора коллекций по быту ороков. Командировка была рассчитана на 4 месяца. Одновременно для антропологического обследования ороков и попутно гиляк реки Тыми и Восточного берега Сахалина Антропологическим имени Д. Н. Анучина институтом при I МГУ был командирован антрополог института А. Н. Покровский. Нами был проделан согласно плану, независимо друг от друга, общий маршрут, отличный лишь в деталях. Как этнографические, так и антропологические работы 1928 г. стояли в непосредственной связи с нашей работой среди орочей Сов-гавани, которую мы, будучи командированы теми же учреждениями, имели возможность провести летом 1927 г. Работа экспедиции оба года протекала согласованно по заданиям и под общим руководством проф. Б. А. Куфтина.

«Исторических известий об ороках кроме японских (Мамиа-Ринсо, 1808 г.) почти вовсе не имеется». «У нас до моего путешествия об этом народе ничего не знали», писал Л. Шренк.

Однако у знаменитого исследователя Амурского края сообщения об ороках также занимают наиболее скромное место в его замечательном труде, так как сам Л. Шренк среди ороков не жил, а получал о них сведения либо путем расспросов, либо по коллекциям и записям Полякова (1881 г.). Но Поляков, не будучи специалистом, уделяет орокам в своем «Путешествии на Сахалин» всего лишь несколько страниц.

В 1911 г. ороков посетил А. А. Васильев, собравший богатую коллекцию. Внимание его, однако, в этой экспедиции было сосредоточено главным образом на гиляках. В опубликованном Русским музеем предварительном отчете о его поездке имеются сведения главным образом экспедиционно-маршрутного и музейно-коллекционного характера.

Принимая во внимание крайнюю малочисленность орокского племени, а также повышенный темп индустриализации острова, нужно считать, что для этнографического изучения ороков истекают последние часы.

Я выехал из Александровска 12 июля. На подводах перевалил хребет и спустился в гиляцкой лодке по реке Тыми к Охотскому морю. Свою работу среди ороков устья реки Тыми я начал 22 июля. Первая найденная мной семья жила в полотняной палатке на песчаной морской косе рядом с гиляцким стойбищем Ный-во. Здесь я пробыл несколько дней и, дождавшись прихода вызванных мной ороков из стойбища Даута, отправился по берегу острова на юг, в район редко посещаемого русскими Набильского залива. Переход около 25 *км* до гиляцкого стойбища Твах-во сделан пешком в сопровождении трех ороков, которые несли за плечами необходимый груз. С Набильским заливом сообщение на лодках невозможно, так как гиляки и ороки в открытое, незащищенное прибрежной косой, Охотское море на своих лодках не выходят. Сообщение по Охотскому морю у берегов Сахалина небезопасно даже для моторных шкун.

В Твах-во нас ждали орокские лодки, долбленые из ствола тополя, на которых мы доставились до стойбища Даута, расположенного на косе, выдвинувшейся в Набильский залив. Стойбище состоит из 3 летников из коры, в стороне на другой косе еще 1 летник. Быт ороков Набильского залива сохранился по сравнению с другими местами расселения ороков наилучшим образом. Южнее Набильского залива орокских поселений в настоящее время нет, но не так давно были в Лунском заливе. Таким образом стойбище Даута в Набильском заливе следует считать южной границей расселения ороков.

Вернувшись в Ный-во, весь дальнейший путь к Северу был мной проделан на лодке, вдоль закрытых песчаными косами со стороны моря заливов, которые цепочкой тянутся с юга на север на протяжении около 150 *км*. К северу от устья Тыми имеется 4 орокских стойбища: на острове Даги в заливе Даги (4 летника), на реке Вал, впадающей в Чайский залив (2 летника), на мысу у впадения реки Большой Горомай (2 летника) и стойбище Аги из 2 летников в Пильтунском заливе. Северной границей расселения ороков следует считать реку Сабо, впадающую в Пильтунский залив, по которой ороки кочуют зимой.

Последним Северным пунктом моего маршрута по территории ороков был мыс у впадения р. Б. Горомая. Я закончил работу среди ороков 1 сентября. 17 сентября выехал, не дождавшись парохода Совторгфлота, из стойбища Чай-во на Японском катере в г. Оха, пересек Сахалин по направлению к западному берегу, в заливе Байкал сел на баржу с буксиром и после многих злоключений достиг Николаевска н/А 4 октября. Таким образом я пробыл на Сахалине $2^1/_2$ месяца.

Численность ороков советского Сахалина по подсчету уполномоченного по туземным делам, члена Сахалинского ревкома т. Ильина, произведенному в 1925 г., равна 153 ч.

По сведениям уполтуза Крейновича на 1928 г. численность ороков—154 ч. Эти цифры подтверждены самостоятельно собранными данными Дальгосторга (фактории в сел. Хандуза), а также нашими антропометрическими бланками. Опубликованные Д. К. С. У. [стат. бюллетень № 2—3 (17—18)] в 1926 г. сведения содержат лишь суммарную цифру для ороков и гиляк, вместе взятых.

Племя распадается на 9 родов (хаеа). Их названия: Тóрся, Боя́уса, Су́кта, Муйётта, Гэ́тта, Синаходо́, Ту́эсо, На́місса.

Тóрся и Боя́уса—роды родственные (доха). Браков между ними нет. Род Гэ́тта имеет подразделение Dahíni-ні. Эта территориальная группа обозначается ороками как малый огонь «Ну́цӧ Tawá» рода Гэ́тта.

Род Боя́уса—Тóрся один из наиболее многочисленных родов. По словам ороков имеет своих представителей среди ольчей (Ма́нгбу́). Это подтверждается списком родов ульча, приведенным у Липского [1].

Родовая жизнь проявляет себя в четко проведенном принципе экзогамии в брачных обрядах в медвежьем празднике. При суждении о родовой жизни ороков не следует упускать из виду, что многие роды числят в своем составе всего лишь по нескольку человек. Поэтому, например, ловля рыбы неводом для продажи Госторгу требует участия уже не рода и даже не нескольких родов, а молодых мужчин всего племени.

Самоназвание ороков — «ульта́». Звук «т» произносится в этом слове ясно, но вообще в языке ороков звуки «т» и «ч» очень близки и часто переходят друг в друга. Таким образом самоназвание ороков «ульча», приводимое Поляковым, близко к приводимому мной.

Гиляк ороки называют «гіелямі», тунгусов «кілӧ», айнов «ку́і». Интересно отметить, что, считая своей национальной характеристичной чертой оленеводство, ороки не склонны были считать самыми близкими своими родственниками ольчей (которых они хорошо знают, так как ольчи в качестве купцов в прежнее время часто приезжали на Сахалин), но всегда допытывались получить от меня сведения о «настоящих ульта», т. е. с оленями, которые, по их преданию и по словам тунгусов (недавних пришельцев на Сахалине), живут где-то на севере Охотского побережья.

Таким образом показания Невельского, несмотря на резкую критику их Шренком, имеют почву по крайней мере в преданиях ороков.

Сахалин ороки называют—Доро́ или Доро-на-ні, ороков Японского Сахалина Сю-нѣнь (р. Паранай Сю-уніні). Японские ороки называют северо-сахалинских Доро-нѣнь (нѣ́-человек).

[1] Первый туземный съезд ДВО, Хабаровск 1925 г. XLVI «Баяусели».

Об орочах (орочі) Сов-Гавани я не мог получить от ороков никаких сведений. Тунгусы называют ороков—ульчан.

Ороки—племя несомненно полуоседлое, так как имеет не «только временные и переносные жилища»[1], но постоянные поселения в местах, удобных для рыболовства из довольно солидно построенных летников. Оседлый образ жизни связан у них с летним периодом, с сезоном хода лососевой рыбы. Летние стойбища состоят из 2—3 летников—ка͡ура́.

Это места старой оседлости, так как около них обычно расположены кладбища. Амбары (даеу́) также расположены в нескольких (2—3) *км* от летников, где-нибудь вверх по течению реки в тайге. Летники ороков интересны в том отношении, что представляют собой гибридную форму двускатного жилища—типа известного нам у орочей удэ, ольчей—охотничьих племен Уссурийской и Амурской тайги, с тунгусской конической формой.

Скажем сначала несколько слов о коническом чуме ороков. Его название а͡ундау́. Основными конструктивными частями его являются два упорных столба—со̄но—и 4 столба потоньше—туа-нi, которые ставятся в каждой четверти окружности. К этой основе приставляются остальные жерди. Большой чум, около 10 *м* в диаметре, который строится для гостей медвежьего праздника, имеет две двери. Очаг расположен между двумя параллельными слегами, которые тянутся от одной двери к другой. Кроется чум покрышками, сшитыми из рыбьих (кетовых) шкурок. На покрытие идет от 5 до 70 полотнищ, в зависимости от величины чума. Употребляются также осенью покрышки из бересты. Конический чум употребляется с поздней осени, зимой и ранней весной. Он соответствует употребляемому орочами при охоте на нерпу коническому жилищу—аанга, который кроется также рыбьими шкурами (фот. 1).

Летник—ка͡ура́ ороков представляет переходную форму от конического к двускатному жилищу (фот. 2). Он имеет конек и двускатные стены, которые, однако, закруглены по углам таким образом, что с фасада летник кажется коническим. Он кроется еловой корой. Летники строятся солидно, вмещают по нескольку семей и специально приспособлены для вяления юколы. Они несомненно должны были возникнуть под действием хозяйственно-рыболовческого фактора. Летник не имеет высоких нар, места по бокам очага застилаются свежими хвойными ветками, очаг не приподнят над уровнем пола и не ограничен с четырех сторон, чем отличается от очага гиляк и орочей. Прохода между очагом и нарами также не имеется. Всеми этими признаками летник сближается с чумом (а͡ундау́), а также с летниками осевших по р. Тумнину (Татарского пролива) тунгусов, наполовину

[1] Шренк, т. II.

утерявших оленьи стада. Если же проведем дальнейшее сравнение летника—каура—с чумом аундау, то убедимся, что при полном совпадении терминологии и основных конструктивных особенностей обоих жилищ, летник отличается только наличием конька (мудö), который поместился между двумя раздвинувшимися, но еще сохранившими взаимный наклон друг к другу основными опорными столбами—соно.

Терминология и конструктивные детали конического жилища ороков совпадают с чумом тунгусов—манегров, описанным в 1855 г. Мааком на верхнем Амуре.

Свайные амбары ороков интересны своим сводчатым покрытием и отсутствием дверей (фот. 3). Идентичные амбары имеются у удэ. Орокский амбар состоит из настила жердей, приподнятого над землей на четырех сваях. На этом помосте возвышается бревенчатая постройка, в виде цилиндра, разрезанного в длину и положенного своими краями на помост. Стены образуют таким образом правильный свод. Традицию сводчатых покрытий мы имеем у Верхне-Амурских тунгусов, также у ольчей, негидальцев и гольдов в форме жилищ или амбаров из согнутых в дугу прутьев, образующих свод, крытый берестой, травой или ветвями. Такова тунгусская морысмо и гольдская хомора, но едва ли можно генетически связывать конструкцию из гнутых прутьев с сводчатым покрытием из бревен в виде сруба. Амбары ороков резко отличаются таким образом от гиляцких и орочских.

Около своих жилищ ороки устраивают для хранения вещей легкие помосты на сваях (поулö)—подобные тунгусским на Верхнем Амуре. Таким образом жилище ороков не подверглось влиянию окружающих их гиляк и традициями своими связано с жилищем Амурского края и Восточной Сибири. Ороки совершают не менее четырех перекочевок в год. Имеют в соответствии с этим не менее четырех стоянок. Зимние и осенние расположены в тайге в некотором отдалении от моря, выше по рекам, весенние, связанные с охотой на морского зверя,— на песчаных косах по берегу Охотского моря. Летние — у устья рек, богатых ходовой рыбой. В настоящее время конический чум, крытый рыбьими шкурками—старое зимнее жилье ороков—вытеснен палаткой из дрели и железной печкой.

Национальный костюм ороки в значительной мере утратили, однако и остатки его представляют этнологический интерес.

Мужчины волосы стригут, также и женщины оставили национальный убор волос (фот. 4 и 5). Костюм мужчин представляет смесь японского, русского, тунгусского и своего орокского. Очень интересно наличие в мужском костюме передника аутý с украшениями, надеваемого под халат на нижнее белье. Для женщины в том же отношении интересен нагрудник — нöллý — орочско-тунгусского типа (с орочским схож в деталях), надеваемый на свадьбе и при погребении.

Женская одежда состояла раньше из халата манджурского покроя. В настоящее время халат заменен платьем—рубахой якутского покроя. От старого костюма остались ноговицы, т. е. отдельные штанины на каждую ногу, обувь, ушные и носовые серьги. Зимний костюм состоит из мехового капора и кафтана из шкуры оленя с разрезом по средней линии и двумя клиньями сзади, по покрою весьма близкого к тунгусскому.

Оленеводство

Есть ли у них олени? Вот первый вопрос, который задают ороки, когда начинаешь им рассказывать об их родственниках на материке—орочах. И когда им отвечаешь, что оленей у орочей нет, тогда они разочарованно говорят: «Это значит не «настоящие yltá», мы слышали, нам тунгусы говорили, что на материке, ближе к Камчатке где-то есть настоящие yltà с оленями».

Стадо оленей ороки замечают на большом расстоянии. Едешь с ними в лодке и вдруг слышишь: yla... Смотришь в указанном направлении и видишь на песчаном берегу залива какой-то движущийся переплет теней... То рога оленей. Приезжаешь в стойбище, спрашиваешь: «Где такой-то?»—«Пошел оленей посмотреть».—«Когда вернется?»—«Не знаю. Когда найдет».—Ищут оленей день, два, три и больше.

Когда войдешь нагнувшись в летник и сядешь на душистую синеватую еловую хвою, которой застлан пол с двух сторон от очага, то замечаешь по обеим длинным сторонам летника, в головах, под самой корой, ряд оленьих вьючных сум тунгусского образца, так называемых hylмоý. Они наполнены всевозможным добром. Здесь и стеклянная посуда, и одежда, и инструменты, а также оленьи уздечки и арканы. Поставленные плотно в ряд эти сумы занимают все пространство в головах в длину летника. Если в летнике живет несколько семей, они принуждены на улице делать длинный поставец (помост), на который ставят свои сумы и закрывают их сверху брезентом. Ближе к закругленным углам летника (угол летника—кэltамi) помещаются вьючные и верховые седла. Здесь же на потолке обычно висят кандалы. «Кáнгальта» для оленей—связка деревянных гнутых ошейников, к которым привязывается тяжелая палка, которая, свешиваясь к ногам оленя, мешает ему бежать. Тут же в углу часто висит моток длинного ремня, вырезанного спирально из шкуры нерпы (áмуснi), еще не освобожденной от шерсти, жирный и вонючий. Из этого ремня приготовляется аркан для оленей.

На дворе часто увидишь сломанные нарты как русского образца, так и свои национальные «охсо». Приближаясь к осеннему или зимнему стойбищу, замечаешь в тайге многочисленные сброшенные домашним оленем рога.

По переписи, произведенной членом Сахревкома т. Ильиным, уполномоченным по туземным делам, который сделал объезд всех туземных стойбищ Сахалина зимой 1925 г., у ороков на 23 семьи числится 227 оленей и 45 нарт, т. е. на каждую семью приходится по две нарты и на каждую нарту в среднем пять оленей. По сведениям того же Ильина у тунгусов на Сахалине найдено 46 семей с 46 нартами и 1011 оленями. Таким образом на одну семью приходится у тунгусов 22 оленя и одна нарта. Количество тунгусских оленей безусловно преуменьшено, так как учесть стада богатых тунгусов на реке Нысь очень трудно. Эти цифры указывают во всяком случае на то, что у ороков при по крайней мере в четверо меньшем количестве оленей имеется то же количество нарт, причем на каждую семью приходится нарт в два раза больше, чем у тунгусов. Изложение этнографических данных подтвердит большое значение нарты в оленеводстве орок.

На одного хозяина редко приходится более 20 оленей. Самое распространенное число восемь, пять. У бедняков бывает и меньше.

Сравнение этих цифр с цифрами, приводимыми Мамиа Ринсо (1808 г.) и Поляковым (1881 г.), показывает, что общая картина малочисленности оленьих стад сахалинских ороков остается той же, и никаких крупных сдвигов в этой области не произошло.

Оленьи стада ороков пасутся летом где с пастухом, где без пастуха. Так, на реке Вал, где имеется большое стадо оленей голов в 300, принадлежащих, впрочем, главным образом тунгусам и якутам и в меньшей мере орокам, каждый день вечером орокские мальчики ездили к стаду, смотрели, нет ли больных оленей, сгоняли самок и доили молоко. При мне мальчики заметили оленя, напоровшегося на сук, и в тот же день хозяин поспешил его заколоть.

На острове Даги стадо оленей в 89 голов пасется с пастухом, который живет в палатке около маленького перелесочка из молодой лиственницы. Этот перелесочек из лиственниц, нижние сучья которых обчищены топором, служит местом, куда олени собираются в полдень. К деревьям привязывают самок. Вокруг них бегают телята.

На Горомае олени свободно ходили по морской косе. Никто не ездил их ни доить, ни смотреть, и когда олени понадобились под вьюк геологической экспедиции, ороки проискали стадо не меньше трех дней.

В стойбище Даута Набильского залива стадо пасется также без пастуха. В орокском стаде имеются олени, принадлежащие отряду К. П. П. Эти олени официально имеют наемного пастуха, но фактически ходят без присмотра, и на розыски их также уходит по нескольку дней.

Пастухи, отправляясь к стаду, берут с собой свою охотничью собаку, но собирать и загонять оленей собака не помогает. Оленя ловят в стаде при посредстве ременного аркана—yla маты, сделан-

ного из кожи нерпы. Он достигает 14 маховых саженей длины и состоит из ремня, по всей своей длине расчлененного переломами кожи на множество члеников, около 5 *см* длины. На одном конце ремня имеется привязанное кольцо из рога оленя, теперь обычно заменяемое металлическим, через которое пропускается другой конец для образования петли. Кожа ремня изламывается для того, чтобы ремень мог легче сгибаться. Ремень приготовляют из молодой нерпы (не старше 4 лет), причем весь ремень приготовляется из одного животного путем разрезания кожи по спирали вокруг всего животного. Местные тунгусы сами арканов (мawýт) не делают, а покупают их готовыми у орок и гиляк.

Для того чтобы легче было находить оленей, к ним привязывают позвонцы — ка́гальта, состоящие из доски с двумя привязанными к ней на ремешках деревянными погремушками.

Оленей собирают следующим образом. Подходят к стаду и стараются поймать арканом какого-либо верхового оленя. Поймав его, садятся на него верхом, ловят еще несколько верховых оленей, и затем несколько человек верхом на оленях легко собирают все стадо (фот. 7).

Я спросил старика орока, у которого мне пришлось долго жить, почему, если олени пасутся без пастуха, они не разбегаются. Он мне ответил: «Олень привыкает к месту, где родился, любит его и сам отсюда не уйдет. Если же, положим, Набильский орок купит оленя у Пильтунского и за таким оленем не будет смотреть, то олень непременно отобьется от стада и уйдет назад в Пильтун. Он все равно что каторжный, его всегда тянет назад на родину».

«Раньше,—говорил он мне,—когда тунгусов на Сахалине еще не было, оленей пасли без пастуха. Теперь приходится иметь пастуха, так как олени всегда могут пристать к тунгусскому стаду».

Впрочем, по моим наблюдениям, тунгусы проявляют также некоторую злонамеренность. Так, например, при мне тунгус с острова Даги неожиданно снялся с места и ушел со своими оленями. Вместе с ним ушло 50 оленей ороков. Хозяевам пришлось три раза ходить за этими оленями в Ный-во, пока они их всех собрали.

По породе своей и по мастям орокский олень в настоящее время ничем не отличается от оленя сахалинских тунгусов. Пожалуй, можно согласиться с русскими уроженцами, которые говорят, что орокские олени в настоящее время слабее и мельче оленей тунгусских и якутских. Повидимому, совсем другая картина была лет 50 тому назад, когда на острове появились первые тунгусы. По свидетельству как ороков, так и тунгусов, орокский олень был раньше другой породы, чем теперь. Это был очень рослый олень темной масти, сильный и быстрый, по своим признакам очень близкий к дикому северному оленю Сахалина. Характерным отличием состава оленьих стад оро-

ков было отсутствие в них оленей белых—та́гда и пестрых—пэ́мура. Орокам очень нравились белые и пестрые олени первых тунгусских переселенцев, чем последние пользовались и выменивали крупных и сильных орокских оленей на своих мелких—белых и пятнистых.

Эти свидетельства имеют свое подтверждение в предметах материальной культуры. Так, в старину в меховой одежде орок, всюду где надо было употребить белый мех, пользовались, за неимением оленьего, белым собачьим с ног. Собак покупали у гиляк, так же как теперь покупают для жертвоприношения собак на медвежьем празднике. Старые (дедовские) грузовые седла ороков конструкцией своей указывают, что предназначались для крупного оленя. В грузовом седле нового типа доски, которыми оно опирается на спину оленя, делаются плоскими, между тем как старые седла все без исключения имеют характерный выгиб доски. Этот выгиб ороки мне объясняли тем, что седла эти предназначались для рослых оленей, теперь уже несуществующих.

Эти старые седла купить всегда было трудно. Лука сделана из рога дикого оленя, всегда покрыта резным орнаментом Амурского типа, вырезать который теперешние ороки больше не умеют.

Собранная мной возрастная терминология оленей отлична от тунгусской. Она включает в себе термины для самцов до шестилетнего возраста включительно и для самок до пятилетнего включительно.

Холостят оленей по чукотско-самоедско-лопарскому способу, т. е. путем раздавливания testiculae зубами. Полагают, что если удалить оленю testiculae путем разреза serotum, то олень сдохнет. Холостят самцов уже на втором или третьем году, т. е. употребляя возрастную терминологию ороков, самцов annála и ikmönö.

Подобно некоторым другим малочисленным группам тунгусов, ороки в целях передвижения и перевозки грузов пользуются оленем не только под вьюк, но и для запряжки в нарту. Впрочем, пользование оленем, как упряжным животным, несет у ороков все признаки старого культурного приобретения, чем ороки несомненно отличаются от тунгусов, у которых использование оленя в качестве упряжного животного есть новейшее заимствование из оленеводских же культур соседей. Поэтому прав был Л. Шренк, когда выделял орокское оленеводство, как самостоятельный тип.

Для использования оленя под вьюк[1], употребляют грузовые седла—на́мба омуö, которые кладутся оленю поближе к лопаткам и укрепляются одной подпругой «намба чігöрпі-ні». Для перевозки гру-

---

[1] О пользовании оленем под вьюк сообщает Мамиа-Ринсо. Л. Шренк сам не видал этого способа и не знает подобных сообщений от других путешественников. Шренк, стр. 181.

зов (двусторонним вьюком) ороки пользуются в настоящее время тунгусскими вьючными сумами из бересты, обтянутыми равдугой. Большинство этих сум—hylмоў—изготовлены тунгусами и куплены у них. Из опроса многих стариков выяснено, что до прихода на Сахалин тунгусов ороки сумами типа hylмоў не располагали.

Не менее распространен другой тип вьючных сум—сöрöкý—шитых из нерпичьей шкуры без берестяного вкладыша. Они изготовляются ороками как для себя, так и для тунгусов.

Старики говорили мне, что и таких сум в старину не делали, а пользовались для завертывания груза покрышками для чума из рыбьих кож. Если учесть, что чумы, крытые рыбьими покрышками, в настоящее время совсем почти вывелись из употребления, а раньше, наоборот, каждый хозяин располагал большим количеством этих покрышек, к тому же довольно тяжелых, то станет понятным, что ороки стремились перевозить эти покрышки не мертвым грузом, но использовать их под вьюк в качестве сум. В настоящее время приходится делать нерпичьи сумы, так как покрышек с чума осталось очень мало. А приготовление сумы из нерпичьей шкуры несравненно легче, чем приготовление ее из рыбьих кож.

Таким образом техника перевозки грузов вьюком до прихода тунгусов была развита у ороков слабо.

Также и для верховой езды на олене ороки пользовались до прихода тунгусов обыкновенным вьючным седлом.

Верховое седло—нöмо—с подпругой намâннкі принесено тунгусами и встречается редко. При верховой езде на олене употребляется не толстая и недлинная палка с утолщением на одном конце, она служит опорой при посадке на оленя, а также для понукания и его управления. Олений посох называется чінапý.

Для детей существуют особые детские седла с высокой деревянной передней и задней лукой и с двумя досками по бокам, не позволяющими ребенку свалиться. Седла эти принесены тунгусами и якутами. Лишь некоторые из них покрыты орокским спиральным орнаментом. Седла эти в настоящее время по большей части покупаются готовыми у тунгусов, поэтому продаются неохотно.

Грудные дети перевозятся в люльках тунгусского типа, что опять сближает ороков с орочами [1].

Навьюченных оленей ведут за верховым оленем на поводу. Это делается так: на вьючном седле у задней луки с правой стороны имеется ременная петля—гільбакý. Через эту петлю пропускается ремень узды заднего оленя и привязывается переднему оленю вокруг

---

[1] Ольчи имеют люльку гиляцкого типа. В боку люльки имеются специальные отверстия для ремня, посредством которого люлька укрепляется на вьючном седле по обычному способу двухстороннего вьюка.

шеи незатягивающейся петлей. Таким образом каждый передний олень ведет заднего.

Безусловно самая интересная сторона оленеводства ороков—это использование оленя для упряжки. Свои нарты ороки называют охсо̀. Собачью нарту гиляк—тутті.

По конструкции своей орокские нарты выделяются из всех известных на Амуре и северо-востоке Сибири типов. Они не похожи ни на гиляцко-гольдско-орочский тип нарт с двусторонне загнутыми полозьями, ни на чукотско-коряцкий с гнутыми в дугу копыльями. По техническому своему выполнению орокские охсо̀ представляют собой законченный и совершенный тип.

Это довольно широкая, недлинная низкая нарта на трех копыльях с полозьями, загнутыми как у салазок лишь в одну сторону. Самая характерная черта—наклонная постановка полозьев, при которой копылья одной стороны обращены к копыльям другой под острым углом. Этим наклоном полозьев достигается значительная устойчивость легкой нарточки, которая получает тем самым гоночный тип.

Запрягают в охсо́ одного оленя. Впереди в полозьях нарты имеются две дырки, через которые продевается раздваивающийся ремень оленьего потяга—нуску́. Потяг проходит оленю между задних ног и привязывается к хомуту. Хомуты, красиво орнаментированные, вышитые подшейным оленьим волосом, представляют собой пояс шириной в 10 *см* и надеваются оленю через голову под правую переднюю ногу.

Для управления оленем пользуются уздой (сіlма́), длинным черемуховым прутом (сэнготурӧ) и голосом. Ремень узды перекидывается с одного бока оленя на другой, что дает возможность направлять оленя направо и налево. Длинная палка служит для понукания оленя и другой толстый конец ее в качестве тормоза. Тормозные палки—кауры́—употребляемые в собачьей упряжке, при езде на олене не употребляются.

При езде на упрямом олене часто приходится соскакивать с нарт и бежать рядом с оленем, чтобы направить его в нужную сторону.

Несмотря на расспросы, мне не удалось найти у ороков какого-либо предания, освещающего происхождения их оленеводческой культуры. Вообще фольклорным материалом ороки несравнимо беднее орочей. Эта бедность удивляет их самих, когда они сравнивают себя с тунгусами и гиляками. О попытках приручения дикого оленя удалось собрать некоторые сведения: попытки приручения диких оленят производились как в старину, так и теперь некоторыми стариками, но всегда кончались безуспешно. Это всегда удивляло моего рассказчика, причем факт неприручения он объяснял тем, что запах человека губителен для дикого оленя: «Домашний олень,—говорил он,—не боится запаха человека—он все равно что

собака: его можно привязать, он кушает рыбу, юколу. Дикого оленя привяжи—помирает. Вот медведь, лиса, соболь тоже хорошие звери. Тоже можно привязать и кормить. Помирать не будет».

Шренк отмечает у ороков наряду с оленьей наличие также и собачьей упряжки. Нужно думать, что отмеченный Шренком факт следует считать некоторого рода исключительным, нетипичным случаем, подобным занятию в настоящее время оленеводством нескольких человек, сахалинских гиляк. Эти несколько человек предприимчивых коммерческих гиляк, учитывая выгодность пользования оленем в зимнее время для перевозки почты и грузов по линии Николаевск. н/А—Оха н/С., держат небольшое количесто оленей и использовывают их для транспорта. Этот факт, однако, не позволяет говорить нам о наличии у гиляк оленеводства, так как он является одиноким, случайным, не связан с системой быта и является новообразованием, вызванным экономическими факторами современной индустриальной жизни острова. Нужно также отметить, что принадлежащие гилякам олени не ходят отдельным стадом, но отдаются хозяином в оленье стадо ороков под их присмотр, что делается на основе взаимных услуг.

Ороки не держат упряжных собак. Зато у каждого хозяина есть одна, две охотничьих собаки. Эти собаки находятся часто не на привязи, а свободно ходят около жилья, что не препятствует, однако, орокам оставлять без присмотра на улице убитых нерп, рыбу, юколу, кожаные предметы и тому подобные съедобные для собак вещи, которых нельзя ни на одну минуту оставить без присмотра в гиляцком стойбище.

Небольшое количество собак позволяет хозяевам хорошо их кормить, что безусловно отражается на поведении собак. Появление в орокском стойбище забежавшей гиляцкой собаки вызывает переполох и крики. Вся жизнь стойбища протекает так, что голодная гиляцкая собака может натворить много бед, даже при кратковременном визите. Лишь когда собака изгнана, жизнь стойбища продолжает течь своим обычным порядком.

С другой стороны, и ороки опасаются с своими оленями близко подходить к гиляцким стойбищам. Так, при мне один орок, пришедший с оленями из Японии («с Тихменевской», как говорят ороки) погостить к своим сородичам, которого я нанял, было, доставить на своих вьючных оленях нашу экспедицию из Набильского залива в гиляцкое стойбище Ный-во, раздумал через некоторое время из боязни перед гиляцкими собаками. Он предпочел также, когда ему понадобилось итти в Ный-во в Госторг, тащить купленный груз на своих плечах, чтобы не рисковать оленем.

Таким образом различие хозяйственных укладов—оленеводческого и собаководческого—изолирует ороков от гиляк, кладет некоторые зна-

чительные пределы общению этих двух народностей. Представляется мало вероятной возможность совмещения в одном хозяйстве и оленеводства и собаководства, поэтому я полагаю, что сообщаемый Шренком факт относительно собаководства ороков является случайным. Между прочим, мясо собак ороки, подобно тунгусам, не едят.

В хозяйстве и экономике ороков олень имеет значение главным образом животного, служащего для передвижения. Ввиду малочисленности оленьих стад он теряет значение мясного животного, а также молочного. На мясо олень убивается только в случаях тех или иных ранений, если не принимать во внимание убоя на похоронах и тому подбных случаев. Оленье молоко имеет значение не столько как продукт питания, сколько как приправа и лакомство. В хозяйстве орок имеет еще значение мех оленя для зимнего платья, ровдуга для обуви и сухожилия для ниток. Главная же выгода оленьего хозяйства сводится в настоящее время к заработку на оленьем транспорте. Оленьим вьюком пользуются летом геологические и топографические экспедиции, зимой—разные лица, проезжающие по служебным надобностям.

Оленеводство орок, занимая в их хозяйственных и культурных традициях центральное место, не могло не найти своего отражения также и в явлениях социальной жизни. Олень занимает видное место в похоронном и свадебном обрядах, в медвежьем празднике и в космогонических представлениях.

Не менее значительное, сравнительно с оленеводством, место занимает в хозяйственной жизни ороков рыболовство и заготовка юколы.

Эта сторона их хозяйственной жизни, как мы видели, определила конструктивные особенности их летников. На восточном берегу Сахалина мы имеем те же виды ходовой лососевой рыбы, что в Амурском лимане и в Татарском проливе. В настоящее время лов рыбы производится артелью неводом, но в полной мере сохранились и старые способы: лов посредством перегораживания реки в ее устье сеткой несколько саженей в длину, острогой, удочкой и сачком. Трехзубой остроги, распространенной по Амуру и у орочей, мне обнаружить не удалось. Употребляется острога с соскакивающим наконечником в виде крючка, обращенного остреем вперед, тип, употребляемый также орочами и гиляками.

Гарпун на нерпу (nёhгбó) идентичен с орочским и гиляцким. У ороков можно еще найти старый палеазиатский тип наконечника, состоящий из костяной промежуточной части и плоской железной пластинки в качестве острия. Причем и орудия охоты на нерпу идентичны гиляцким. Практикуется подкарауливание нерп на специально для них устроенных плавающих бревнах, на которых нерпа любит греться на солнце.

Ее бьют с отмели при помощи остроумного прибора, представляющего собой плавающий гарпун, с древком в несколько десятков саженей. Ранней весной по плавающему льду охота на нерпу производится не только в заливах, но и в открытом море. Удочки ороков в деталях схожи с орочскими. Способ заготовки юколы резко отличен от способа гиляк, не употребляющих вяление под крышей в дыму очага. Юкола ороков значительно питательней и выше качеством. Ими изготовляются не менее восьми сортов юколы, каждый сорт имеет свое название. Обработка рыбьих кож происходит по гольдско-орочскому способу деревянными тяжелыми топорами (wэскý). Таким образом несомненно, что навыки приготовления юколы и обработки рыбных кож ими принесены уже готовыми на Сахалин. Нерпичье мясо и нерпичий топленый жир играют в пищевом режиме ороков очень большую роль. Нерпичий жир едят вместе с юколой, поливают им ягоды, запивают им чай. Орокам знакомо приготовление пресных лепешек из пшеничной муки. Лепешки пекутся подобно рыбе на вертеле у огня очага, расправленные на палочках по гольдско-орочскому способу. Потребление муки ороками значительно выше такового гиляк.

Лодка ороков угда—однодревка долбленая из тополя—идентична гиляцкой (восточно-сахалинской), имеет борта, на корме и на носу выдающиеся козырьком, и не имеет характерного для ульмагды орочей и удэ лопатообразного выступа дна (фот. 8).

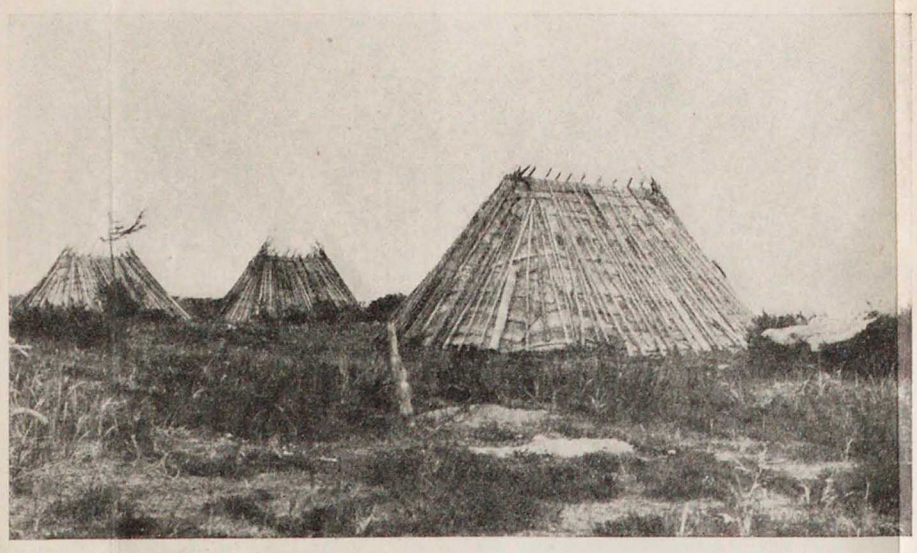
После оленеводства и рыболовства необходимо сказать об охоте ороков. Охота на медведя, северного оленя, соболя, выдру производится при помощи орудий, идентичных с орочскими, гиляцкими и гольдскими: петли на соболя; различной величины самострелы, со стрелками, снабженными разными наконечниками; покрытые инкрустацией копья на медведя; в прошлом лук и стрелы. Лук не только простой, употреблямый сейчас на медвежьем празднике, но также сложный (собственного изделия). Стрелы с оперением из трех и двух перьев, радиальным и тангенциальным, с приклеиванием пера и привязыванием. Колчан, найденный мной в погребении, идентичен орочскому. При стрельбе из лука на палец надевалось кольцо для защиты от удара тетивы. Так же как у орочей, обычаем охоты требуется сохранение в амбарах некоторых частей дичи. (Например носов соболя и лисы.)

Перед началом охоты производится старшим в охотничьей артели жертвоприношение в тайге с обращением к бо-эндурі—божеству земли и неба (погоды), соответствующему орочскому боá, а также к хозяевам различных охотничьих угодий, с просьбой принять предлагаемое приношение и послать благополучие на охоте, здоровье и удачу в промысле.

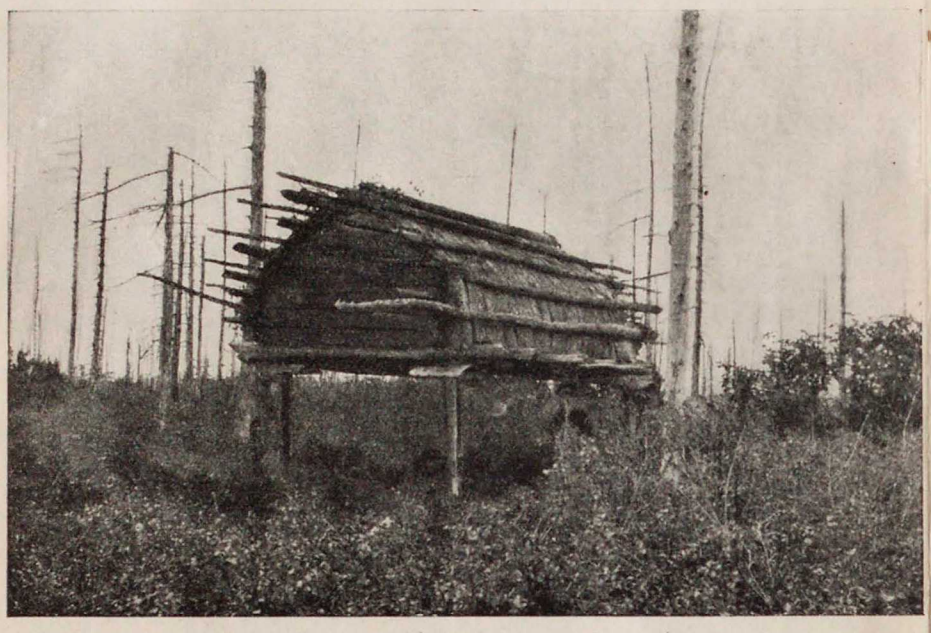
Я собрал небольшой словарь (около 300 слов) орокского языка, обработка которого лингвистом, нужно думать, прибавит

Фот. 1. Конический чум, крытый корой. Р. Вал.

Фот. 2. Летники стойб. Даги.

Фот. 3. Свайный амбар. Тайга около летников стойб. Даута.

Фот. 7. Верхом на олене. Устье р. Б. Горомай.

Фот. 4. Владимир Тóрся

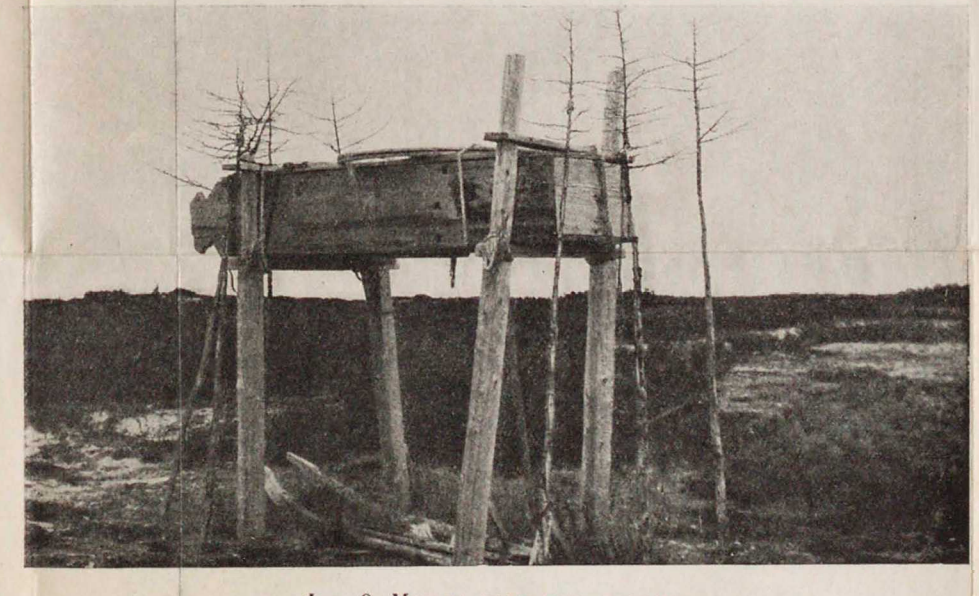
Фот. 5. Tolno Намиссá.

Фот. 6. Девушка у колодца.

Фот. 8. Отправка юколы в амбар. Б. Горомай.

Фот. 9. Могила последнего шамана.

что-либо новое к нашим крайне скудным познаниям об их языке. Словарь заключает много слов, тождественных с орочскими. Однако к какому из манджуро-тунгусских племен язык ороков стоит ближе всего, я сказать не могу. Принято считать его наречием ольчского. Знаю со слов ороков, что с ольчами они объясняются довольно свободно. Все ороки в настоящее время очень плохо говорят по-русски. Никто из них переводчиком служить не может. Все ороки, мужчины и женщины, говорят по-гиляцки и по-тунгусски. Некоторые мужчины кроме того объясняются по-японски. Таким образом голова этих «дикарей» поднимает большой лингвистический груз.

Старый тип орокских погребений, который мне еще удалось видеть в нескольких местах,—тип погребений надземных на стойках, в гробах особой формы. Окружающие гиляки, как известно, предают своих покойников сожжению. (1) Фот. 9.

После того как покойник будет дома обряжен и накормлен, его кладут на нарты—охсо, и четыре человека несут его к месту погребения. Здесь, в зависимости от общественной значимости, семейного положения и привязанности к покойнику, убивают одного или нескольких оленей. Оленя режут следующим образом: в руку покойника вкладывают длинный ремень узды, надетой на оленя. Оленя ударяют по крупу специально сделанной из дерева секирой—laута. Когда олень бросится бежать, его нагоняет орок, которому предстоит его заколоть, и колет его на бегу в шею сверху ножом. Операция эта требует большой ловкости, поэтому редко убивают оленя сразу на месте наповал.

Шкура с оленя снимается и находит себе хозяйственное применение, внутренности вынимаются все целиком, не разнимая частей между собой. В пищу они не идут, а закапываются все целиком около места погребения. Нарты ломаются и оставляются лежать на земле. Тут же остаются рога оленей. Мясо варится и употребляется в пищу родственниками и всеми приехавшими на похороны. Мясо разрешается есть в течение трех дней по смерти покойника. К заходу солнца третьего дня все оставшееся мясо относится к могиле и закапывается в землю подобно внутренностям. Кости, оставшиеся от еды, завернутые в хвойные ветки, сносятся и складываются на могиле.

По воззрениям ороков, покойник едет в загробный мир—буні—на олене, запряженном в нарту. Путь его продолжается три дня. Это указание на трехдневный путь подтверждается вышеописанным похоронным обрядом трехдневного разрешения на мясо убитого оленя. В гроб покойнику кладется, кроме весьма многих предметов главным образом охотничьего снаряжения, о которых я здесь упоминать не буду, также оленье седло. Оговорюсь, что по представлениям орок части пути душа—nhanà—делает пешком—т. к. в гроб кладется посох для души—nhanà чінапу-ні—с железным наконечником, а на каждую

подошву обуви покойника прикрепляются по железному острию, чтобы у него не скользили ноги. На грудь покойнику кладется модель рыбьей покрышки—гу́йдо—для покрытия в буні нового чума.

На тунгусскую родину ороков кроме самого типа погребения также указывает надеваемый покойницам женщинам нагрудник—нöлlý, а мужчинам передник—под халат—а͡ýту́.

Как уже указывалось, невеста обязательно берется из другого рода.

За невесту уплачивается калым. В его состав входит комплект предметов, называемых «джяка». По сравнению с орочами здесь много предметов японских. Дорогие китайские и японские ткани, кинжалы, украшения из полированного камня и пр. хранятся в оленьих сумках, в свайных амбарах в тайге. Невеста привозит с собой приданое, которое по стоимости мало отличается от уплачиваемого за нее калыма. Случаев многоженства, столь обычного у орочей, нами не зарегистрировано, хотя принципиально оно возможно. Браков, заключенных в детском возрасте, также не зарегистрировано. Относительно ранние браки являются, как и у других манджуро-тунгусов, в значительной степени следствием отрицательного для женщин соотношения полов в племени.

Свадьба происходит исключительно в зимнее время. Итти пешком невесте предосудительно. Также запрещается ехать ей верхом на олене. Вся свадьба играется на нартах (охсо). За невестой приезжает жених на олене, запряженном в нарту. Невеста также уезжает из родного дома на нарте, запряженной одним оленем. Свадебная нарта раньше готовилась в качестве приданого и украшалась орнаментом. Невеста сидит на нарте одна. На ту же нарту грузится ее приданое, сзади на поводу за нартой невесты следуют олени. У богатой невесты бывало 5 оленей и 5 быков.

То обстоятельство, что орокская свадьба протекает зимой и на нартах, в то же время, как свадьба гольдов, орочей и гиляк на лодках, причем имеются специальные свадебные лодки, накладывает на орокскую свадьбу специфический отпечаток оленеводческой культуры.

В медвежьем празднике олень имеет также немаловажное значение. Если гиляки, орочи и ольчи устраивают на медвежьем празднике бега на собаках, то ороки те же бега устраивают на оленях. К оленьим гонкам они относятся с величайшим азартом. Гонки были одной из главных притягательных сил медвежьего праздника. Чтобы посмотреть на них, съезжалось человек до 80. Кроме гонок на краткие расстояния по заливам устраивались пробеги оленей для испытания выносливости верст на 20.

Медвежий праздник ороков характеризуется воспитанием медведя в клетке, т. е. по типу своему примыкает к гиляцко-айнскому. После того, как медведь выкармливался 2—3 года, хозяин его посы-

лает вестника созывать гостей на праздник. Медведь убивается стрелой представителем чужого рода на специальной арене в тайге в начале зимы. Арена богато украшается стружками ilay и елочками. Стрельба в отличие от гиляк производится не на запад по направлению к Сахалинскому хребту (где по воззрениям гиляк живет хозяин медведей), но на восток. Медвежий пир и связанные с ним игры и гонки на оленях происходят не одновременно с убиением медведя, но некоторое время спустя на новой зимней стоянке. Это самостоятельный и более многолюдный праздник. На нем съедается голова медведя. Для медвежьего праздника приготовляется особое кушанье — «моні» — из клейстера, натертого из отваренных рыбьих шкурок—нерпичьего жира и ягод. Это кушание приготовляется в специальных орнаментированных корытах, схожих с гиляцкими. При еде медвежьего мяса употребляются резные ковши и ложки с скульптурными изображениями. Мне удалось привезти большую и, несомненно, последнюю коллекцию старинной утвари медвежьего праздника. Тип орокских ковшей для медвежьего мяса и жира резко отличен от гиляцких. Части медвежьей туши имеют особые подставные названия, существуют соответствующие запреты для женщин, ограничивающие их участие в еде мяса и в играх. Многие черты праздника связывают его с орочами и отличают от гиляк. В организации и в течении праздника имеет большое значение родовой момент. Так, например, провизия для угощения заготовляется членами рода хозяина. Погребение медведя производится по способу, свойственному, повидимому, одним лишь орокам. Именно они собирают полный скелет медведя, нанизывая позвонки на тальниковые прутья, и полагают его на помост.

Представления о божественном хозяине медведя — медведе-человеке Доóто—аналогичны гольдским и орочским и отличны от гиляцких представлений о горном человеке. Доóто играет большую роль в шаманском пантеоне.

С нерпой и касаткой (один из видов зубастых китов) у ороков связаны представления, близкие гиляцким и орочским. Убой нерпы, съедание ее мяса и обращение с остатками (погребение) носят ритуальный характер.

Нерпа убивается специальной деревянной палицей. Многие части нерпичьей туши имеют сакраментальное значение. Глазная жидкость, хрусталик и желчь возвращаются обратно морю. Также и очищенный от мяса череп, украшенный «ilay». Для еды мяса нерпы существует ритуальная посуда. В моих материалах имеются описания пластования нерпы, а также традиционных способов еды головы нерпы и другого сакрального мяса.

Касатка почитается хозяином моря. Ее представляют себе в виде человека, сидящего в лодке, вооруженного ножом. Лодки-касатки принадлежат хозяину моря Тэому и несут дозорную службу.

Шаманство ороков должно быть отнесено к гольдско-орочскому типу. В шаманском пантеоне мы находим все известные у гольдов и орочей персонажи. Различаются три типа камлания: камлание шамана для себя, для излечения больного и камлание общественного характера, при котором шаман на поводу переходит по порядку из дома в дом, совершая объезд стойбищ. Шаманы имели около своих жилищ, подобные орочским туру́, т. е. монументальные столбы, раздваивающиеся на вершине с изображением божества на столбе. Последний орокский шаман умер в 1925 г., и в настоящее время шаманов у ороков более нет. Одеяние шамана состоит из юбочки, пояса с железными побрякушками, стружек—ilay͡. Бубен узкоободный амурского типа; женщины употребляют погремушки—пеобі, подобные орочским, и употребляемым гиляками на медвежьем празднике. Шаманы употребляют также жезлы. При лечении болезней большое значение имеет божество моря Тэому и божество медведей Доото. Их именем обозначаются два огня из углей, разводимые перед шаманом для курения богульника.

Важнейший компонент мировоззрения орок — зоолатрия, частным случаем которой является медвежий культ. Весьма многие животные почитаются за сверхестественные существа, наделенные особыми силами. Сюда относятся охотничьи животные, морские рыбы и беспозвоночные, а также насекомые. Второе место по значению занимают море и божество моря Тэому. С ним связаны все обряды по отношению к нерпе, а также ежегодные жертвоприношения морю. Видное место занимают представления о бо-эндури, а также о хозяевах данного места, хребта, реки и т. п. С этими представлениями связаны жертвоприношения в тайге перед началом охоты.

Духи большей части шаманского пантеона, как уже указывалось, в значительной степени зооморфны. Но зооморфизм этот есть только личина — внешняя оболочка, за которой в конце концов кроется опять человек. Поэтому, так же как и для пантеона, у орочей следует отметить антропоморфный характер всех духов, с одной стороны, и их весьма материальный характер,—с другой.

Понятие «дух» в шаманстве следует ясно различать от понятия нематериального духа, выработанного европейской философией.

Особое положение занимает представление о Хадаy͡.

— Это творец и культурный герой. Он придал вселенной ее настоящий вид, научил людей полезным знаниям и искусствам и дал им нормы поведения, нарушать которые грех (сюнгнѣ). Представления и легенды о Хадаy͡ стоят особняком от системы шаманского мировоззрения. Хадаy͡ не изображается—идолов (сэвонов) его не делают, он не фигурирует также в шаманской магии, как медицинской, так и промысловой. Хадаy͡—это персонаж, который отвечает запросам туземца о причине существующего, на вопросы космогонические, на

вопросы о происхождении культурных приобретений и морально правовых норм. Орочи приписывают ему также изобретение шаманства. Цикл представлений о Хадаў занимает самостоятельное независимое от шаманской системы положение.

Одна из легенд о Хадаў интересна по своей связи с оленеводством, хотя по теме близка к подобной же гиляцкой легенде, записанной Л. Штернбергом.

Хадаў ехал на нарте (охсо), в руках у него был легкий шест из черемухи для управления оленем. Спускаясь под гору, он употреблял его в качестве тормоза, и в тех местах образовывались реки; где земля была слишком тверда, там получались излучины. Ударял шестом направо и налево, и там, где ложились его удары, образовывались притоки.

На основании собранного мной этнографического материала, предварительное сообщение о котором представляет настоящий очерк, можно поставить ороков в известные отношения к другим тунгусско-манджурским народностям, а также и гиляцко-айнской культуре.

В хозяйственном отношении основа их быта—оленеводство, причем оленеводство особого типа, т. к. примыкая к тунгусскому верховому, оно замечательно наличием упряжки оленя, причем нерта ороков составляет их давнишнее культурное достояние, а не недавнее заимствование.

Другой составной частью их хозяйства, не менее важной, является рыболовство. Тип рыболовства связывает их с манджуро-тунгусами бассейна Амура и отличает от гиляк. Тип рыболовства ороков заставил их перенять также типичный для Амура полуоседлый образ жизни.

Жилище ороков несет на себе значительные следы влияния их хозяйственного уклада.

Конический чум, связанный с оленеводством, по конструкции и терминологии идентичен тунгусскому, деталью покрытия (из рыбьих кож) связан с манджуро-тунгусами Амура (орочи).

Двускатная форма летника связана с охотничьими племенами Амурского и Уссурийского края.

Покрытие амбара (в виде свода) связывает ороков не только с Амуром, но и с Северо-байкальскими тунгусами.

Охота на нерпу подобна гиляцкой. С гиляками, конечно, связаны все религиозные представления о нерпе, косатке,ките, о божестве моря, обряд жертвоприношения морю и вообще весь цикл представлений и хозяйственных навыков, связанных с морем. Лодки орок без типичного носа—лопаты, также гиляцкого типа.

Орудия охоты—как самострел (лаута), сложный лук—связывают их с тунгусами и вообще с восточною Сибирью, орнаментированное

копье на медведя—с гиляками и Амурским краем и является вероятнее всего одинаково предметом импорта у всех племен Амура.

Костюм имеет как тунгусский (зимняя одежда сюун, нагрудник Hölly и передник буту), так и манджуро-китайские (покрой халатов изготовление их из рыбьих кож, украшения, убор волос и друг.). В юбочке из нерпы нужно видеть вероятно гиляцкий элемент.

Весь комплекс шаманства ороков безусловно не гиляцкого или тунгусского, а Амурского — гольдского - удэхейско - орочского типа. К этому же комплексу относятся представления о хозяине медведя, отличные от представлений гиляк о Паль Нигм, горном человеке.

Медвежий культ, общий с тунгусами и другими народностями Сибири, имеет тип гиляцко-айнский, т. е. связан с воспитанием медведя и с развитым медвежьим праздником.

Погребение (воздушное) связывает орок с тунгусами и отличает от гиляк.

Свадьба и похоронный обряд имеют много черт племенной самобытности.

Представления о буа (бо), персонаже, не изображаемом в виде идолов, связывает их с орочами и тунгусами.

О СИСТЕМАХ РОДСТВА У АВСТРАЛИЙЦЕВ

(К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЕМЬИ)

С. А. Токарев (Москва)

Вопрос о первобытных формах брачно-семейных и половых отношений до сих пор остается нерешенным в науке. Существовали ли индивидуальная семья и индивидуальный брак с самого начала человеческой истории, или возникновение их относится к сравнительно поздней поре,— вот основной вопрос, доныне разделяющий этнологов на два враждующие лагеря: сторонников первобытности индивидуального брака и семьи, и теоретиков «промискуитета», «группового брака» и т. п.

В спорах по этому вопросу значительную роль играют обычно так называемые классифицирующие системы обозначений родства, впервые научно описанные и использованные в данном отношении Морганом. За или против Моргана,— под этими лозунгами и идет поэтому до сих пор борьба.

В предлагаемой небольшой работе я постараюсь выяснить этот вопрос, пользуясь данными австралийских номенклатур родства. Предвосхищая результаты, я позволю себе тут же высказать следующее мнение: хотя способ рассуждения Морганом был основан в самом начале на ошибке, раскрытой впоследствии его критиками,— все же по результатам исследования он был ближе к истине, чем его противники. Именно это я и постараюсь доказать в настоящей статье.

* * *

I

Описание австралийских систем родства можно встретить в двух отличных друг от друга формах. Чаще всего наблюдатели сообщают нам, что, например, отец, брат отца, муж сестры матери и пр. называются одинаковым термином, именно так-то; мать, сестра матери и пр.— тоже одним термином, так-то; жена, сестра жены, жена брата — тоже одинаково и т. д.: для каждого родственника имеются свои обозначения, частью сходные, частью различные между собой. Но

другие показания говорят несколько иное: так, Спенсер и Гиллен, описывая системы родства центральных племен, говорят, например, что у Warramunga мужчина класса[1] Thapungarti называет всех Thapanunga—«gambatja»—«отцами», или «katakitji»—«детьми», всех Tjunguri—«tjurtalia»—«матерями жен», или «auiniari»—«детьми дочерей, дочерей»—и т. д.[2]): здесь эти обозначения прилагаются уже не к тем или иным родственникам, а к целым классам лиц, в том числе к совершенно чужим людям; здесь эти системы в буквальном смысле слова «классифицирующие», ибо они охватывают этой классификацией решительно всех людей, даже европейцев, как показывают некоторые сообщения.

В этих двух вариантах мы видим как будто два совершенно различных принципа: принцип обозначения родственников и принцип классификации всего человечества. Но в сущности здесь налицо лишь две стороны одной системы, вернее, два ее приложения. «Теоретически» туземец будет считать всякого человека, принадлежащего к одному классу с его отцом,—хоть будь он родом с противоположного конца материка,—«отцом», и так его и называет. Практически же, в условиях жизни в небольших группах, все члены которых более или менее родня, он называет «отцами», может быть, 2—3 мужчин (своего настоящего отца, дядей), столько же у него «сыновей» и т. д., которые все действительно сродни ему. Так, теория вполне естественно расходится с повседневной практикой и лишь в редких случаях применяется.

Больше того. Иногда (может быть, часто) в родственной терминологии существуют особые наименования ближайших родственников—настоящие индивидуальные термины, какими пользуемся и мы; по крайней мере в некоторых наилучше описанных номенклатурах родства мы такие индивидуальные термины встречаем. Самый яркий пример—системы родства Aranda и Loritja, в передаче Штрелова. В таблицах Штрелова[3] имеется два параллельных ряда обозначений, из которых первый ряд относится к целым категориям лиц—классам, а второй включает индивидуальные обозначения для ближайшей родни; термины этого второго ряда образованы из терминов первого путем добавления некоторых суффиксов или целых слов. Например: у Aranda мужчина класса Bangata называет всех женщин класса Mbitjana и своего поколения «noa» (что соответствует обычному переводу «жена»); сюда же включается его собственная жена, которую он однако называет «noatja», и старшая и младшая сестры

[1] Племя Warramunga делится на 8 «брачных классов».

[2] Spencer and Sillen. Northern tribes of Central Australia, p. 105—7. См. также Cameron в «Journ. of Anthrop. Institute», v. 14, p. 352.

[3] Strehlow C. Die Aranda-und Loritja-Stämme in Zentral-Australien, T. IV, I, pp. 66—70, 81—5.

его жены, которых он называет «noa Knara» и «noa larra». Он называет мужчин этого же класса и поколения «mbana» («брат жены»), но брата своей настоящей жены называет он «mbanatja», мужа своей старшей сестры — «mbana knara», а мужа младшей — «mbana larra». Женщин класса Purula и старшего поколения он зовет «maia» («мать»), но для своей родной матери у него есть название «matjinga» (взрослые называют свою мать «banga» — «старая», «слепая»), для старшей сестры ее «maia knara» (или «maia pmalatia»), а для младшей «maia larra». И т. д. — Штрелов говорит[1], что часто и ближайшие родственники обозначаются простыми терминами, без добавочных суффиксов и слов, т. е. «maia», «noa», «mbana» и т. д. Можно думать, что индивидуализирующие суффиксы и слова употребляются в тех случаях, когда иначе было бы не ясно, к кому именно обращается или о ком говорит человек, т. е. когда налицо несколько лиц данного класса и поколения. Значит, в языке есть средства для индивидуального обозначения родственников, но на практике пользуются и групповыми обозначениями. Возможно, что в других номенклатурах и нет таких специфических терминов, и в обращении находятся исключительно групповые, но, как сказано, с двойным значением.

Итак, австралийские термины родства применяются в двух смыслах: иногда ими обозначают своих кровных родственников или свойственников, а иногда — лиц, принадлежащих к тем же группам (классам, поколениям), как и соответствующие родственники. Термины в обоих смыслах употребляются или те же самые или несколько измененные. Вопрос заключается в следующем: какое из этих двух значений первоначальное и какое производное? Означали ли эти термины вначале ближайших родственников, а позже почему-либо стали употребляться более широко, или наоборот, они вначале относились к целым группам, из которых позже выделились ближайшие родственники?

Казалось бы, первый ответ чуть ли не самоочевиден. Разве не первые слова в устах ребенка — «папа» и «мама», и разве не родные окружают человека с детства? Разве не ближе всех для нас наши родители, братья и сестры, жена, дети? Разве у самого первобытного человека не было отцов и матерей, жен и детей? Такое решение настолько напрашивается само собой, что в большинстве научных теорий, касающихся происхождения классифицирующих систем родства (вообще, а не только австралийских), этот вопрос даже не ставится. Во всяком случае подавляющее большинство теоретиков, начиная с Моргана и кончая Лоуи, одни молчаливо, другие (немногие) открыто, принимают, что первоначальное значение классифицирующих терминов индивидуальное. Вопрос для них обычно

[1] Ibid., 65.

состоял лишь в том, в силу каких условий произошло расширение значений этих терминов?

Только сообразно решению этого последнего вопроса и разнятся между собой отдельные теории (если не говорить пока о некоторых, очень немногочисленных авторах). Одни — как Морган, Энгельс, Колер, Фрэзер, Спенсер и Гиллен, Хауитт, отчасти Риверс, — полагают, что причиной такого расширения были широкие формы половых отношений, так называемый «групповой брак». Другие — Мак Леннан — считают, что широкое употребление терминов — лишь формула вежливости и ничего более. Третьи — Крубер — ссылаются на психологические мотивы. Четвертые — Э. Лэнг — видят в расширении значений терминов отражение крупных социологических перемен. Наконец, пятые — Риверс, Лоуи — считают, что в создании классифицирующих систем родства участвовали разные социальные и семейные факторы, обусловившие широкое применение родственных терминов.

Однако ни одна из этих концепций удовлетворить нас не может.

Едва ли нужно разбирать здесь аргументацию Моргана и его школы, видевшей в классифицирующих системах родства дериват широких форм брака. Вполне достаточная критика этих взглядов уже сделана наукой, — сошлюсь хотя бы на хороший разбор схемы Моргана в книге А. Н. Максимова «Что сделано по истории семьи», а также на критику ее у Томаса[1]) или у Лоуи[2]. Укажу только на одну, доселе не отмеченную логическую ошибку представителей этой школы. Они утверждают, что первоначальное значение терминов родства было не индивидуальное, а групповое: были группы «отцов», «матерей», «жен» и т. д.; индивидуальные же «отец», «жена» и т. п. выделились в сравнительно позднюю эпоху. Но, с другой стороны, ученые этой школы молчаливо исходят из кровно-родственного, т. е. индивидуального, значения этих терминов, объясняя их групповое употребление, как результат логического расширения их значения в связи с широкими формами брачно-половых отношений. Следовательно, логическая последовательность значений противоречит у них хронологической.

Нет нужды также разбирать теорию Мак Леннана, почти (или совсем) не имевшую сторонников и опровергнутую хотя бы Фрэзером[3], а также и взгляды Крубера, несостоятельность которых хорошо показал Риверс[4].

---

[1] Thomas N. V. Kinship organisation and group marriage in Australia. Cambr. 1906, pp. 119—123.

[2] Lowie R. Primitive society, N.-J. 1925, pp. 55—59.

[3] Frazer. J. S Totemism and exogamy, L. 1910, I, pp. 291—293.

[4] Rivers, V. H. R. Kinship and social organisation, L. 1914, passim.

Я рассмотрю здесь вкратце только теории Э. Лэнга, Риверса и Р. Лоуи, касающиеся этого предмета. Эти три теории отличаются некоторой оригинальностью и в известных частях, повидимому, правильны. Начну с последней.

II

Взгляды Роберта Лоуи на происхождение классифицирующих систем несколько неопределенны. Он предполагает, повидимому, что они были созданием нескольких социальных факторов. Два из них — родовая организация и обычай левирата вместе с сороратом — наилучше, но не во всех случаях объясняют особенности этих систем; иногда нужно искать других факторов, как например, вид брачной «резиденции», т. е. обычай поселения супругов у мужа или у жены (патрилокальный или матрилокальный брак),— впрочем, в соединении с той же родовой организацией. При этом родовая организация определяет собой (кажется, такова мысль Лоуи) такой основной принцип этих систем родства, как двухстороннее расчленение родни, а соединенное действие левирата и сорората — другой основной принцип их: групповое значение терминов. Лоуи правильно замечает, что «дакотская терминология» (как он называет классифицирующие системы) хорошо согласуется с двойной (фратриальной) организацией общества (это говорил еще Тайлор)[1], и что экзогамный род, обособляющий родню по отцу от родни по матери, «вызывает (produces) дакотскую терминологию»[2]. Правда, «ассоциированная (с родовой организацией) дакотская терминология, может быть, в значительной мере обязана возникновением более раннему действию левирата и сорората, но этого не было бы достаточно, чтобы вызвать дифференциацию параллельных двоюродных братьев и сестер, сопровождающую множественную родовую организацию. Однако это естественно вытекает из тех фактов резиденции (т. е. матрилокальности или патрилокальности.— *С. Т.*) и передачи прав собственности, которые установили односторонние линии родства»[3]. Как же левират и сорорат, существовавшие, по Лоуи, прежде родовой организации, обусловили «дакотскую терминологию»? Оказывается, при левирате брат отца после его смерти заступает его место, как мужа матери, и потому как бы приравнивается к отцу; обратно, сын брата в таком случае может оказаться «сыном», двоюродный брат — «братом»; жена брата может стать женой, брат мужа — мужем. С другой стороны,

[1] Lowie, op. cit., 135.

[2] Ibid., 114. Лоуи, однако, оговаривается, что связь родовой системы с дакотской терминологией есть лишь «эмпирическая корреляция», и каузальная зависимость между ними необязательна (162). Такой педантизм был бы более полезен ему в другом месте (см. ниже).

[3] Ibid., 165—166.

при сорорате сестра матери может стать (в некоторых случаях после ее смерти) женой отца, т. е. «матерью» же, ее племянники—«сыновьями» и «дочерями», сестра жены приравнивается к жене и т. д. Так расширение терминов родства вполне последовательно вытекает из указанных двух форм брака, и широкое распространение «дакотской терминологии» имеет «достаточное объяснение» в широком распространении левирата и сорората [1]. Впрочем, как указывалось, возможно и иное происхождение этих систем. «Моя теория,— говорит автор,— не заключает догмата, что всякая дакотская терминология является результатом этих двух форм брака»[2].

По поводу установления связи (зависимости) между родовой (или фратриальной) организацией и классифицирующими системами родства возразить ничего нельзя. Напротив, я постараюсь в дальнейшем привести некоторые соображения в пользу наличия этой зависимости. Оставим в стороне вопрос о том, является ли этот фактор достаточным для объяснения этих систем, или он объясняет их не вполне. Коснемся только значения левирата и сорората. Как мы заметили, левират, по мнению Лоуи, создает объединение под одним термином некоторых агнатических родственников, сорорат — когнатических. Но известно, что (за весьма немногими исключениями) классифицирующие системы родства обладают полной симметричностью, т. е. принцип группировки агнатических и когнатических родственников в пределах каждой системы одинаков: если брат отца = отцу, то сестра матери = матери, если дети брата отца—братья и сестры, то дети сестры матери—тоже братья и сестры и т. д. Исключения, повторяю, крайне редки и обычно легче объясняются, как отклонения от нормального типа[3]. В таком случае мы принуждены, исходя из теории Лоуи, допустить, что левират и сорорат действовали всегда совместно, левират никогда не существовал и не существует без сорората, и обратно. Но факты резко противоречат этому. Левират является весьма распространенной формой, но сорорат встречается значительно реже, и еще реже он сопутствует левирату. В частности в Австралии левират господствует почти повсеместно [4], сорорат же известен мне лишь в трех местах: у Kurnai [5],

---

[1] Lowie, op. cit. 37, 61.

[2] Ibid., 164.

[3] Исключениями в Австралии являются племена Bahkunji, Purgoma и Wathi-Wathi, отделяющие в обозначениях мать от ее сестер, но не отделяющие отца от его братьев,— и племя Kunopia, поступающее наоборот (см. Максимов, Системы родства австралийцев, «Этн. Обозр.», 1912, № 1—2, стр. 52); также племя Kabi, где дети сестер матери именуются братьями и сестрами, а дети брата отца—кузенами (ibid., 63).

[4] Отсутствие его, кажется, отмечено только у 4 племен: Kamilaroi, Turrbal, Wotjobaluk и Parooinji (см. Howitt, Native tribes of S.-E. Australia, pp. 207, 237, 248; Curr, E. The Australian race, v. 2, p. 182).

[5] Fison L., and Howitt, A. Kamilaroi and Kurnai, 202—3; Curr, op. cit., III, 546.

в Ю.-З. Виктории [1], на северо-запад. побережьи: у Kariera [2] и их соседей Gnalluma[3], и в северном Квинслэнде [4], причем у некоторых из этих племен о левирате неизвестно. А как раз австралийские системы родства обладают наибольшей симметричностью.

Выход из этого затруднения для автора мог бы быть только в допущении прежнего постоянного и повсеместного сосуществования левирата и сорората (что, впрочем, противоречит методу Лоуи, который всегда старательно избегает конструировать какие-либо прежние социальные формы). Но тогда теряются преимущества разбираемой теории, состоящие в апелляции к существующим и очевидным, а не гипотетическим фактам. А кроме того, тогда мы возвращаемся, собственно говоря, к теории Моргана и его школы,— теории группового брака,— с той только разницей, что у Лоуи дело идет о заместительстве отца его братом (и матери — ее сестрой,— при «посмертном» типе сорората), после его (ее) смерти, а не об одновременном супружеском сожительстве группы братьев и сестер. Несостоятельность морганов ской теории, повторяю, достаточно выяснена критикой, но все аргументы, приводившиеся против нее, с удвоенной силой могут быть обращены против такого варианта разбираемой теории. А впрочем, эти же аргументы можно повторить против теории Лоуи и в неизмененном ее виде. Критики Моргана не раз указывали, что, например, сожительство сестры моей матери с моим отцом еще не делает ее моей матерью, а меня ее сыном, и т. п. Тем более этого эффекта не получится из возможности (при том не всегда осуществляемой) выхода ее замуж за моего отца после смерти его жены, а моей матери. А если «недостоверность отцовства» при групповом браке и могла служить для последователей Моргана объяснением факта смешения в одном термине отца и его братьев,— то при левирате такой недостоверности нет, и этот единственно серьезный аргумент Моргана для Лоуи невозможен[5]. Ниже, в связи с теорией Лэнга, будет показано, что вообще мало вероятным является, чтобы термины, вначале индивидуальные, утратили этот свой характер,— при сохранении самого факта индивидуального родства и семьи.

---

[1] Howitt, op. cit., 250.

[2] Brown, в «Journ. of Anthr. Inst.», v. 43, p. 158.

[3] Clement, bd Intern. Archiv. f. Etnogr., B. 16, S. 12.

[4] Frazer, Totemism and exogamy, I, p. 577, note: со слов еписк. Frodsham'a,

[5] Разделяющий в данном отношении взгляды Лоуи, Сэпир в особой статье (E. Sapir, Terms of relationship and the levirat, «American Anthropologist», 1916) пытался подтвердить их анализом некоторых северо-американских систем родства. Его попытка мне кажется неудачной, но за недостатком места я не могу на ней останавливаться.

III

Теория Лоуи довольно близка к изложенной за 10 лет до этого теории Риверса, — впрочем, последняя выгодно отличается от первой некоторыми существенными признаками. По мысли Риверса, как основные черты систем родства, так и все их подробности объясняются определенными формами социальной организации [1]. Употребляемые нами системы родства суть дериват семейного строя; некоторые «описательные» системы: арабская, некоторые африканские и европейские, — происходят из «расширенной семьи», как основной социальной единицы; и наконец, классифицирующая терминология является продуктом системы двойного экзогамного деления племени, т. е. системы двух фратрий, называемых Риверсом «кланами» [2]. Последнюю мысль мы видели и у Лоуи. Эти соображения Риверса глубоко верны и в высшей степени важны. Его деление всех систем на три типа, которые он условно обозначает «семейным», «родственным» («kindred») и «клановым», как мне кажется, вернее и существеннее, чем систематизация Моргана [3]. Другой вопрос, достаточно ли существования «клана» (экзогамной фратрии) для появления классифицирующей системы?..

Далее Риверс подробно разбирает детали некоторых систем родства и относит их на счет определенных брачных и социальных форм, — в общем, кажется, довольно удачно. Как самый принцип, так и результаты его приложения не вызывают особых возражений.

Но с другой стороны Риверс совершенно напрасно ссылается на два социальных института (притом друг другу до некоторой степени противоположных), повлиявших, по его мнению, на образование классифицирующих систем: эти два института — групповой брак («половой коммунизм», как он его предпочитает называть) и индивидуальная семья [4]. К сожалению, Риверс лишь мимоходом бросает эту мысль и ничем ее не доказывает, — мы даже не узнаем, какие именно черты терминологии родства относятся автором на счет того и другого института. Сомнительно, чтобы то и другое могло быть доказано. Теория группового брака, как фактора создания систем родства, повторяю, весьма устарела, а попытки объяснить классифицирующую терминологию из первоначальных индивидуальных обозначений (на что, повидимому, намекает ссылка на индивидуальную семью) вообще, кажется, обречены на неудачу. О последнем сейчас будет речь.

---

[1] Rivers, op. cit., 1, 3, 65 и passim.

[2] Ibid., 71—72, 75, 77, 80.

[3] Ср. М. Маркелов, Системы родства у угро-финских народностей. «Этнография», 1928, № 1, стр. 66.

[4] Rivers, 86—87.

Точка зрения Э. Лэнга связана с его концепцией возникновения ранних общественных форм, которую ни излагать, ни критиковать здесь не место. Достаточно знать, что, по его взгляду, вначале существовали отдельные семьи, хотя несколько иного, чем у нас, типа, и в них господствовала родственная терминология, подобная нашей; но позже совершился переход к более широким формам общественной жизни, в связи с чем и объем терминов родства расширился. Австралийцы, говорит Лэнг, «просто расширили прежде существовавшие термины родства (kinship), заставив их служить для племенных целей [1]».

«... Моя теория в том,— повторяет он в другом месте,— что когда развилось племенное право (tribal law), регулировавшее все сообразно возрасту, старые имена ближайшего родства были просто распространены (иногда с квалификациями как «старший», «младший», «маленький») на всех лиц того же возраста, в той же фратрии, с теми же обязанностями, привилегиями и ограничениями [2]».

По поводу этой теории надо сказать прежде всего следующее (я оставляю самую социологическую концепцию в стороне): крайне невероятно, чтобы термины, имевшие прежде определенный индивидуальный смысл, приобрели новый, гораздо более широкий, в связи с переходом к «tribal law», что, например, «старый термин для «отца»,— как говорит Лэнг,— распространился на всех мужчин отцовской фратрии, возраста и брачного состояния [3]» и т. п. Ведь если при этом сохранились старые понятия отца, брата, жены, сына и пр., т. е. если осталась индивидуальная семья, как осознанная единица, то каким образом эти понятия оказались лишенными всякого особого обозначения? То, что обособляется, выделяется в сознании,— то всегда находит себе выражение и в языке. Если старые термины для отца, жены и пр. значили то, что они значат у нас, то таким образом они оказались относящимися к лицам, которые не были настоящими отцами, женами и т. п.? Лэнг выставляет мотивом этого экономию языка и человеческую лень: «... было естественно и свойственно человеку не выдумывать новые слова, а продолжать пользоваться старыми словами в расширенном значении»[4]. Однако во всех человеческих языках наука находит замечательное богатство слов, выражений и форм, когда дело касается важных и значительных для людей предметов: этот факт общеизвестен. И как раз системы родства австралийцев (и другие классифицирующие системы) прояв-

---

[1] A. Lang. Origin. of terms of human relationship (в «Proceedings of the British Academy», 1907/08, pp. 139, 145—148.

[2] Ibid., 148.

[3] Ibid., 152—153.

[4] Ibid., 154.

ляют обилие терминов, казалось бы, противоречащее принципу экономии языка. Утрата индивидуальных значений родственных терминов при расширении их была бы понятна только в том случае, если бы сами понятия (мать, сын, жена и пр.) лишились своего значения настолько, чтобы выделение их под особым термином перестало быть нужным, т. е. если бы индивидуальная семья полностью растворилась бы в племени (общине, группе): если все лица отцовской фратрии, пола и возраста получили бы, говоря словами Лэнга, «те же обязанности, привилегии и ограничения», как и отец, в полной мере, и настоящий отец нисколько не больше интересовал бы человека, чем всякий другой «отец». Но, с другой стороны, в настоящее время, как мы видели, родственные термины австралийцев обозначают чаще всего отдельных лиц, и именно ближайших родственников, иногда будучи несколько модифицированы (сам Лэнг на этом настаивает [1]. Таким образом, получается следующая картина эволюции: сначала — отдельная семья и в ней индивидуальные родственные термины; затем — растворение этой семьи в племени и превращение индивидуальных терминов в групповые; наконец (теперь) — обратное выделение индивидуального значения их из группового (очевидно, в связи с вторичным выделением семьи, как социальной единицы?). В таком случае, теперешнему, как мы видели, двузначному (групповому и индивидуальному) употреблению терминов предшествовало чисто групповое, а этому последнему, в свою очередь,— еще более древнее индивидуальное. Спрашивается: какое же у нас право утверждать существование этой еще более древней стадии общественного развития,— отчасти тождественной с господствующей (в Австралии) теперь? Необходимость объяснить широкое значение родственных терминов? Но оно достаточно объяснялось бы допущением второй из перечисленных трех ступеней, и первая является в таком случае бесполезной и недоказуемой гипотезой. Пусть мы даже примем социологическую концепцию Лэнга,— мы не можем ссылаться на нее в качестве доказательства существования этой гипотетической стадии.

Но мало этого. Возможность (и целесообразность) допущения существования древней эпохи индивидуального значения терминов родства еще более уменьшается самим же Лэнгом. Он сам филологически показывает,— правда, на терминах древне-греческих и новоевропейских,— что первоначально родственные термины «означали просто термины возраста и пола» [2] (как мы увидим ниже, это близко к истине, хотя и не совсем точно). Сами индивидуальные (древние) термины, по его мнению, означали нечто вроде «моя женщина»,

---

[1] Ibid., 151—152.

[2] Ibid, 154, 151—572.

«мой мужчина», «наши малыши», «наши молодые люди» и пр.[1] Таким образом, гипотетическую эпоху индивидуальных родственно-кровных значений этих терминов не только сменила последующая эпоха, когда такого кровно-родственного значения у них не оказалось, но ей еще и предшествовал период не-родственного их значения. Значит, и по происхождению термины эти не кровно-родственные, а какие-то иные. Зачем же нужна, чем доказана и что объясняет постулируемая эпоха индивидуально-родственной терминологии, вклинившаяся между двумя эпохами, лишенными ее? Она ничего не объясняет, ничем не доказана и потому совершенно бесполезна. Если все рассуждения Лэнга что-нибудь доказывают, так только то, что теперешнему состоянию предшествовал период не индивидуального значения терминов «родства».

IV

Сейчас разобранные и многие другие попытки объяснить классифицирующие системы родства как результат расширения первоначальных индивидуальных терминов кровного родства не могут нас удовлетворить. Те возражения, которые встречает теория Лэнга, в сущности, можно обратить и против всякой такой попытки. Всякий, кто полагает, что термины родства употреблялись вначале в индивидуальном, кровно-родственном значении, а позже получили более широкое групповое применение, неизбежно встретится с указанной сейчас основной трудностью: с трудностью объяснить, каким образом при сохранении индивидуальной семьей ее социального значения термины, обозначающие членов семьи, т. е. кровных родственников, стали обозначать и лиц совершенно иного положения, лиц, не связанных кровным родством; каким образом один термин — вначале индивидуального значения — стал охватывать понятия столь радикально различные, как кровное, внутрисемейное родство и групповые, внесемейные отношения.

Выше говорилось, что возможен другой, противоположный подход к этим терминам: возможно предположить, что как раз индивидуально-родственное значение этих терминов есть явление сравнительно позднее, а что по происхождению они вовсе не имеют отношения к кровному родству. Такова точка зрения некоторых (немногих) ученых. Так, Томас считает невозможным видеть в этих терминах выражение действительного родства и видит в них лишь определение некоторого «состояния» («status») и некоторых «обязанностей»[2]. По мнению Кунова, вначале эти термины обо-

[1] Ibid., 152.

[2] Thomas, op. cit., 123.

значали только поколения, а позже (с развитием родового строя)— кроме того принадлежность к известной фратрии и классу [1]. Быть может, лучше всех выразил суть дела Каутский, который не только правильно понял смысл классифицирующей терминологии родства, но и сделал из этого совершенно верный вывод. Слова его я позволю себе поэтому привести, ибо я не могу лучше этого сформулировать свою собственную мысль.

«...Достаточно ясно видно,— говорит Каутский,— что классификаторская система основывается вовсе не на происхождении, что она есть не система родства в нашем смысле этого слова, что на той ступени культурного развития, на которой она возникла, не обращали внимания на происхождение, а следовательно и семьи тогда не существовало» [2].

«Классификаторская система основывается не на распространении наименований происхождения на целые классы, а на том, что внутри этих классов на происхождение еще не обращалось внимания. Человек тут не потому дает всем сверстникам своего отца это название, что отец его неизвестен наверное, а потому, что он еще не выделяет своего отца посредством особого названия из среды его сверстников [3].

«Все это указывает на то, что классификаторская система возникла в такое время, когда связь между детьми и отцом, а также и более ясная связь между детьми и матерью не имела значения [4], так что на эту связь не обращали никакого внимания и потому и не обозначали ее особым именем. Иначе классификаторской системы, по нашему мнению, объяснить нельзя. Но если мы примем это объяснение, то оно послужит новым доказательством того, что было такое время, когда человек не знал семейных уз» [5].

---

[1] Cunow H. Die Verwandtschafts-Organisationen der Australneger. Stuttg. 1894, ss. 37, 39, 79, 154 и др. Взглядов Кунова я еще буду касаться в дальнейшем.

[2] Каутский К. Возникновение брака и семьи, М. 1923, стр. 14.

[3] Ibid., 15.

[4] Каутский, очевидно, имеет в виду отсутствие социального значения родственных связей.

[5] Ibid., 17. Во избежание недоразумений я должен сделать оговорку. Говоря об отсутствии семьи в известную эпоху, я имею в виду семью как определенную социальную, прежде всего хозяйственную единицу. Факты австралийской, да и всякой иной этнографии показывают, что именно такой характер носит индивидуальная семья прежде всего. Сексуальная сторона отступает по сравнению с этим на второй план. Половая жизнь вообще не совпадает с семейными отношениями. Поэтому и выражение «до-семейный быт» не заключает в себе никаких намеков на формы половой жизни в ту эпоху. Там мог царить «промискуитет», «парный брак», «агамия» и т. д. Для суждения об этом у нас данных, по моему мнению, нет. Вопрос этот скорее может быть решен биологами.

V

До сих пор мы имели дело с одним из основных принципов, на которых построены классифицирующие системы родства,— с тем, что можно назвать «принципом групповых обозначений». Не разбирая пока отдельных деталей австралийских номенклатур, мы уже видим, что этот принцип в целом свидетельствует о создании этих номенклатур в эпоху, когда семьи еще не существовало, в эпоху до-семейного быта.

Другой общий принцип, лежащий в основе типичных («туранско-ганованских» по Моргану) классифицирующих номенклатур, в частности австралийских,— это то, что я назвал бы «принципом фратрий». Этот принцип заключается в последовательном разделении параллельных степеней родства (как дядя по отцу и дядя по матери, дети брата и дети сестры и т. д.). Это сводится к проведению строгого различия между лицами, принадлежащими к разным фратриям (экзогамным половинам племени): лица одной фратрии называются всегда иначе, чем лица другой фратрии: отец отца иначе, чем отец матери, брат и сестра отца иначе, чем брат и сестра матери, дети брата отца или сестры матери не так, как дети сестры отца или брата матери и т. д. Все эти параллельные пары родственных отношений, у нас обозначаемые обычно одним термином (дед, дядя, тетка и пр.), в классифицирующих терминологиях («туранско-ганованского» типа) всегда имеют различные наименования. Эта их особенность объяснима, как мне кажется, исключительно при том допущении, что терминологии эти создавались в условиях режима двух фратрий[1].

Правда, возможны два конкурирующих объяснения: 1) можно сказать, что здесь положен в основу принцип различения отцовского и материнского родства (мужской и женской линии),— так сказать «семейный» припцип; 2) можно допустить, что действовал принцип различения нескольких экзогамных групп, но первое объяснение делало бы непонятным тот факт, что дети брата отца всегда (в типичных номенклатурах) отделяются от детей сестры отца, дети брата матери—от детей сестры матери. Принцип разделения мужской и женской линий здесь явно нарушается, но «принцип фратрий» сохраняет силу, потому что дети брата отца и дети сестры отца будут всегда в противоположных фратриях, так же как и дети брата матери и дети сестры матери. Обратно, объединение в одном термине детей брата отца и детей сестры матери опять непонятно с точки зрения деления мужской и женской линии, но вполне естественно с точки зрения принципа фратрий и т. д. При втором из указанных возможных

[1] Это совершенно правильно подчеркивает Риверс (op. cit., 67—73). Связь систем родства с фратриальным делением отмечает и Хауитт (op. cit., 157).

объяснений оставалось бы точно так же непонятно, почему дети братьев отца и дети сестер матери всегда называются одинаково с братьями и сестрами: ведь при мужской филиации и при наличии нескольких экзогамных групп дети нескольких сестер могут попасть в разные группы, а при женской филиации то же может случиться с детьми нескольких братьев: почему же они будут «братьями и сестрами»? С точки же зрения принципа фратрий, это опять естественно и неизбежно, так как дети братьев всегда окажутся в одной и той же фратрии, а дети сестер — тоже всегда в одной, какова бы ни была филиация [1].

Возможно еще третье объяснение, предложенное А. Н. Максимовым,— принцип «последовательного родства»: родство, передаваемое через одних мужчин или через одних женщин, отличается, по его мнению, от родства, передаваемого через мужчин и женщин вместе [2]. Это объяснение ближе к истине, но можно сказать, что оно само нуждается в объяснении. Почему это «последовательное родство» царит в классифицирующих системах, и почему его нет в нашей терминологии? И единственно возможный ответ на это,— если не вдаваться в область фантазии,— будет состоять в указании на систему двух фратрий, при которой (и только при ней) размещение родства, переданного через одних женщин, всегда аналогично размещению родства, переданного через одних мужчин, в отличие от «смешанной» передачи его.

Таким образом, остается единственно приемлемым предположение, что в эпоху создания австралийских номенклатур родства господствовала система двух экзогамных фратрий.

Что фратрии являются историческими ровесниками (или предшественниками) номенклатур родства, можно отчасти доказать и лингвистически. Я имею в виду сравнение распространения названий фратрий с лексической близостью между собою отдельных систем родства. Впрочем, примеров тут можно привести довольно мало, так как систем родства известно сравнительно немного, и из известных значительная часть принадлежит племенам, не имеющим названий фратрий. Я могу привести пока следующие примеры:

1) Из племен сев.-центр. области больше всего сходства в обозначениях родства у племен: Binbinga, Tjingilli, Umbaia и Gnanji (не меньше 5—6 общих всем четырем, 3—4 общих трем, 5—6 общих двум из них). У этих племен одинаковы и названия фратрий (у Binbinga фратрии неизвестны).

2) Из племен этой области самая изолированная система родства у Worgaia: в ней нет терминов, сходных с терминами у соседних пле-

---

[1] Это точно так же было отмечено Риверсом (op. cit., 72—73).

[2] «Эти. Обозр.», 1912, № 1—2, стр. 44.

мен, кроме одного (сестра отца), близкого к Warramunga. У них изолированы и названия фратрий.

3) В группе квинслэндских племен, описанных Ротом, много общих терминов родства; у племени Purgoma встречается больше всего отклонений от остальных в значениях этих терминов. У этого племени — изолированные и имена фратрий, хотя имена классов — общие с остальными племенами.

4) На крайнем Севере известны только две пары фратрий: у Mungarai и Nullakun—совершенно отличные друг от друга. Системы родства их тоже совершенно различны, и лишь с большой натяжкой можно сблизить один-два термина в них, хотя эти два племени—соседи.

5) Из 4 известных систем родства Западной Виктории—племен Wathi-Wathi, Wotjobaluk, Kolor-Kurndit, Wurunjerri—систем, в общем довольно сходных—наибольшую близость друг к другу обнаруживают номенклатуры Wotjobaluk и Kolor-Kurndit (расхождение известно только в термине «сын»), и как раз у этих двух племен одинаковы названия фратрий (у Kolor-Kurndit последние приняли характер тотемических групп) [1].

Третий основной принцип, присущий австралийским терминологиям родства, это «принцип поколений». Его мы коснемся позже.

Подводим некоторые предварительные итоги. Мы пока касались только общих принципов классифицирующих систем родства, еще не разбирая подробно самих (австралийских) систем. Уже из этих общих принципов мы можем сделать два решающих вывода. Во-первых: первоначальное значение классифицирующих, в том числе австралийских, терминов «родства» не индивидуальное, а групповое; они не обозначали (по происхождению) кровного родства; следовательно, последнее не имело в соответствующую эпоху заметного значения, и таковое принадлежало иным социальным категориям, к которым и относились эти термины; иначе говоря, индивидуальной семьи, как социальной единицы, не существовало. Во-вторых: принцип двухстороннего деления родни, проводимый системами родства, связан по происхождению с системой двух фратрий. Соединяя оба вывода вместе, получаем, что место индивидуальной семьи в эпоху образования систем родства занимало двухфратриальное деление общества.

[1] В ответ на приводимые здесь доказательства связи систем родства с фратриями могут возразить, что эти системы еще более тесно связаны с австралийскими брачными классами. Эта последняя связь для меня несомненна, но невозможно объяснить какие бы то ни было особенности номенклатур родства их связью с классами, по той простой причине, что совершенно такие же по структуре системы родства принадлежат племенам, не имеющим классов и, конечно, никогда их не имевшим. Можно было бы доказать, что здесь существует обратная зависимость, что классы должны быть объяснены из номенклатур родства, но это не входит сейчас в мою задачу.

Рассмотрение некоторых особенностей австралийских систем родства, к которому мы теперь переходим, подкрепит этот наш вывод.

VI

Австралийские системы родства очень богаты и сложны, но в то же время стройны и последовательны. Система Dieri, напр., заключает в себе не меньше 26 терминов, система Mardudhnnera — не меньше 24, Kariera—около 26, Wathi-Wathi—не менее 22, Kurnai—не менее 20, Larakia—25, у Aranda—одних «классовых» терминов, не считая индивидуальных, 23, а у Loritja, тоже без индивидуальных,—29; система Kolor-Kurndit насчитывает, по таблице Кунова, целых 50 обозначений, правда, некоторые из них—составные. Едва ли можно представить себе, чтобы каждая такая система родственных обозначений возникла сразу целиком; конечно, они развивались постепенно, и каждая из них содержит в себе более древние и более поздние части. Если бы нам удалось выделить путем анализа более древний их слой, с одной стороны, позднейшие элементы, с другой,—то для нас яснее было бы их происхождение. Нельзя ли это сделать?

Прежде всего есть факты, показывающие, что родственные термины принадлежат к числу сравнительно молодых элементов языка. Из сравнения между собой по словарному составу отдельных австралийских языков В. Шмидт[1] устанавливает большую общность в обозначениях частей тела. Эти слова, очевидно, принадлежат к древнейшим частям австралийского словаря. В других категориях слов замечается меньше общего у разных языков,—очевидно, это более поздние элементы. И вот к числу последних принадлежат и родственные обозначения. Так, из 14 известных терминов родства у Euahlayi лишь один (дед по матери) сходен с соответствующими терминами у Dieri и Urabunna (dadadee—nadada—thunti), тогда как в общем словаре сходные слова двух последних языков с Euahlayi составляют от 15 до 30%. Между собой эти два языка, близко родственные и соседние (29 общих слов из 44, приведенных у В. Шмидта), насчитывают не более 6—7 общих или сходных терминов родства (для Urabunna их известно 15, для Dieri 26). У Kurnai и Kolor-Kurndit, несмотря на близость и родство языков, только 1—3 сходных обозначений родства. У Wurunjerri и Wotjobaluk, языки которых тоже близки, известно лишь два общих термина родства. Можно думать поэтому, что по крайней мере отчасти родственные номенклатуры вырабатывались не только позже рассчленения австралийских языков на главные ветви, но и позже отделения друг от друга близко родственных языков.

При таких условиях крайне интересно узнать, какие же именно части этих номенклатур чаще оказываются общими, и ка-

[1] P. W. Schmidt, Gliederung der australischen Sprachen, S. 220—224.

кие больше расходятся у отдельных языков? Общие части можно, с значительной вероятностью, считать и более древними.

Оказывается как раз, что не термины ближайшего родства,— как отец, мать, сын, и пр.,—а обозначения более далеких родственников — дедов и бабок — чаще составляют общие нескольким языкам слова, — следовательно, как будто, являются более древним слоем в системах родства. К такому выводу,—о большой широте распространения названий дедов,—приходит, напр., А. Н. Максимов из сравнения терминологии группы племен Квинслэнда, а также Сев. Территории; наименования же самых близких родственников— отца, матери, детей—он признает наиболее изменчивыми [1]. Далее в указанных выше совпадениях терминов Dieri—Urabunna, Kurnai—Kolor-Kurndit—фигурирует главным образом поколение дедов (для Wurunjerri и Wotjobaluk как раз эти термины неизвестны). Из 10 терминов, общих 2 соседним племенам Ngaluma и Mardndhunera, 4 относятся к поколению дедов. Один из корней, обозначающий отца отца или мать матери—корень kak (kuk), распространен положительно чуть не по всему австралийскому континенту, от Kurnai (kukun—мать матери) и Kolor-Kurndit (kukurni—отец отца, koki—мать матери) до Kakadu (kaga—отец отца, kaka—мать матери) и Mara (kuku, unkuku — мать матери) [2]. Трудно не счесть этот последний корень одним из древнейших обозначений «родства». Что же он в сущности означал?

У некоторых племен, надо заметить, корень kak образует термины одновременно и отца отца и матери матери [3]. Подобно этому у Kalkadoon—«mojo» значит вместе и отец отца и мать матери; у Koko-yimidir—«gammi» в тех же значениях. С другой стороны, в некоторых системах отец матери и мать отца обозначаются одинаковым или сходным термином, так у Pitta-Pitta, Warramunga и Worgaia, и, вероятно, у Umbaia, Gnanii, Tjingilli, Binbinga (у многих племен, к сожалению, один или оба эти термина неизвестны). Такая комбинация может показаться странной: мы ведь, наоборот, отца отца называем одинаково с отцом матери, а мать отца—с матерью матери. Но как раз ни в одной австралийской номенклатуре такого сближения нет. Почему? Что отделяет в уме австралийца отца его отца от отца его матери и зато сближает его с матерью матери?

---

[1] Максимов, op. cit., 80, 82–83.

[2] Он встречается в этих значениях у племен: Kurnai, Kolor-Kurndit, Narrinyeri, Wathi-Wathi, Warramunga, Umbaia, Gnanji, Tjingilli, Binbinga, Mara, Anula, Worgait, Djauan, Mungarai, Nullakun, Kakadu, Waduman, Wongaibon. Впрочем, он может иметь и другие значения: брат матери у Dieri, Urabunna, Kariera, Ngaluma, Worgait; старшая сестра—у Urahunna, Yendakarangu, Dieri, Pitta-Pitta; старший брат—у Wongaibon; мать—у Watni-Wathi.

[3] Так у Kolor-Kurndit, Gnhuji, Tjingilli, Binbinga, Kakadu.

Ответ может быть только один: отец отца и мать матери всегда принадлежат к моей фратрии, а отец матери и мать отца—всегда к противоположной [1]. «Различие между отцом моего отца и отцом моей матери,—совершенно правильно говорит Кунов,—состоит исключительно в том, что первый принадлежит к моей собственной орде (вернее—фратрии. *С. Т.*), а последний—всегда к другой. В этом вся тайна» [2]. В таком случае первичный смысл этих, может быть, наиболее древних, терминов будет приблизительно соответствовать словам «старик (resp. старуха) нашей группы», может быть даже вначале без разделения пола, а смысл другой параллельной пары терминов—«старик (старуха) той группы» [3].

Кунов, анализируя австралийские термины родства, настаивает на том, что идея возраста, заключающаяся в тех терминах, более стара, чем идея принадлежности к той или другой группе (фратрии), и что самые примитивные системы родства основаны исключительно на принципе различения поколений [4]. В связи с этим он считает терминологии «малайского» (Морган) типа более примитивными, чем «туранско-ганованские» (в чем он согласен с Морганом). Поэтому он, напр., из австралийских систем родства считает самой примитивной систему племени Kurnai, где «принцип фратрий» проводится не полностью. Посмотрим, однако, насколько Кунов прав.

Из сравнения родственных обозначений в разных языках можно сделать еще одно важное заключение. В некоторых случаях определенный корень, означающий родство, оказывается общим двум или нескольким языкам, но точное значение его в них различно. Приведу примеры.

Группа племен Квинслэнда, описанных Ротом, имеет сходные системы родства. Однако в них встречаются следующие несовпадения [5]: термин naji значит у Jouon «отец отца», а у Purgoma — «отец матери»; papin (papi) у большинства племен означает мать отца, у Wommin, кроме того, двоюродную сестру, у Purgoma—мать матери; kummin у большей части племен значит мать матери, а у Purgoma—сестра отца; moojo у Miubbi—отец, а mojo у Kalkadoon—отец отца

---

[1] А. Н. Максимов предпочитает ставить это явление в связь с системой классов, но, видя, что оно наблюдается и у племен, лишенных классов (о чем я говорил выше, см. прим., стр. 37), воздерживается от установления тут причинной зависимости (op. cit., 43—44). Этого затруднения нет при объяснении данного явления фратриальной системой.

[2] Cunow, op. cit., 79.

[3] То же общее значение объединяет и другие употребления корня kak: брат матери, мать, старшая сестра, старший брат: это все—старшие своей группы (по крайней мере при женском счете).

[4] Cunow op. cit., 36, 37, 39, 77, 79, 154.

[5] См. Максимов, op. cit., 80.

и мать матери: yuppa у Jouon и Goa—брат, а yuppana у Wommin—отец; ullo у Pitta-Pitta—брат матери, а у Kalkadoon—сын сестры.

Если взять термины более широкого распространения, окажется то же самое. Корень pap (bab), очень часто встречающийся, означает у некоторых племен «отца» [1], у других «старшего брата» [2] у третьих старшего брата и старшую сестру зараз [3], у четвертых даже «мать» [4], у пятых—«мать отца» [5], у иных «сестру отца» [6], «брата матери» [7], «мать матери» [8], «двоюродную сестру» [9], «отца отца» [10], «сына и дочь» [11].

Другой часто повторяющийся корень—jak (juk)—означает у ряда западных племен «сестра», у Whajook, Lorytia, Kurnai—«мать», у Ngaluma и Mardudhunera—«жена». Из сравнения этих трех значений можно заключить, что все они отдифференцировались от одного исконного значения—«женщина», что и подтверждается тем, что в ряде языков Запада этот корень (yaco, jakker, yago, yooko, york, yokka и пр.) значит просто «женщина».

Подобно этому, «koiyu» у Kakadu значит «мать», а у Aranda «kuia» и у Mamburra «kayu» — просто «женщина». «Arunguta» у Anula значит «жена», у Kaitish «arungwa»—«мать», а у Aranda «araguta»—«женщина».

Эти последние примеры подтверждают наше предположение, что все эти термины по происхождению вовсе не означают (кровное) родство. Иными словами, можно сказать, что корни слов, означающих родственные отношения, старше их теперешнего значения; некоторые из них существовали в языках до расчленения последних, но подверглись спецификации лишь после этого. Корень «yak» значил, вероятно, «женщина», позже в одних языках «женщина нашей группы» (=сестра, resp. мать), в других—«женщина той группы» (=жена). Корень «pap», может быть, означал «старший мужчина» или просто «старший» и т. д. Конечно, эти определения первичного значения терминов очень гипотетичны и особой ценности не имеют. Но совершенно ясно, что индивидуальное, кровно-родственное значение они приобрели сравнительно поздно.

---

1 Mardudhunera, Kakadu, Worgait и Kaiabara, Kamilaroi, Wongaibon, многие племена восточного и юго-восточного берега.

2 Nullakun, Binbinga, Tjingilli, Umbaia, Warramunga.

3 Djauan, Anula, Gnanji.

4 Kolor-Kurndit, Wotjobaluk, Wurunjerri.

5 Koko-Vimidir, Jouon, Woonamurra, Wommin, Miubbi, Mitakoodi, Kalkadoon.

6 Dieri.

7 Kurnai.

8 Purgoma.

9 Wommin.

10 Waduman.

11 Tjingilli.

Другой вывод из этих же фактов обращается против теории Кунова о приоритете принципа поколений. Как мы видим, отнесение термина к определенному поколению является по большей части очень неустойчивым: если в языке Kakadu «papa», а у Worgait «boppa» значит «отец», а у южнее их живущих Binbinga, Tjingilli и др. «pappa» значит «старший брат»,—то, очевидно, до разделения этих языков этот термин еще не относился определенно к какому-нибудь поколению [1], а значил, может быть, просто «старший».

VII

Обращаемся теперь к отдельным системам родства. Прежде всего мы находим в них некоторые факты, подтверждающие высказанные сейчас соображения, но кроме того и много новых указаний.

Несомненно, что принцип различения поколений проведен в австралийских системах родства весьма последовательно (что существенно отличает их, напр., от северо-американских или меланезийских систем). В общем австралийцы почти никогда не смешивают в одном термине двух смежных поколений. Но, может быть, мы ближе подойдем к самой основе этих систем, если скажем, что они различают прежде всего возраст. Принцип возраста шире принципа поколений. Так, существенной особенностью австралийских систем (в отличие от наших) является различение старших и младших братьев и сестер. По подсчету А. Н. Максимова, «громадное большинство австралийских племен... проводит различие между старшими и младшими братьями и сестрами, нет такого различия только у 10 племен, а имеется оно, полное или частичное, не менее как у 180 племен [2]. Из опубликованных после работы Максимова 19 (если не ошибаюсь) систем родства только две (Waduman и племя о-ва Мельвиль) не делают этого различия. Многие племена считают это различие даже более существенным, чем различие брата и сестры: не менее 23 племен называют младшего брата и младшую сестру одинаково, но не так, как старшего брата и старшую сестру, а два племени (Iwaidji и Djauan) и этих двух последних соединяют в одном термине. В эпоху создания родственных номенклатур считалось, очевидно, важным отличие старших родственников от младших, хотя бы одного с человеком поколения.

Если верны были наши соображения об истории корней kak и pap, то из них следует, что различение возраста более первобытно, чем различение поколений, и что последнее развилось из первого. Это предположение можно подкрепить еще одним примером.

---

[1] То же можно заметить и о корнях kak, yak и др.

[2] Максимов, 57—58.

У Dieri младшие братья и сестры называются «ngatata»; детей своих мужчина называет «ngata-mura», а женщина—«ngatani». У нас, конечно, является догадка, что эти слова одного корня, и эта догадка подтверждается другими фактами: бабушка по матери именуется «kanini» и так же точно женщина зовет своих внуков (следовательно, для женщин этот термин «взаимный»); но она может звать своего внука также «kanini-ngatata», т. е. «внук-младший брат», что, очевидно, значит «младший Kanini», и здесь «ngatata» выступает в значении просто «младший». Обратно, внуки называют ее иногда «kanini-kaku»—«бабушка-старшая сестра», т. е, очевидно, просто «старшая kanini» [1]. Далее Dieri приравнивают друг к другу «nadada» (отца матери, детей дочери) и «ngatata» [2], что, как будто, совершенно нелепо, ибо nadada и ngatata принадлежат и к разным фратриям и к разным поколениям; но это отождествление становится вполне понятным, если принять, что здесь «ngatata» сохранило свое первоначальное значение «младший», и «nadada-ngatata» значит просто «младший nadada», т. е. «внук». Но если так, то получается, что столь строгое теперь различение поколений (особенно смежных) [3] существовало не всегда, и данный термин когда-то обозначал зараз и младших братьев и сестер, и детей и имел смысл вообще «младший».

VIII

Не забудем, что самое главное для нас—выяснить, какие части родственных номенклатур древние, какие более поздние. Установив с известной вероятностью древность терминов для поколения дедов (может быть, лучше сказать, для стариков), различаемых притом по принадлежности к одной из двух фратрий, мы попытаемся найти другие элементы наиболее древнего слоя этих номенклатур.

Австралийцы весьма обычно смешивают в одном слове термины «родства» и «свойства». Так, брат матери сплошь и рядом называется так же, как отец жены, сестра отца—как мать жены, двоюродные (или троюродные) братья и сестры—как жены и мужья, сын сестры—как муж дочери и т. д. Это вполне понятно, так как по австралийским

---

[1] О корне kak см. выше.

[2] Howitt, op. cit., 163.

[3] Впрочем, утверждение А. Н. Максимова (op. cit., 98), что «примеров смешения под одним термином лиц двух смежных поколений в Австралии нет» не совсем точно: Urabunna называют словом nowillie сестру отца и мать отца (Spencer and Gillen, Native tribes of Centr. Austr., p. 66); Narrinyeri словом mutthari обозначают детей двоюродных братьев и сестер и внуков сестер (Cunow, op. cit., 89); я не говорю уже о сильно усложненных и довольно неправильных системах родства племен Арнгемовой земли, описанных Спенсером, у которых такое смешение встречается нередко.

брачным порядкам человек очень часто женится на дочери брата матери или на дочери дочери брата матери матери (в «классовом» смысле этих терминов такие браки нормальны). Но вопрос в том, какое значение этих двусмысленных терминов первично: «родственное» или «свойственное»? Называется ли, напр., у Urabunna брат матери «kawkuka» потому, что он является обычно отцом жены, или отец жены называется так потому, что он оказывается обычно братом матери? И так далее.

Ряд фактов говорит в пользу приоритета «свойства».

У Kariera мужчина называет сестру отца (и жену брата матери) «toa», а женщина зовет ее «yuro». Это, насколько я знаю, единственный случай, когда мужчина и женщина по-разному зовут свою тетку. Чем эту разницу объяснить? Ведь у брата и сестры тетка общая. Но факт делается более понятным, когда мы узнаем, что «toa» значит кроме того «мать жены», а «yuro»—«мать мужа». Различие терминов для тещи и свекрови широко распространено и не нуждается в объяснении. Но отсюда следует, что первичные значения этих слов—именно «мать жены» и «мать мужа».

Аналогичное явление мы видим и в номенклатурах племен Worgait и Iwaidji. У Worgait мужчина называет брата матери kukka, а женщина называет его kakaballuk. Само по себе это различие терминов очень странно. Но оно становится понятным, когда мы замечаем, что эти термины имеют еще значения, соответственно, «отец жены» и «отец мужа». У Iwaidji существует такое же различие мужского и женского наименования дяди, хотя здесь соотношение терминов несколько более сложно.

У тех же, сейчас упомянутых, Kariera термин «nuba» применяется мужчиной к своим двоюродным сестрам, а женщиной—к двоюродным братьям, мужчина же зовет своих кузенов «kumbali», а женщина своих кузин—«bungali». Почему же лица противоположного пола называются (взаимно) общим термином, а лица свего пола—по-разному для мужчины и женщины? Опять-таки мы начинаем понимать это, когда узнаем, что слово «nuba» значит еще «супруг» (взаимное название мужа и жены), а вернее—«возможный супруг». Тогда опять получается, что именно это последнее значение—основное и более раннее. Свою двоюродную сестру мужчина называет «nuba», а женщина—«bungali», потому что для первого это была «жена» (потенциально), а для второй—«сестра мужа» (или «жена брата»); обратно, двоюродный брат был для женщины «nuba»—«мужем», а для мужчины «kumbali»—«братом жены» (мужем сестры).

Точно то же, повидимому (номенклатура описана неполно), у соседнего племени Ngaluma. Жена и муж называется там «yagan», и так же (по всей вероятности) именует мужчина своих кузин, а женщина кузенов; к соответствующим же родственникам свего пола при-

лагаются названия «marganu» для мужчины и «bungali» для женщины Выводы остаются те же.

Тот же факт у западных соседей Ngaluma—Mardudhunera, с той лишь разницей, что это племя допускает браки не с двоюродными, а с троюродными сестрами. Поэтому «yagan» значит «супруг» (муж, жена), а также «дочь дочери брата матери матери» (или «дочь дочери сестры отца матери») для мужчины, и «сын дочери брата матери матери» («сын дочери сестры отца матери») для женщины, тогда как параллельные родственники своего пола именуются соответственно «marianu» и «kanainyu».

Пример Mardudhunera еще и с другой стороны подтверждает нашу мысль. У них, как мы видим, термин «yagan»—тот же, как и у их восточных соседей Ngaluma (у них общи и многие другие термины). Значит он, как и там, «супруг», но другое, «родственное» значение в обоих случаях различно: там—двоюродные, а здесь—троюродные братья и сестры, и это различие стоит в явной связи с различием брачных правил. Было бы нетрудно доказать,—но это излишне загромоздило бы работу,—что брачные обычаи Ngaluma древнее тех, которых придерживаются Mardudhunera. Если последние в известный момент ввели у себя запрещение брака с двоюродной сестрой, то они, как видно, оставили прежнее обозначение для супруга «yagan», но не могли уже так именовать двоюродных братьев и сестер, а перенесли этот термин на троюродных; для обозначения же двоюродных братьев и сестер противоположного пола они ввели термин «bungali», которым женщины Ngaluma обозначают двоюродных сестер. Очевидно, основное значение слова «yagan» — «жена-муж».

Та же особенность наблюдается и у ряда других племен: у Wathi-Wathi, Urabunna, Dieri, Loritja, Aranda, Mara, Anula, Worgait, на острове Malille (в последнем случае термины для супруга и кузенов не одинаковые, но, повидимому, от одного корня).

По указанным основаниям, во всех аналогичных случаях должно признать, что австралиец видел в своей двоюродной (или троюродной) сестре прежде всего возможную жену, а она в нем — возможного мужа, и такое значение эти термины вначале и имели.

С другой стороны, древность обозначения «жена» и «муж» опять-таки подтверждается широким распространением корней этих слов. Так корень «пор» («пир») встречается в этом двойном значении у Narrinyeri (napi), около Аделаиды (ngubba) у Buandik (nganap), Wathi-Wathi (nopui), нар. Lachlan (nopa), у Dieri (noa), Urabunna, Yendakarangu и Kuinmurbura (nupa), Aranda (noa, unawa), Larakia (ngan—муж), Djauan (noa), Kariera (nuba), Chepara (nubunping, nubunpingun), Pitta-Pitta (no-po), Murawari (nuba—возможная жена), Wongaibon (nguan, ngupan—жена) на р. Warrego (nubba). Из более близких друг другу языков у Aranda, Urabunna и Dieri этот корень является единст-

венным общим всем трем языкам. Umbaia, Tjin-gilli и Binbinga (Gnanji—неизвестно) называют жену сходно (karinnia, kalini, karina), и этот же корень употребляется у Loritja (Kuri).

Соответственно с этим приходится заключить, что термины, одновременно обозначающие тестя и дядю, тещу и тетку и т. п., в основе имеют первое значение, терминов «свойства». Термины, соединяющие в себе значения зятя и племянника, снохи и племянницы и пр., точно так же выражали вначале «свойство».

IX

Как объяснить эти факты? И как на почве их понять первобытный характер номенклатур «родства»?

Исходя из установленного выше «принципа фратрий», сделать это нетрудно. Термины «жена» и «муж» обозначали по происхождению лиц противоположной фратрии и пола, с которыми возможен брак. Здесь, казалось бы, надо прибавить (как сделал бы Кунов): «и одного возраста», но едва ли мы вправе это сделать: в настоящее время в Австралии браки заключаются обычно именно между лицами разного возраста, и у нас нет никакого основания допустить (как это делает, напр., Томас [1]), что когда-то было иначе. Точно так же не можем мы утверждать, вместе с Куновым, что указанный термин относился (по происхождению) к лицу «своего поколения»: различение поколений имеет основанием или возраст, который, как сейчас замечено, не играет никакой роли в браках, или генеалогию, различение которой предполагает индивидуальный счет родства, а я как раз и стараюсь показать, что кровно-родственный, индивидуальный смысл лишь позже вложен в термины «родства».

Но именно здесь, быть может, мы подходим и к пониманию происхождения самого принципа поколений.

Если термины, выражающие ближайшее родство (родителей, детей), сравнительно позднего происхождения (с фактами, доказывающими это, мы встретимся еще раз), то нет никакой возможности думать, что слова «отец жены», «мать жены» и пр. появились раньше этого. Если у меня «нет отца», то как может он быть у моей жены? Термины «жена» и «муж» (в указанном выше значении) несомненно древнее, чем «отец жены», «отец мужа» и пр., и, может быть, принадлежат к числу древнейших обозначений для человека противоположной фратрии. Обособление в терминах других степеней «свойства» и «родства» и выросшее из этого различение поколений, в генеалогическом смысле, очевидно, связано с какими-то ограничениями

[1] Thomas, Natives of Australia, p. 167.

в области браков: какая-то категория «женщин противоположной фратрии (группы)» перестала быть доступной в качестве жен для данного мужчины, и появились термины, обособляющие этих женщин от группы «возможных жен». Какие были эти термины, каковы были эти ограничения? Возможно, что появилось запрещение одновременного сожительства отца и сына с одной женщиной, матери и дочери с одним мужчиной. Если так, то это объясняло бы зараз и введение терминов «отец», «сын», «мать», «дочь», а также «отец жены» и пр., и тот характерный факт, что австралийцы не допускают смешения в одном термине лиц двух смежных поколений [1]. Впрочем, здесь мы вступили на слишком скользкий путь догадок. Возвратимся к фактам.

X

Еще одна характерная особенность многих австралийских систем родства указывает на принцип двух фратрий, как на основу этих систем: я имею в виду различие терминов, прилагаемых к детям, с одной стороны, отцом, с другой—матерью. Это явление засвидетельствовано не менее чем у 21 племени, а на самом деле, вероятно, распространено и еще шире; обратное (одинаковое обозначение детей отцом и матерью) констатировано наблюдателями, если не ошибаюсь, только в 9 случаях, да и тут дело, может быть, просто в недостаточно полной передаче терминологии наблюдателями. Так, мужчина у Dieri называет своих детей ngata-mura, а женщина их называет ngatani; у Iwaidji отец называет детей ngawin, а мать их называет ngaiyang; у Worgait отец называет сына niya, а дочь—ngaiyi, а мать называет их ngadja и ngaradja и т. д. Происхождение таких различий в условиях семейной жизни и кровного родства просто необъяснимо. Но оно прекрасно объясняется, если принять, что термин, каким отец называет своих детей, значил вначале не что иное, как «дети нашей фратрии», а материнский термин—«дети чужой фратрии» [2].

Еще нагляднее это делается, если взять ту разновидность описываемого явления, которая на первый взгляд представляется просто курьезом. А именно: у Aranda отец называет своих детей и детей своего брата alirra, мать называет своих детей и детей своей сестры amba, но этим же термином amba мужчина обозначает детей своей сестры, а термином alirra женщина—детей своего брата. Получается

---

[1] Повсеместное в Австралии ограничение отношений между зятем и тещей имеет в основе, может быть, именно это запрещение, как не раз предполагалось, например, Хауиттом. Интересно отметить, что в Северн. Америке, где нередки браки мужчины с двумя женщинами, принадлежащими к двум разным (смежным) поколениям, системы родства по большей части не имеют, в отличие от австралийских, строгого различения поколений. То же относится к Меланезии.

[2] Здесь, как и ниже, принимается мужская филиация. Конечно, при женской—обозначения надо перевернуть.

как бы перекрестное приложение этих терминов [1]. Та же особенность налицо в терминологиях племен Warramunga, Mungarai, Kakadu и Kolor-Kurndit. А. Н. Максимов по поводу этого приходит к допущению, что эти термины первоначально обозначали «племянников», а позже получили (отчасти) значение и «детей»; он объясняет это тем, что «мужчина, для которого дети брата ближе, чем дети сестры, избрал для обозначения своих детей термин, которым обозначались дети брата, а женщина, которой, наоборот, ближе дети сестры,... усвоила для обозначения своих детей термин, обозначавший первоначально детей сестры» [2]. Возможно, что такой выбор для обеих сторон был достаточно обоснован. Однако почему же в эпоху, когда человек еще не умел назвать своих детей, он уже мог найти слово обращения к детям своего брата, а этот последний мог назвать только детей первого, но не своих? Оставаясь на почве индивидуального значения этих терминов, это понять без натяжек трудно. Но лишь только мы станем на точку зрения «принципа фратрий», все становится понятным. «Alirra» значит «дети нашей группы», а потому мужчина будет так называть своих детей и детей братьев, но не детей своей сестры, которые принадлежат к противоположной фратрии, а женщина так же будет называть детей своих братьев; своих же детей и детей сестер она будет называть «amba» — «дети той группы», и так же будут их обозначать ее братья [3].

А. Н. Максимов, имея в виду этот и другие разобранные выше факты, приходит к следующему выводу: «...Я вообще склонен допустить,—пишет он,—что термины для обозначения наиболее близких родственников создались позднее, чем термины для обозначения

---

[1] Это можно изобразить в следующей наглядной таблице (заимствую ее из той же статьи А. Н. Максимова):

	Своих детей	Детей брата	Детей сестры
Мужчина называет	alirra	alirra	amba
Женщина „	amba	alirra	amba

[2] Максимов, op. cit., 68.

[3] Схематически это можно изобразить так (при мужской филиации):

♂ ♂ ♀ ♀
| | | |
♂ ♂ ♂ ♂
+ + + +

Мужчины и женщины (братья и сестры), члены «черной» фратрии, называют всех «черных» детей одинаково «alirra», а всех «белых»—«amba».

родственников сравнительно отдаленных». С этим можно только согласиться, но неизбежный вывод из этого допущения тот, что австралийские терминологии родства по происхождению совершенно не связаны с кровным родством. После всего сказанного в этом едва ли могут оставаться сомнения. Наш окончательный вывод гласит: австралийские номенклатуры родства создавались в эпоху, когда индивидуальное родство и индивидуальная семья не имели существенного значения; они отражают господство системы двух экзогамных фратрий.

XI

Интересно отметить факты искажения нормального типа систем родства при распадении системы фратрий. Пример Kurnai иллюстрирует это. Есть некоторые основания (я не могу их сейчас приводить) к тому, чтобы допустить прежнее существование у Kurnai фратрий, которых сейчас у них нет. И вот оказывается, что терминология Kurnai в некоторых частях сохраняет верность принципу фратрий, в других же отступает от него. В поколении дедов, отцов и детей нормальный тип сохраняется, но в собственном поколении Kurnai поступает не так, как другие племена: всех родных и двоюродных братьев, старших себя, он называет thundung («старший брат»), всех младших—bramung («младший брат»); всех родных и двоюродных сестер он называет соответственно bauung («старшая сестра») и lunduk («младшая сестра»). Таким образом различение детей брата отца и сестры отца, детей брата матери и сестры матери—исчезло. Отсутствие этого различения составляет, как известно, отличительную черту «малайского» типа номенклатур. А мы помним, что именно в этом различении и отражается деление на две фратрии. Но аналогичное различение в старшем и младшем поколениях, повторяю, здесь сохраняется.

Кунов совершенно ошибочно (разделяя эту ошибку с большинством исследователей, начиная от самого Моргана) считает системы, подобные этой, более примитивными. Напротив, этот «малайский» тип, как указывал еще Риверс[2], представляет явление распада чистого «туранско-ганованского» (лучше бы называть его «австралийским») типа. Надо заметить, в скобках, что этот «малайский» тип есть приближение к нашему европейскому (неправильно называемому «описательным») типу. Чтобы понять это, достаточно взять

---

[1] Rivers, op. cit., 70. Ср. также Fraser, op. cit., II, 170—172; Thurnwald R. Die Gemeinde der Bànaro, S. 224.

хотя бы поколение отцов. Австралийские системы отделяют братьев отца от братьев матери, сестер отца от сестер матери, но зато не отделяют первых от отца, последних от матери. Мы поступаем наоборот: игнорируем первое различие, но придерживаемся второго. «Малайские» системы (в том числе отчасти система Kurnai) делают один шаг в направлении от австралийских систем к нашим: объединяют дядей с одной стороны, теток—с другой, но еще не делают второго шага: не выделяют из первых отца, из вторых мать. То же и в остальных поколениях [1].

Другая известная номенклатура лишенного фратрий племени—Narrinyeri — тоже проявляет признаки разложения, хотя и слабые: термин «mutthari», означающий сыновей и дочерей моих двоюродных братьев и сестер, а также внуков моих сестер,—очевидно, прилагается к лицам, которые при системе двух фратрий принадлежали бы к разным фратриям (и которые принадлежат к двум смежным поколениям). В остальном система Narrinyeri сохраняет нормальный тип.

Наконец остальные известные номенклатуры родства, принадлежащие племенам, у которых фратрии отсутствуют или по крайней мере неизвестны,—это системы родства трех северных племен (или групп племен): Iwaidji, Kakadu и племен о-ва Мельвиль. К сожалению, системы родства этих, как и всех других племен Арнгемовой земли, описаны Спенсером очень небрежно, и в этих описаниях есть ряд явных ошибок. Если бы можно было положиться на правильность соответствующих данных у Спенсера, то мы нашли бы, что и здесь имеются некоторые отклонения от принципа фратрий: у Iwaidji слово wiwi в устах мужчины значит мать матери, и в то же время детей сына сына (т. е. правнуков), которые при женском счете, были бы в противоположных фратриях; у Kakadu слово pulupurlumba значит (тоже для мужчины) прабабку (мать матери матери) и правнуков (сына сына сына и дочь дочери дочери),— те и другие принадлежат опять к разным фратриям; на о-ве Мельвиль термином narangani женщина называет отца и его брата, но в то же время и отца жены брата, а термином mauanyinni—сына сестры отца, а также сына сестры отца мужа. Впрочем, несмотря на эти аномалии и на ряд других искажений обычного типа, номенклатуры этих трех племен в основном сохраняют верность принципу фратрий. С большой долей вероятия можно из этого заключить, что фратрии у этих племен прежде были.

---

[1] Поэтому ошибкой является то, когда Максимов называет элементы «малайского» и «описательного» типа в австралийских системах «отклонениями в двух противоположных направлениях» (op. cit., 99); эти отклонения направлены в одну сторону.

Из двух основных принципов систем родства австралийцев один — принцип фратрий — терпит искажения естественно только у племен, лишенных фратрий, да и то очень незначительно. Второй принцип, принцип групповых обозначений, напротив, страдает всюду. Ведь семья, отсутствовавшая в пору создания этих систем, теперь существует у всех австралийских племен. Этот факт, разумеется, не мог не отразиться на номенклатурах родства. Он отражается на них двояко: или термины родства употребляются в индивидуальном смысле (вероятно, они и обычно так теперь употребляются), или появляются особые термины, имеющие чисто индивидуальное значение. Примеров последних можно привести немало, а самым наглядным является изображение в таблицах Штрелова (см. выше стр. 24—25) параллельных рядов групповых и индивидуальных названий, причем происхождение последних из первых видно чисто этимологически.

А может быть, можно сказать и больше. Самое нарастание номенклатур родства, обогащение их новыми и новыми терминами, приведшее к тому, что они, состоя вначале, вероятно, лишь из очень немногих терминов, достигают теперь объема в 2—3 и более десятков обозначений, быть может, объясняется именно растущим влиянием создававшейся и укреплявшейся индивидуальной семьи.

XII

Мы вовсе не исчерпали всех особенностей австралийских систем родства. В числе этих особенностей есть и такие, для объяснения которых недостаточно общих точек зрения, высказанных здесь, а надо знать другие факты или сделать другие добавочные предположения более частного порядка. Одна из интереснейших особенностей австралийских (впрочем, и некоторых и других) систем родства, которая заслуживала бы стать темой особой работы, это—особый принцип взаимности обозначений, нашим номенклатурам почти совершенно чуждый. Мне кажется, он не может быть объяснен в той плоскости, в какой расположена настоящая работа, и понимание его надо искать на иных путях. Но я думаю, что то или иное решение этого вопроса не сможет затронуть хода мыслей, изложенных мною здесь.

Здесь же я имел в виду только собрать факты, имеющие отношение к вопросу о происхождении семьи. Эти факты и связанные с ними соображения приводят нас к установлению важного факта: эпохе господства семьи предшествовала в Австралии эпоха режима фратрий; семья является сравнительно поздним общественным образованием.

Естественно возникает вопрос: что же представляли собою в ту пору фратрии, какого рода социальными единицами они были? На этот вопрос ответить мы пока не можем, кроме как указанием на то, что,

во-первых, это были экзогамные группы, а во-вторых, им очевидно принадлежало какое-то общественное значение, достаточно серьезное для того, чтобы наложить свой отпечаток на терминологии «родства».

С другой стороны, если мы говорим о возникновении семьи, то тут напрашиваются еще два вопроса: 1) когда, и 2) в силу каких условий она возникла? Конечно, ответы на это могут быть по меньшей мере гадательные, но можно все же указать на некотрые факты.

По первому вопросу надо вспомнить, что развитие номенклатур родства, по крайней мере их более поздних частей, мы отнесли к эпохе не только после разделения главных ветвей австралийских языков, но, может быть, и после разделения родственных семейств их на отдельные языки и их группы, а в то же время, повторяю, развитие это в существенных чертах совершалось в досемейную пору. Больше об этом ничего сказать нельзя.

По второму вопросу следует обратить внимание на характер, присущий австралийской семье: я уже говорил, что последняя представляет собой в сущности хозяйственную единицу. Мы не ошибемся, если скажем, что в качестве таковой семья представляет собой дериват развития частнохозяйственного уклада, результат распада первобытных более широких экономических форм,—того, что называют обычно «первобытным коммунизмом». Но этим вопрос не решен, а только отодвинут: чем же объясняется распад этих широких форм хозяйственных связей?

Тут трудно дать категорический ответ. Может быть, здесь нужно припомнить факт индивидуальной собственности на «орудия производства», как основы частного хозяйства и обмена, и поставить это в связь с известным уровнем техники, который только и придает смысл этой индивидуальной собственности,—и тогда получится вывод о «росте производительных сил», как факторе развития семейного строя...

* * *

Таковы выводы из анализа австралийских номенклатур родства [1]. Легко заметить, что вопрос о классифицирующих номенклатурах родства в настоящей статье передвинут в несколько иную плоскость сравнительно с обычной его постановкой. Спор обычно идет о том,

[1] Аналогичные результаты—mutatis mutandis—может дать, мне кажется, разбор терминологий родства меланезийских, не до конца проанализированных Риверсом (Rivers W. H. R. History of Melanesian Society, Cambr. 1914, vs 1—2). Отмечу кстати, что к очень близким выводам приходит Турнвальд в своем разборе системы брачно-семейных отношений и терминов родства у папуасского племени банаро (R. Thurnwald. Die Gemeinde der Banaro, Stuttg. 1921, S. 133, 150 166, 182 и др.).

могут или не могут эти номенклатуры служить доказательством прежнего существования «группового брака» или иных широких форм брачно-половых отношений. В процессе обсуждения этой проблемы выяснилось, что термины «родства» суть по-настоящему обозначения не физиологического родства, а определенных социальных отношений. Противниками теории группового брака этот момент выдвигается в качестве аргумента против нее. Однако они не учитывают вытекающих из этого выводов, которые я и попытался здесь сделать. Эти выводы идут отнюдь не на пользу защитников первобытности индивидуальной семьи. Они, правда, не являются возвращением к взглядам Моргана и его школы, но они стоят гораздо ближе к Моргану, чем к его противникам.

* * *

В свете полученных выводов получают более надежное объяснение такие обычаи, как «pirrauru» и некоторые другие формы внебрачной половой жизни, которые обычно приводятся, как свидетельство существования в прошлом эпохи более широких форм половых отношений,—мы сказали бы, эпохи досемейного быта. Эти факты могут теперь толковаться, как пережитки эпохи досемейного быта, хотя сами по себе они, по моему мнению, не являются достаточными доказательствами последнего.

ТЕОРИЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ МОДИФИКАЦИЙ НЕКОТОРЫХ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПО ДАННЫМ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ

Б. С. Жуков

(Антропологический н.-и. институт при I МГУ. Москва)

I. Знакомство с неолитическими культурами северо-восточной Европы, в изучении которых столь значительную роль сыграли работы А. А. Спицина по культурам Бологовской (1), Балахнинской (2—3) и других стоянок, выдвигает ряд обширных и интересных проблем, касающихся весьма древних этнических взаимоотношений на территории Северной Евразии. Оно выдвигает вместе с тем вопросы о содержании, природе, развитии, территориальных особенностях и о взаимоотношениях с культурами металла того круга древних культур, который принято понимать как неолитический.

В последнем отношении северо-европейский неолит представляет едва ли не самый обильный, четкий и разнообразный этнологический материал, чем неолит какой-либо другой области Европы.

Едва ли можно оспаривать тот факт, что о неолите северо-восточной Европы на основании прежних работ мы знаем немногое и притом в весьма общих чертах. Огромность территории, из разных, часто очень отдаленных друг от друга точек которой были добыты характеризующие материалы, случайность и отрывочность этих материалов, их неполнота, спутанность, а нередко и недостоверность в отношении стратиграфии их нахождений, недостаточная разработанность методов их изучения как в процессе раскопок, так и при лабораторном анализе—вот те главнейшие моменты, с которыми приходится сталкиваться современным исследователям неолита территории европейской части РСФСР. Такие недостатки и неполнота материала, несмотря на ряд опубликованных за последние годы у нас и за границей работ, затрогивающих проблемы неолита этой территории, отдаляют сколько-нибудь полное освещение этих проблем в целом еще на многие годы, впредь до накопления нового достаточно большого и точного материала, впредь до его систематической проработки.

Работая с 1916 г. над проблемами неолита и развертывая такие

работы в связи с экспедиционной деятельностью Антропологического научно-исследовательского ин-та при I Московском государственном ун-те и некоторых музеев Центрально-промышленной области (4), я должен был сразу же столкнуться с необходимостью для меня и моих сотрудников уточнения и унификации методики раскопок, уточнения методов обработки найденных коллекций.

Вместе с тем нам было необходимо получить новый, достаточно большой и достаточно полный материал с изучаемой территории,— материал, который можно было бы положить в основу изучения, обращаясь от него к материалам раскопок других исследователей как к подсобным аналогиям.

С 1923 г. такие работы мною систематически развивались и расширялись. К 1925 г. была оформлена введенная мною совместно с О. Н. Бадером в практику методика полевых обследований (5) и раскопок (6), а в дальнейшем, после того как в Москве сорганизовалась группа исследователей—палеоэтнологов, сотрудников палеоэтнологических лабораторий Антропологического ин-та, Музея ЦПО и Центрального музея народоведения, была нами уточнена также и методика обработки материала, этапы развития которой иллюстрируют мои работы по культурам Льяловской (7—8) и Пановской (9) стоянок, наша совместная с О. Н. Бадером и М. В. Воеводским работа о культурах городищ Поветлужья (10), в которой М. В. Воеводский развил метод обработки керамических находок, и, наконец, работа М. В. Воеводского об изучении керамики.

В результате раскопок, произведенных работниками нашего коллектива за последние годы, в поле нашего зрения попал сравнительно большой и разнообразный коллективный материал по большей части из местонахождений впервые исследованных, но частично также и из ранее раскопанных памятников (Балахна, Сейма, Волосово), где мною производились раскопки на новых, нетронутых другими исследователями, участках. Этот материал частично закончен проработкой по отдельным памятникам, которые изданы или выходят в ближайшее время в свет в виде монографий (стоянки Льяловская, (7—8), Поздняковская, Пановская (9), Липкинская (12), городища Поветлужья (10) и др.), частично еще находится на стадии лабораторной проработки. Так как последняя в виду ее детальности протекает сравнительно медленно, а вместе с тем ряд положений, относящихся к проблеме нашего неолита в целом теперь в значительной мере мною установлены и получили на основании моих устных сообщений и бесед некоторую известность в среде русских палеоэтнологов, то я и решаюсь выступить с некоторыми из этих положений, а также с некоторыми предварительными систематическими построениями. Последние я рассматриваю, конечно, как намечающиеся контуры рисунка, который должен быть основательно проработан в деталях.

II. В определение понятия «неолит» является своевременным ввести некоторое уточнение. В самом деле, при выделении крупных циклов культурного развития в прошлом человечества можно брать за основу различные характеризующие признаки, как, например, хронологический, индустриальный, хозяйственный и т. д. Русским палеоэтнологам нашего времени хорошо известно, что существовавшая в нашей науке неясность разделения понятий «культура» и «эпоха» в системе последовательных культурно-эволюционных циклов, например палеолита, мозолита, неолита, побудила нашего маститого исследователя В. А. Городцова предложить классификационную систему (13), основанную на понимании терминов «палеолита», «неолита» и других в качестве хронологических определений этапов развития культуры человечества. Такое понимание, вводящее чисто спекулятивную периодизацию исторического процесса, представляется, однако, совершенно неприемлемым, между прочим, еще и потому, что оно приводит к логической необходимости, например, называть культурой железного века всякую культуру начала первого тысячелетия до нашей эры, если даже данная культура и не обнаружит ни малейших признаков знакомства с металлами. С другой стороны, в среде современных русских специалистов-доисториков существует тенденция, выраженная, например, у А. Я. Брюсова (14), вкладывать в понимание характеризующего циклы развития культур термина, кроме хронологического классифицирующего признака, еще и признак социолого-хозяйственный. Совершенно очевидно, что такая тенденция, правильная в своей основе по отношению к характеристике всякой культуры по хозяйственному признаку, не может быть применена для классификации доисторических культур. Ей присущи слишком суммарные определяющие признаки, как, например, для тех примитивных охотничьих хозяйств, каковые намечаются культурами палеолита, а также некоторыми культурами европейского мезолита и в особенности неолита (понимаемыми в обычном индустриально-техническом определении).

Вместе с тем такая тенденция не может внести четкости в определения, ибо приводит к тому, что охотничье-рыболовственная неолитическая культура должна быть отделена от культуры неолитической, но скотоводственно-земледельческой, т. е. что условия индустриального развития каждой культуры в своеобразной обстановке окружающей природы, на основе природных ресуров, доставляемых известной территорией, не смогут быть достаточно оттенены.

Я не вижу поэтому достаточно убедительных оснований к тому, чтобы отказываться от определения циклов историко-культурного развития на основании индустриально-технических признаков, которые наиболее бесспорно определяются анализом даже немногих объектов ископаемой культуры.

Я полагаю, что взятая за основу характеристика материала и техники, присущей носителям данной культуры, должна определять облик крупных этапов эволюции культуры, независимо от времени ее существования. Что же касается признака хозяйственного, то он должен рассматриваться как уточняющий определение во всех случаях, когда его возможно установить. Так, например, если для палеолитической культуры нет надобности подчеркивать, что она является охотничьей, то по отношению к неолитическим культурам необходимо в соответствующих случаях давать уточняющее определение основного хозяйственного признака данной неолитической культуры, т. е. указывать является ли она рыболовственно-охотничьей, земледельческо-скотоводческой и т. п.

Для ясности моих дальнейших положений, я отмечаю, что «неолитической» культурой древней Европы я называю культуру, которой свойственно производство шлифованных каменных орудий и гончарной посуды, как двух совокупно определяющих признаков, отделяющих ее от культуры мезолитического облика, в которой оба или один из этих признаков отсутствуют. Вместе с тем я называю «неолитической» культуру, в которой не представлены металлы, в которой основные категории орудий производства и оружия (топоры и т. п.) еще каменные. Под «энеолитической»—я понимаю каменную культуру, которая знает привозные из меди или бронзы орудия, вкрапленные более или менее сильно в ее инвентарь, и выказывает черты прогрессивного перелома в своем индустриальном, хозяйственном и бытовом облике. Наконец, «металлической» я называю культуру, развивающую собственную металлургию с использованием добываемого на месте или привозного металла.

III. Территория, к которой приурочены рассматриваемые ниже местонахождения неолитических и других памятников, лежит в области около 54—58 параллелей и около 6—15 меридианов от Пулкова (рис. 1). Она охватывает, таким образом, верхнее течение Волги в районе Твери, район Поволжья близ устья Оки, нижнее течение Оки, верховья Мокши и включает побережья рек Клязьмы и Теши. По этой территории проходят не только современная, но и древняя границы между лесной и степной зонами в Восточной Европе. Вместе с тем эта территория включает пересекающие ее в разных направлениях речные артерии и водораздельные возвышенности между верхней Волгой и Окой, причем сама близко примыкает с северо-запада и юго-запада к водоразделу между бассейном Волги и бассейнами рек, впадающих в Балтийское море, с юго-запада и юго-востока—к водоразделу с бассейнами Днепра и Дона, а с северо-востока—к водоразделу бассейна Волги с бассейнами Беломорских рек и с бассейном Камы. Таким образом, эта территория является ареалом встреч древних культур леса и культур степи и, вместе с тем, ареалом,

соединенным речными путями с рядом далеких от него районов европейского континента.

Ввиду указанных особенностей этой территории не представляется неожиданным, что ее неолитические культуры по своему морфологическому облику представляют довольно сложную картину. Примыкая территориально к области распространения палеолитических местонахождений (стоянки—близ Смоленска, Супоневская и Тимоновская близ Брянска, Гагаринская в Липецком уезде Тамбовской губернии, Карачаровская близ Мурома), изучавшиеся нами неолитические культуры впитали в себя ранне- и поздне-мезолитические компоненты в виде макролитических дериватов, из которых один территориально тяготеет к Балтике, а другой, быть может, к бассейну Дона, а также влияние микролитоидных культур, имеющих, вероятно, южное, степное происхождение. Последние влияния выражены, например, в культуре Горшихинской стоянки в районе Балахны, раскопанной автором в 1916 г. Они прослеживаются также на ряде исследованных другими лицами стоянок районов Рязанского, Муромского, Костромского и Ярославского.

Характеристика этих мезолитических культур и влияний выходит за пределы задач настоящей работы, но упоминание о них достаточно иллюстрирует сложность формирования и развития рассматриваемой нами неолита. Эта сложность усугубляется еще следующими, установленными нами в процессе изучения фактами:

1. Неолитические культуры этой территории выказывают некоторые районные циклы своего развития.

2. Они несут отражение некоторых, параллельных их развитию, районных влияний из-за пределов рассматриваемой территории.

3. Соответственно с этим влиянием внедряются на рассматриваемую нами территорию чуждые ее неолиту культуры, которые входят впоследствии в некоторые взаимоотношения с местными неолитическими.

4. Соответственно собственному циклу развития местных культур неолита и этим указанным взаимоотношениям констатируются на рассматриваемой территории памятники, отражающие более или менее чистые или типичные культуры, и памятники, культуры которых по своим морфологическим признакам, являют черты, так сказать, гибридности. В виду этого устанавливаются мною и соответствующие наименования для культурных комплексов, как, например, «культура типа комплекса Льяловской стоянки» или «Льяловская культура» для одной из чистых, своеобразных культур, или «культура Малобо[illegible]ской стоянки» — для своеобразного гибридного комплекса этой стоянки, в котором можно различать компоненты, связанные с некоторыми типичными чистыми культурами.

Исходя из отмеченных фактов, иллюстрации которых будут развиты ниже, постановка нашего изучения должна была неизбежна

базироваться, во-первых, на методе районных исследований, т. е. на систематическом изучении максимального количества памятников в отдельных районах нашей территории с целью постепенно выделить на ней изученные районы, в каждом из которых исследуются все памятники, включая памятники культур железного века. Это удалось, однако, в силу объективных обстоятельств осуществить, как о том свидетельствует карта рис. 1, далеко еще не в полной мере для каждого из избранных районов работ. В процессе обработки материала мы усложняли характеристику культур, вводя наибольшую детализацию признаков каждого культурного комплекса с целью установить по возможности даже и те отличия, которые характеризуют индивидуальный облик материала отдельных стоянок, хотя бы и одной и той же культуры.

Благодаря применению указанных методов уже в результате еще далеко не законченного изучения удалось установить некоторые частично характеризуемые ниже закономерности развития наших неолитических культур, которые вскрывают сущность процесса их модификации и которые весьма поучительны для этнолога-доисторика. Эти закономерности обусловлены влияниями преимущественно двух географических факторов:

1) характером природных ресуров данного района и

2) характером территориального положения данного района в отношении речных артерий, которые могли в большей или меньшей степени способствовать проникновению влияний со стороны соседних культур.

Установление отличных друг от друга во времени и по территории древних культурных (этнических) комплексов должно производиться на основании изучения всей совкупности морфологических и стратиграфических признаков каждого из памятников, их бытовых деталей, а также всего добываемого раскопками коллекционного материала. Однако едва ли не наиболее показательным для этого компонентом в древних культурах является керамика, на которой более четко отражаются эволюционные сдвиги и локальные влияния, чем на каменном инвентаре. Этот последний представляет более ограниченные возможности установления типологических вариаций, так как заключает меньшую сумму признаков каждого объекта изучения и, следовательно, меньшее разнообразие их сочетаний; он более связан, чем керамика, с локальным наличием того или другого материала для производства и притом материала, неравноценного по своим техническим качествам. Преимущество керамики против костяного инвентаря, который, повидимому, более податлив, чем кремень в смысле индивидуальных типологических и технологических вариаций, состоит еще и в том, что наличие возможностей получения костяного инвентаря из памятников связано с условиями сохранения кости в том или ином

почвенном слое. Наконец, чисто бытовые условия в древности, равно как и хрупкость сосудов, часто разбивавшихся при их употреблении, дают лучшие возможности установить характеристику древней культуры, по керамике как в случаях сильно разрушенных памятников, так и в случаях обследований и небольших раскопок, так как находки керамических объектов всегда более обильны, разнообразны и менее случайны.

Приведенные положения достаточно выясняют, почему в постановке наших работ по изучению неолита нужно было прежде всего обратить внимание на изучение керамики и ввиду неразработанности методов ее морфологического изучения, попытаться установить эти методы, выделив ряд признаков, которые характеризуют керамические объекты, как-то: цвет, состав глиняной массы, характер наружной и внутренней поверхности сосудов, технику их изготовления, расположение орнамента, форму сосудов и их отдельных частей (венчика, шейки, плечиков, стенок, днищ), размеры сосудов и их частей, выделить элементы орнамента (15), сочетания этих элементов и характер орнаментальных узоров. Ценность тех или иных указанных признаков для типологической характеристики керамики оказалась далеко не одинаковой. Так, цвет фрагментов имеет некоторое классифицирующее значение лишь по отношению к фрагментам одного и того же слоя на одном и том же памятнике, так как керамические объекты изменяют свой цвет соответственно составу слоя, в котором они лежат. Весьма вероятно, что толщина сосудов находится в некоторых корреляционных отношениях не столько с размером сосудов, сколько с качеством глины, с которым, повидимому также связано наличие тех или иных примесей в ней. Виды элементов орнамента, их сочетания, характер узора выказывают свои интересные закономерности развития, которые в настоящей работе нет возможности подробно рассматривать. Наконец, изучение техники изготовления сосудов, начатое в недавнее время сотрудником палеоэтнологической лаборатории Антропологического ин-та, М. В. Воеводским, намечает некоторые интересные в отношении установления локальных и хронологических отличий перспективы.

Для составления характеристик керамики отдельных стоянок и целых культур мы обратились к тому массовому и достаточно полному, а не выборочному, как это делают многие из исследователей, материалу, который мы получали в результате раскопок, в процессе которых материал брался послойно по участкам и притом полностью, без оставления каких-либо объектов на месте. При обработке особое внимание обращалось на подбор фрагментов по отдельным сосудам, вплоть до реконструкционной склейки целых сосудов, которая ввиду обычной фрагментарности сосудов и разбросанности обломков по площади стоянок, представляется весьма длитель-

ным процессом. Систематические построения настоящей работы являются основанными частью на проработанных сотрудниками нашего коллектива керамических комплексах, частью на предварительной морфологической характеристике, сделанной в результате общего просмотра таких комплексов. Для иллюстраций [1] использованы преимущественно фотографии реконструированных целых сосудов, сопровождаемые их точной профилировкой при помощи диаграфа Мартина. По каждому из приводимых в качестве иллюстраций сосудов даются его характерные признаки и измерительные данные.

IV. Материал, изучение которого легло в основу настоящей работы, получен почти исключительно в результате раскопок и частично обследований памятников сотрудниками нашего палеоэтнологического коллектива. В его состав входят нижеследующие памятники, объединяемые своим расположением в 7 районах:

I. Кашинский район (Тверской губ.)—течение реки Яхромы, притока р. Медведицы.

1) [2] Языковская торфяная стоянка близ дер. Языковой. Раскопки автора, совместно с А. Е. Алиховой и М. В. Воеводским в 1928 г. (16). Коллекции поступают в Музей ЦПО (Москва) и в Тверской музей.

II. Северная часть Московской губернии, близ водораздела верхней Волги и Оки.

2) Льяловская торфяная стоянка на левом берегу р. Клязьмы у с. Льялова Московского уезда. Раскопки автора в 1923—1926 гг. (7, 8). Коллекции хранятся в Музее ЦПО.

3) Николо-Перевозские стоянки I и II по правому берегу р. Дубны у с. Николо-Перевоз Ленинск. у. Моск. губ. Раскопки автора совместно с А. Е. Алиховой и М. В. Воеводским в 1928 г. Коллекции поступают в Музей г. Ленинска.

4) В том же районе (в Дмитровском уезде) раскопаны О. Н. Бадером в 1928 г. два памятника культуры Дьяковых городищ.

III. Район г. Вязников Владимирской губернии, р. Клязьма.

5) Холомониха, стоянка близ дер. Раскопки О. Н. Бадера в 1927 г. Коллекция хранится в Музее ЦПО.

6) Липкинская дюнная стоянка, близ дер. Липки. Раскопки А. В. Збруевой в 1927 г. (12). Коллекция хранится в музее г. Вязников.

7) В том же районе—Пирово городище, раскопано О. Н. Бадером в 1927 г., заключает: а) комплекс Дьяковой культуры и б) славянский комплекс.

---

[1] Изготовлением иллюстраций к настоящей работе я обязан А. Е. Алиховой, Е. И. Горюновой и Н. А. Синельникову, за что приношу им сердечную благодарность. БЖ.

[2] Нумерация памятников соответствует цифровым обозначениям на карте (рис. 1).

IV. Район г. Мурома по правому берегу Оки, близ устьев рек Теши и Велетьмы.

8) Стоянка дюнная Волосовская 1, близ дер. Волосовой. Новые раскопки автора в 1926—1927 гг. Коллекция в Музее ЦПО.

9) Стоянка дюнная Мало-Окуловская 1, близ д. д. Малое Окулово и Волосово на территории расположения курганов могильника бронзовой культуры (Мало-Окулово II) и отличная от памятника, раскапывавшегося Ф. Я. Селезневым (17). Раскопки автора совместно с А. Е. Алиховой и А. В. Збруевой 1927—1928 гг. Коллекция поступает в Муромский музей.

10) Могильник Мало-Окуловский II—те же раскопки, что и предыдущие. Коллекция поступает в Антропологический музей I МГУ и в Муромский музей.

11) Стоянка дюнная Мало-Борская, близ памятников 8—10, у дер. Малый Бор. Раскопки О. Н. Бадера 1927 г. Коллекция поступает в Муромский музей.

12) Стоянка Поздняковская, близ с. Позднякова. Раскопки автора и О. Н. Бадера 1925 и 1927 гг. Коллекция в Музее ЦПО.

13) Стоянка дюнная Ефановская, близ д. Ефановой. Раскопки О. Н. Бадера в 1927 г. Коллекция в Музее ЦПО.

В том же районе раскопаны (14) Кондраковское городище (15), стоянка в селище на р. Велетьме, близ Волосова (О. Н. Бадером) и (16) Корниловский финский могильник (автором и А. Е. Алиховой). Выше по р. Теше, в пределах Нижегородской губернии, раскопаны:

17) Докукинская дюнная стоянка, близ с. Докукина Арзамасского уезда М. В. Воеводским в 1926 г. Коллекция в Антропологическом музее I МГУ.

18) Саконские селище и городище—автором совместно с Г. Ф. Дебецом в 1928 г. Коллекции в Нижегородском музее.

V. Район Балахна—станция Сейма—устье Оки Нижегородской губернии:

19) Балахнинская III дюнная стоянка на р. Железнице, рядом со стоянками «Балахна I» и «Балахна II» — раскопок В. И. Каменского (2—3). Раскопки автора 1917 г. и 1923 гг. (18—19). Коллекции в Антропологическом музее I МГУ и в Нижегородском музее.

20) Горшихинская стоянка, дюнная, на р. Железнице, близ дер. Горшиха. Раскопки автора 1916 г. Коллекция в Антропологическом музее I МГУ (часть материала описана Л. Савицким (20).

21) Чуркинский могильник раскопки В. И. Каменского (2). Обследован автором в 1916 г. Коллекция В. И. Каменского в Нижегородском музее.

22) Больше-Козинская I стоянка дюнная, близ с. Б. Козино, раскопанная В. И. Каменским вместе со стоянками Б. Козино II

и III). Новые раскопки автора и О. Н. Бадера в 1925 г. Коллекция В. И. Каменского в Музее академии наук, коллекция О. Н. Бадера в Музее ЦПО.

23. Больше-Козинская IV дюнная стоянка, близ Б. Козино I, II и III. Раскопана автором и О. Н. Бадером в 1926 г. Коллекция в Нижегородском музее.

24) Стоянки Пырские I—VI на оз. Пырском. Обследованы О. Н. Бадером в 1926 г. Коллекция в Нижегородском музее.

25) Сейминский могильник и дюнная стоянка близ станции Сейма (21, 22, 23). Новые раскопки автора (стоянки) в 1922 г. (19). Коллекции в Нижегородском музее, как и коллекции прежних раскопок.

VI. Район р. Ветлуги Нижегородской губернии.

26) Стоянка Пановская дюнная, близ д. Аксеново Ветлужского уезда. Раскопки автора 1925 г. (9). Коллекция в Нижегородском музее.

Городища 27-Шангское, 28-Одоевское, 29-Чортово, 30-Богородское, 31-Русенихинское, раскопанные О. Н. Бадером и автором в 1925—1926 гг. (10). Коллекции в Нижегородском музее.

VII. Район г. Наровчата Пензенской губернии, р. Мокша.

32) Стоянки Озименки I и II близ селения Казбек. Раскопки автора и С. Ф. Преображенского в 1926 г. Коллекция поступает в Пензенский музей.

Ввиду того, что Озименки дали при обильном керамическом материале единичные и нехарактерные объекты из кремня, а керамика Озименок по своему облику близка к кругу бронзовых культур степного Поволжья, я считаю возможным рассматривать ее как преимущественно бронзовую культуру.

V. Общая стратиграфическая увязка поименованных памятников друг с другом, а также согласование их стратиграфии с имеющимися в настоящее время геологическими работами по стратиграфии нашего неолита Айлио (24) А. П. Павлова (25), Б. Ф. Землякова (26, 27, 28), а также работою А. Еуропеуса (29), еще не закончены проработкой. Равным образом незаконченной является взаимная стратиграфическая увязка некоторых из этих памятников со страграфическими работами по изучению торфяников, в чем весьма активных соучастников встретили наши работы в лице В. С. Доктуровского, (30), Д. П. Мещерякова (31) и некоторых других исследователей. Нет сомнения в том, что дальнейшее развитие геологических и почвенных исследований аллювиальных отложений, а также развитие исследований торфяников на изучаемой нами территории создадут для неолитических культур достаточно прочную относительно хронологическую базу.

Среди перечисленных нами памятников, равно как и среди тех, которые обследованы или раскопаны сотрудниками наших лаборато-

рий в последние годы и не введены мною в настоящую работу, имеются такие, которые дали стратиграфически или по конструкции памятников отделимые слои с залегающими в них своеобразными комплексами находок. Такие, найденные в особых слоях или условиях, керамические комплексы обозначаются мною в настоящей работе арабскими цифрами рядом с обозначением памятника, начиная с наиболее древнего (глубокого) слоя. Совершенно очевидно, что такие расслоенные памятники дают особенно ценный материал для установления относительной хронологической последовательности культур. Из этих памятников отметим нижеследующие:

1) Языково. Под основным слоем залегания в торфе комплексов Языково 2 мы имеем залегание в верхнем горизонте подстилающей глины комплекса керамики Языково 1.

2) Малое Окулово I—II. Курганный могильник Малое Окулово II расположен на площади стоянки Малое Окулово I, причем раскопками выяснен ряд деталей нарушения позднейшим памятником первого.

3) Николо-Перевоз II. В этом местонахождении выделяются стратиграфически и морфологически более древний комплекс Николо-Перевоз $П^1$ и более поздний Николо-Перевоз $П^2$.

4) Ветлужские городища. Хотя эти памятники и затрагиваются в данной работе лишь попутно, однако следует здесь отметить, что некоторые из них дают четкую картину следующих стратиграфических разделений: Одоевское 1, Одоевское 2, Одоевское 3, Богородское 1) близкое по характеру керамики к Одоевскому 1), Богородское 2) близкое к Чортово 2), Чортово 1) близкое к Одоевское 3), Чортово 2.

Яркий пример характера памятников Малое Окулово I и II укрепил мои предположения о возможной расшифровке Сейминского памятника, о котором создалась большая литература, но систематическое описание комплекса находок которого еще не было опубликовано. Нет сомнения в том, что на Сейминской дюне находился могильник, вскрывавшийся многократно за период времени до 1922 г. из описания этих раскопок можно видеть, что здесь предполагалось также и присутствие «селища» (стоянки).

Мои раскопки 1922 г. на той же дюне, но на нетронутых участках не обнаружили ни бронзовых предметов, ни следов могильника, очевидно не задетого моими траншеями. Напротив, я получил в результате раскопок ряд признаков, указывающих на существование здесь стоянки с неолитоидною керамикой. Принимая во внимание, что в керамике Сеймы в целом можно проследить влияния ряда культур, как это показано ниже в моей схеме, я полагаю возможным допускать, что вследствие несовершенства раскопок этого памятника его комплексы были смешаны воедино, что, быть может, не относится к бронзовому ин-

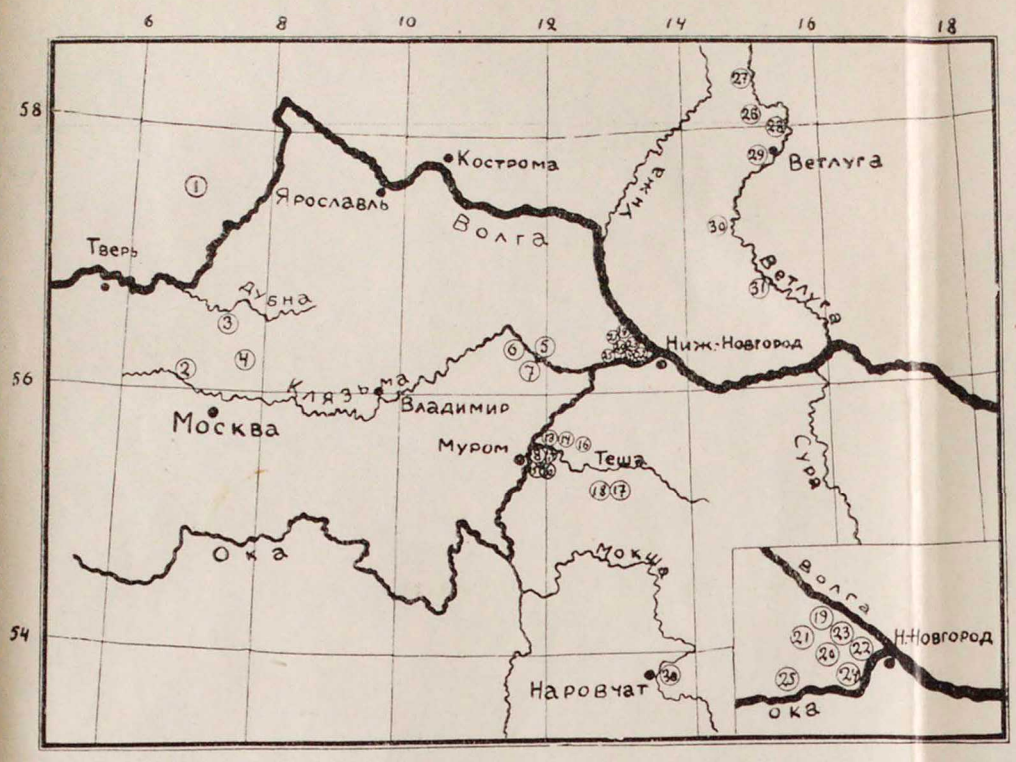

Рис. 1. Карта местонахождений древних памятников, раскопанных экспедициями Антропологического института.

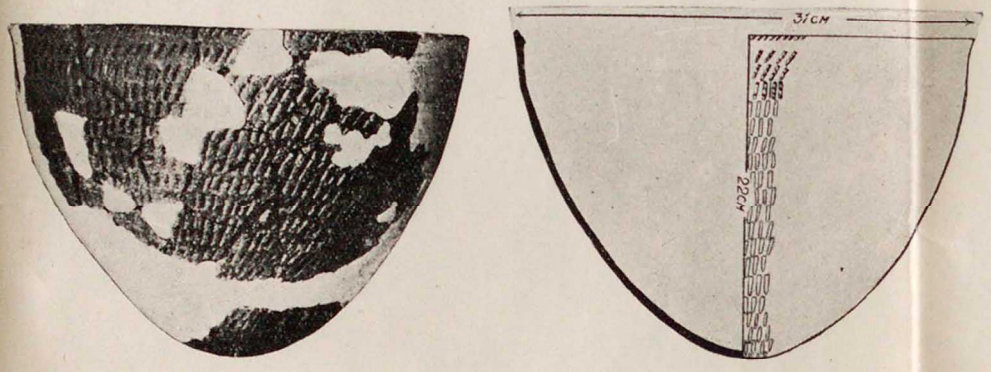

Рис. 4. Сосуд керамики Б. Козино IV А. 1/5.

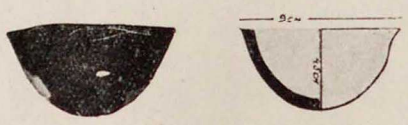

Рис. 5. Сосуд керамики Б. Козино IV АВ. 1/4.

Рис. 6. Сосуд керамики Б. Козино IV В. 1/4.

Рис. 7. Сосуд керамики Балахна III. 1/4.

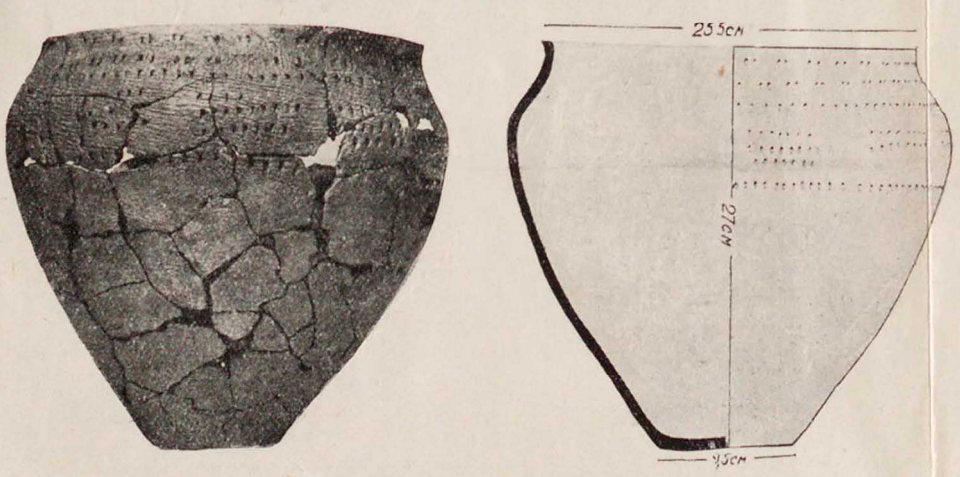

Рис. 10. Сосуд керамики Липки. Ок. 1/5.

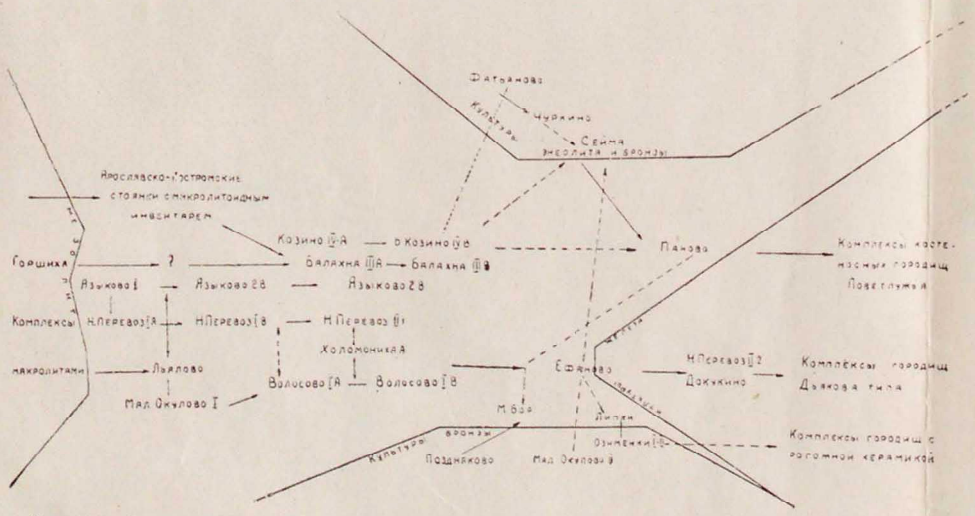

Рис. 12. Схема хронологических и культурных взаимоотношений памятников неолита и других культур на территории центральной части Восточной Европы.

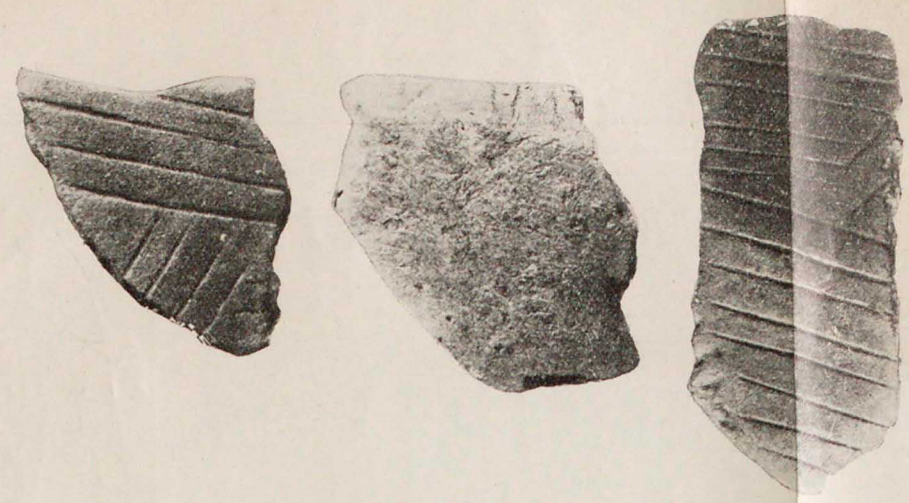

Рис. 2. Фрагменты керамики Языково I. 1/1.

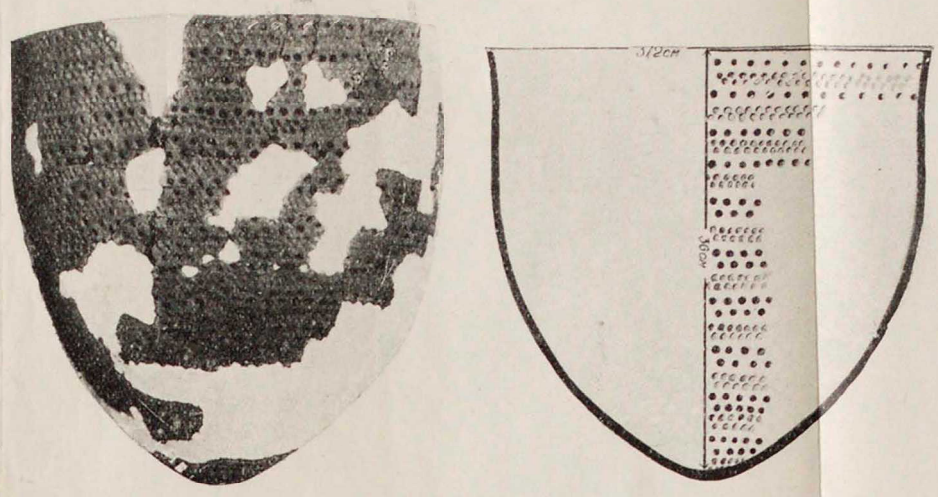

Рис. 3. Сосуд керамики Малое Окулово I. Ок. 1/6.

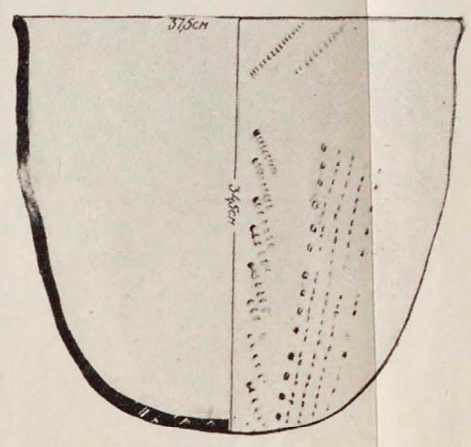

Рис. 8. Сосуд керамики Волосово I В. 1/6.

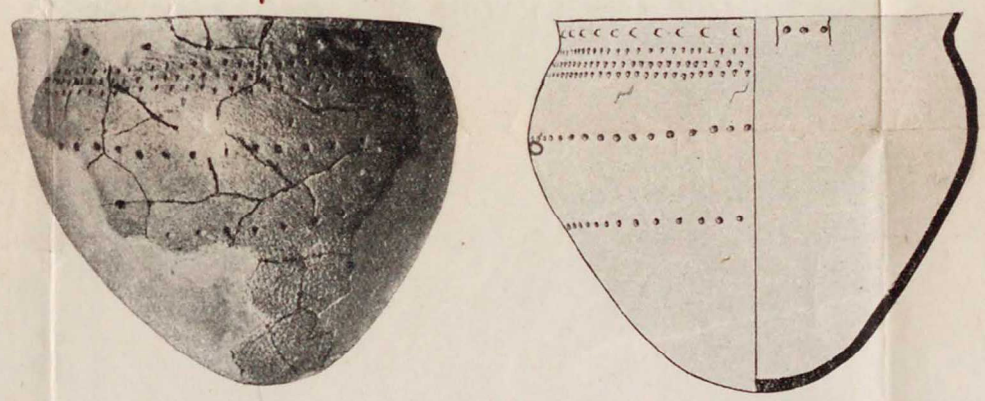
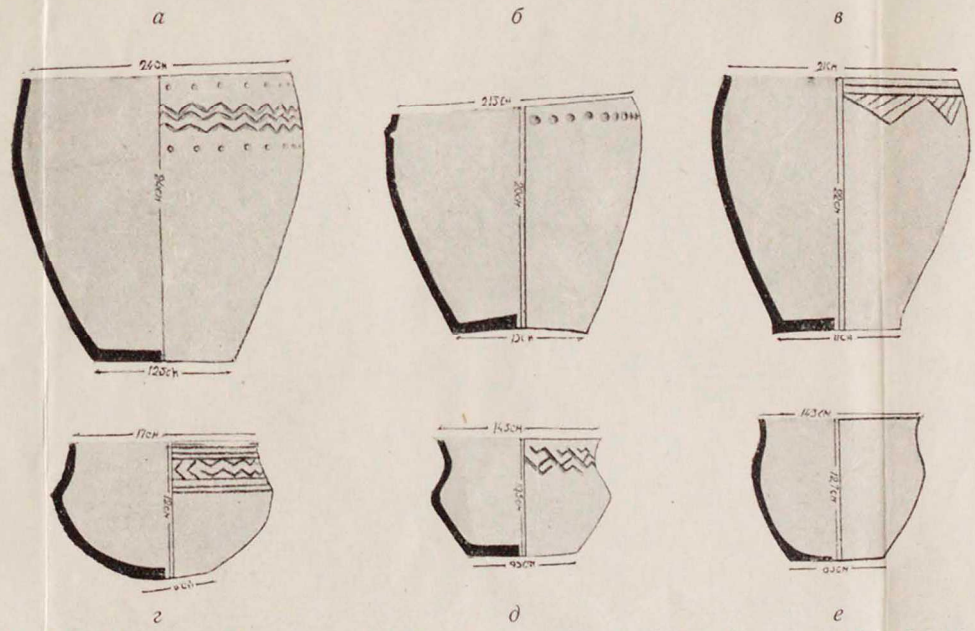
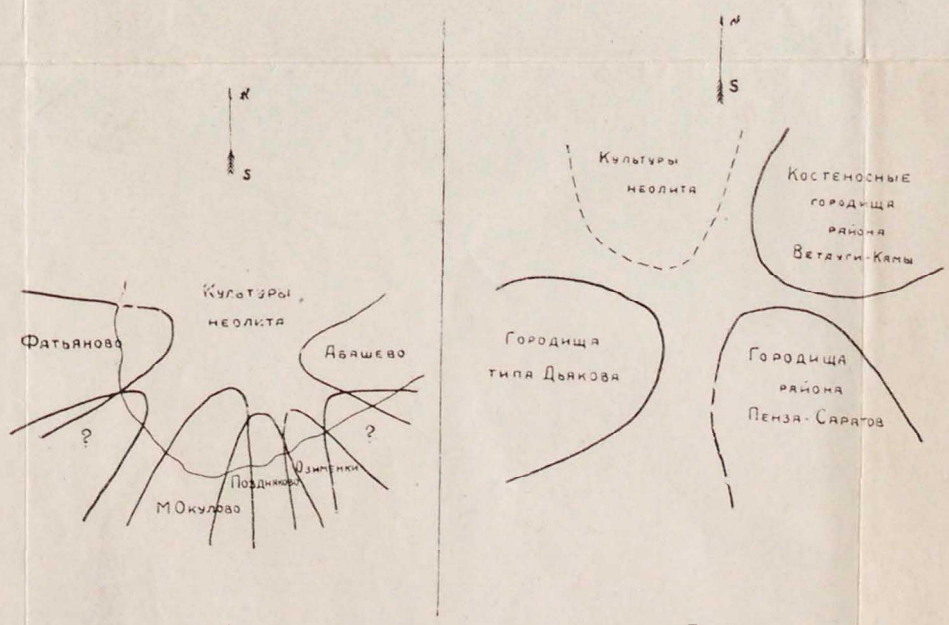

Рис. 9. Сосуд керамики Н. Перевоз II 2. Ок. 1/5.

г д е

Рис. 11. Сосуды из Позднякова (*а*), Малого Окулова II (*г*,*д*,*е*) и Озименок (*б*,*в*). Ок. 1/6.

A B

Рис. 13. Схемы территориальных взаимоотношений культур лесного неолита и других в разные эпохи.

вентарю, но относится к инвентарю кремневому и, в особенности, к керамике. В настоящее время безошибочное разделение инвентаря стоянки возможно не единого комплекса Сеймы по материалам прежних раскопок—уже является почти безнадежным; во всяком случае мы пока не имеем возможности рассматривать этот комплекс иначе как в целом.

Отмечая стратиграфические отличия некоторых комплексов находок в раскопанных нами памятниках, должно признать, что такие счастливые возможности и случаи их полного выделения на стоянках представляются довольно редкими. Однако метод порайонных исследований вознаграждает палеонтолога в его исканиях возможности бесспорного определения неодновременности различных культурных напластований. В самом деле, если, например, на расстоянии 10 *км* друг от друга находятся три столь различных по своему инвентарю памятника, как Горшиха, Балахна III и Чуркино, едва ли может быть допущена мысль об одновременном существовании хотя бы двух из них, что свободно допускалось бы, если бы они были разбросаны в различных географических провинциях на расстоянии сотен километров. Таким образом, оперируя с циклом районных культурных смен и оперируя с морфологическими признаками, мы приближаемся к истинному определению культурных смен на большой территории, если нам удается связать между собой те или иные культуры из разных районов.

VI. Большое значение в дальнейших построениях придается мною памятникам с «гибридными» комплексами.

Такие памятники определяются тогда, когда нам известны чистые комплексы, т. е. такие, которые мы вправе считать характеристичными для руководящих культур.

Среди перечисленных выше памятников типичные целостные комплексы керамики, которые могут быть рассматриваемы как чистые, дают следующие: Льялово, Малое Окулово I, преимущественная часть керамических объектов из Волосова I, Поздняково, Малое Окулово II, Докукино и, быть может, Озименки I—II (проработка последних к настоящему времени еще не закончена). Кроме того, чистый комплекс представляет собою фатьяновская керамика из Фатьянова, Чуркина (2, 21, 22, 23, 32, 33, 34). Наконец, весьма своеобразный комплекс представляет Языково 1; однако материал для его понимания в целом еще далеко недостаточен в виду небольших раскопок, которые были до сего времени осуществлены в Языкове.

«Гибридным» керамическим комплексом я называю такой, в котором при малых отличиях в морфологическом составе культурного слоя, где залегают находки, или даже при отсутствии таковых отличий оказываются различные по своему морфологическому облику керамические группы (или комплексы). Иногда бывает так, что в нижней

части культурного слоя залегается большое количество в процентном отношении объектов одного комплекса (А) и меньшее количество объектов другого комплекса (В), а в верхней части слоя—наоборот. Иногда же, как, например, в Панове (9), ни по глубине, ни по отдельным участкам не устанавливается таких отличий. Нужно предполагать, что «гибридность» комплекса керамики в слое какой-нибудь стоянки зависит от следующих причин: а) от продолжительности существования стоянки, обитатели которой со временем изменяют облик своего инвентаря, б) от различия в бытовом назначении сосудов, в) от неравномерности процесса модификации культуры, который, повидимому, дает иногда скачки или как бы «мутации», обусловленные определенными причинами.

При детальном изучении керамических комплексов перечисленных выше памятников оказалось, что, строго говоря, чистые комплексы в их культурах встречаются крайне редко, как, например, в Малом Окулове 1; напротив, даже в таком материале, как Волосово I, представляющем находки с площади четко ограниченного углубления, содержащего культурный слой, мы находим в весьма характерном, основном керамическом комплексе толстостенной гребенчатой керамики некоторую, правда небольшую, примесь более древней ямочно-гребенчатой керамики.

Опуская пока интерпретацию этих фактов, которая будет сделана далее, отметим, что установления одного присутствия различных групп керамики в стоянках, которые определяются по морфологическим признакам, которые связывают одни стоянки с другими и относительная древность которых нам становится известной, дает наряду с рассмотренными выше данными хороший материал для общих систематических и историко-культурных построений. К моменту написания настоящей работы я мог располагать лишь весьма предварительными и суммарными определениями этого характера. Я выделил поэтому лишь минимальное число групп в пределах керамического комплекса каждого культурного слоя и обозначил их временно латинскими литерами А, В, С и т. д.

В перечисленных памятниках различаются, таким образом, следующие группы, которые увязываются некоторым образом с комплексами, принимаемыми за чистые.

Керамика Языкова 2 распадается на группу Языково 2А (=Льялово + nt, где t—обозначает время, n—его коэффициент) и группу Языково 2В (=Волосово 1В).

Керамика Николо-Перевоз П1 распадается на группы Николо-Перевоз П1А (=ямочно-гребенчатая керамика развитого стиля Волосово 1А?) и Николо-Перевоз П1В (=Волосово 1В).

Керамика Холомонихи заключает энеолитоидный дериват Волосова 1В (=Волосово IB+nt—группа, обозначаемая мною

литерой А)+?.. При раскопках О. Н. Бадером была сделана здесь единичная находка целого сосуда типа Малого Окулова II, в условиях, заставляющих предполагать его позднейшее попадение на площадь стоянки.

Керамика Липки имеет группу А), сходную с Озименки I и II, дериват которой представлен в Докукине, и группу В,—древней «текстильной» керамики.

Керамика Волосова I распадается на А—группу ямочно-гребенчатой керамики развитого стиля и В—типичную, подавляющую по количеству объектов группу гребенчатой керамики.

„ Малого Окулова I = Льялово + nt?

„ Малого Бора распадается на А (= Поздняково) и Б (= = Липки В?).

„ Ефанова распадается на группы, одна из которых соответствует (?) (= Липкам В).

„ Балахны III распадается на группы А (своеобразной развитой ямочно-гребенчатой керамики) и В (группу своеобразной гребенчатой керамики более позднего стиля).

„ Большого Козина IV распадается на группы А и Б, подобно Балахне III.

„ Пановская распадается на группы А (неолитоидной), В (текстильной), С (сходной с городищами Одоевским I и Богородским I) и др.

VII. Как видно из перечислений локальных групп памятников, их отдельных слоев и, наконец, отдельных керамических комплексов в культурных слоях, мы имеем дело с довольно обширным материалом, который выказывает взаимно морфологические аналогии, связи и переходы. Это делает возможным построение предварительной системы их соотношений по трем признакам: а) морфологическому (по предварительной характеристике), б) хронологическому (стратиграфическому) и в) территориальному. К опыту построения подобной предварительной системы мы и перейдем. При этом построении является необходимым выделить, прежде всего, культуры типичного энеолита и бронзы, а также культуры железа. Выделяя первые, важно учесть, что среди них Фатьяновский (Чуркино), Малое Окулово II и частично Сейма являются комплексами керамики могильников, а Поздняково и Озименки I и II—комплексами стоянок.

В нашей системе (табл. рис. 12) хронологическое место круга комплексов Фатьяново—Сейма определяется: а) территориальным положением Чуркина, б) отличием в основных признаках керамики и инвентаря Чуркина от Балахны—Козина, не допускающим мысли о том, что Чуркино могло быть могильником культуры типа Козино — Балахна,

в) весьма слабыми намеками, которые можно подметить в архитектуре сосудов, на возможное влияние на неолитический комплекс Балахны—Козина со стороны существующей где-то на соседней территории Фатьяновской культуры или комплекса, близкого к культуре одиночных могил Скандинавии.

Положение в нашей системе бронзовых комплексов Позднякова, Малого Окулова и Озименок (?), из которых все имеют юго-восточные генетические связи, т. е. связи с областями древней степи, определяется: а) наличием гибридного комплекса Малого Бора, находящегося по соседству с Поздняковым и Волосовым, б) наличием влияний комплекса остроребериой керамики Малого Окулова в Сейме и на территории Холомонихи, в) наличием влияний Озименок в Липках.

Наконец хронологическое положение культур железа определяется: а) наличием ряда связей по текстильной керамике (см. 9, а также работу О. Н. Бадера о стоянках с сетчатой керамикой 35, среди комплексов которой, например, Н—Перевоз П, представляет собою едва ли не типичный комплекс ранних селищ и городищ Дьяковой культуры) и б) находкой железной стрелы в Докукине.

Мезолитические источники рассматриваемых нами неолитических культур представляются еще не совсем ясными. Выше мною отмечено распространение на нашей территории культур с микролитоидными пережитками. Мы имеем также существование Горшихи в районе Балахны, и, наконец, я устанавливаю весьма своеобразный характер Балахнинского кремневого инвентаря со следами микролитоидных влияний, которые я усматриваю также и в некоторых комплексах, известных мне по материалам Костромского и Ярославского музеев. Указанные факты позволяют предположить, что микролитоидные влияния, явившиеся на север очевидно со стороны Оки, удержались в неолите района Волги от Ярославля до Балахны, в то время как на Оку распространились мощные влияния культур с макролитическими комплексами, могущие быть в той или иной степени прослеженными во всех связанных с Льяловым, Языковым 2 и Волосовым культурах. Недоказуемой пока (пока—за отсутствием данных по инвентарю) является генетическая связь Языкова 1.

Этими комментариями к построению предлагаемой мною предварительной схемы, отражающей отмеченные выше факты, я считаю возможным пока ограничиться и перейти к пояснениям самой схемы (табл. 1). Нужно отметить, что эти последние могут быть даны лишь в самых общих чертах, а приводимые изображения типов сосудов являются лишь общею иллюстрацией некоторых групп комплексов, которые я упоминаю, но никак не характеризующими в деталях морфологический облик керамики своих памятников.

VIII. Группа наиболее ранней керамики из рассматриваемых местонахождений представлена единичными фрагментами Языкова 1

(рис. 2) Эту группу можно охарактеризовать как группу толстостенной керамики с обильной примесью дресвы в глиняной массе, несущую орнамент в виде длинных параллельных штрихов (D^1), а возможно и другие элементы. Форма сосудов для этой группы пока не установлена, равно как и отношение ее к комплексам других территорий.

Следующий керамический цикл представляется комплексами керамики, широко известной под именем «гребенчатой» керамики, но понимание которой как для всей области ее распространения, так и для рассматриваемой нами территории нуждается в уточнениях. В рассматриваемых нами культурах начальная фация ее последовательных модификаций представлена сосудами полуяйцевидной формы, соответствующими употреблению на мягком грунте—землянок и кострищ, т. е. на песке, глине, торфе и пр. Эти сосуды имеют зачастую мало диференцированную шейку. Они содержат те или иные твердые примеси в глине; они более тонкостенны, чем в Языкове 1, несмотря нередко на значительную величину сосудов. Их орнамент штамповый, сплошной по всему сосуду, в виде линейных горизонтальных параллельных лент из чередующихся элементов в простых комбинациях, преимущественно круглой или кругловатой ямки (А) и короткого «гребенчатого» (В) отпечатка. Принимая во внимание последнее, я предложил (7) назвать этот цикл, характеризуемый, между прочим, Льяловской или Мало-Окуловской I (рис. 3) керамикой, «комплексом круглоямочно-гребенчатой керамики». Хронологическая модификация этого цикла протекает медленно. Ее можно охарактеризовать в общем как усложнение орнаментального узора, выражающееся в двояком направлении: 1) группировки орнаментальных эламентов на поверхности сосуда в геометризованные фигуры, например, треугольники, с соответственным частичным изменением линейных орнаментальных узоров на угловатые, и 2) в смысле освобождения пустых, незаполненных орнаментом, полей на сосудах. Повидимому, несколько изменяются при этом и самые «гребенчатые» элементы (В), становясь более удлиненными и разнообразными. Форма сосудов остается, повидимому, прежней. Характеризующим этот цикл комплексом явится, повидимому, Языково 2А, выказывающий генетические связи с комплексами типа Льялова и Малого Окулова I.

Дальнейшая судьба этого цикла может быть охарактеризована как большая диференциация формы сосудов, уменьшение значения кругло-ямочного элемента с коническим дном ямок, дальнейшее освобождение от орнамента полей на поверхности сосудов и т. д.

---

[1] Буквенные обозначения для категорий элементов орнамента даются по системе шифров, предложенных нашей лабораторией (15).

В развитии этого цикла наблюдаются локальные особенности. Так, в районе Балахны—Козина (рис. 4—7) его модификация протекает более или менее спокойно в указанном направлении, причем в Б. Козине IV В как бы намечаются некоторые фатьяновские влияния. На территории Заволжья модификация приводит к типу одного из комплексов Пановкой стоянки, названному мною неолитоидным. Параллельно с модификацией типа Козина IV на довольно обширной территории протекает развитие, наблюдаемое в комплексах Языкова, Волосова I и других. Здесь появляется комплекс типа Волосово I В (рис. 8), хорошо представленный в виде Языкова 2В, а также в виде своего энеолитоидного деривата Холомониха А и т. п. Это комплекс толстостенных сосудов более цилиндрической формы с округлым или округло-сдавленным (уплощенным) дном и мало диференцированной шейкой. Элементы орнамента—преимущественно разновидности удлиненно-гребенчатых (В) и шнуровых (С) отпечатков; орнаментальные узоры располагаются нередко вертикальными лентами; неорнаментированные поля занимают значительную площадь поверхности. Появление этого керамического цикла, который можно назвать собственно «гребенчатым», в процессе общей модификации нашей неолитической керамики надо рассматривать как явление спорадическое и в значительной мере локальное. Доказательством этого служат: а) его соотношение с развитыми типами круглоямочно-гребенчатого цикла в слоях Волосова I и Языкова 2, где он очевидно отчасти характеризует сосуды особого назначения, и б) характер дальнейшей модификации культур соответствующих территорий, где главным образом на основе дериватов керамики круглоямочно-гребенчатого цикла появляются культуры с кремневым инвентарем и керамическими комплексами, в которых все большую и большую роль приобретает текстильный орнамент (F) на более тонкостенных сосудах.

Цикл комплексов с текстильной керамикой охватывает культуры стоянок либо с каменным инвентарем, например Липки (12), Паново (9), либо с признаками железного, например Докукино, Н. Перевоз II 2 (см. рис. 9), причем он дает дериваты, тяготеющие к керамике городищ. Особенностью его для еще неолитических культур является то, что он нигде не встречен в виде чистого. Напротив, как в материалах наших раскопок, так и в других обозначается его несамостоятельная роль среди ямочно-гребенчатой керамики позднего стиля, так что, по моим наблюдениям, величина процентного отношения количества «текстильных» или «сетчатых» фрагментов, сосуды которых в общем одинаковой величины с прочими, является чуть ли не одним из критериев для определения относительного возраста данной культуры. Сосуды с текстильным (F) орнаментом сохраняют нередко еще весьма архаичную форму днищ, например в Панове, в Липках (12) (см. рис. 10), как и вообще в более поздних комплексах, не-

редко попадаются пережитки тех или иных более древних признаков в керамике.

Однако на сосудах этого цикла, как и цикла Волосово IB—Холомониха А, устанавливается в рассматриваемых нами культурах и переход к плоскому днищу, которое определяет употребление плоской подставки при формовке сосудов и при их бытовом использовании.

Все рассмотренные нами группы керамических комплексов в их последовательном появлении характеризуют собою общий ход модификации керамики лесного охотничье-рыболовственного неолита с его стоянками у берегов рек на рассматриваемой нами территории. Этот ход можно рассматривать как звенья прямого цикла развития туземных культур.

Параллельно развитию некоторых частей этого общего цикла устанавливается внедрение на ту же территорию первоначально чуждых туземным керамических комплексов. Эти комплексы во взаимоотношениях с туземными порождают некоторые гибридные комплексы или оказывают на местные культуры более или менее сильно воспринимаемые последними влияния, что может указывать на локальные внедрения в круг лесного неолита этих чуждых культур. Такие локальные внедрения отнюдь не следует истолковывать как результат переселения новых этнических групп, но скорее как локальные восприятия новых культур, распространяющихся затем в виде расходящихся все более слабых волн по периферии районов их преимущественного существования. Примерами подобных внедрившихся в лесную область культур являются такие чистые комплексы, как Чуркино, Поздняково (рис. 11а), Малое Окулово II (рис 11г—е) и, отчасти, Озименки I—II (рис. 11б, в).

Примерами гибридных комплексов, которые могут быть рассматриваемы как ассимилировавшие влияния (см. схему рис. 12), таких внедрившихся комплексов, представляет керамика культур Сеймы, Панова, Малого Бора, Липок и ряда других памятников.

Некоторое сравнительное представление о морфологическом облике главнейших из упомянутых нами комплексов дает сводка индивидуальных характеристик, взятых для иллюстрации объектов, представленная на прилагаемой таблице.

IX. Исходя из изложенных выше положений и приведенных фактов, развитие древнейших культур, имеющих керамику, на территории распространения раскопанных нами памятников в предшествующие появлению городищ времена, представляется в нижеследующем виде. Прогрессивная модификация культур камня, первоначально стимулированная лишь довольно медленным развитием техники и хозяйства в среде рыболовственно-охотничьего населения в зоне лесов и лесостепи, последовательно прошла стадии, различаемые нами по фациям древней круглоямочно-гребенчатой керамики (типа Льялово, Малое

Окулово I и др.) и ямочно-гребенчатой керамики более высокого стиля (Языково, 2А, Волосов 1А и т. п.). Районные различия керамических комплексов этих фаций обусловлены, повидимому, индивидуальными особенностями техники, вкусами обитателей отдельных стоянок и особенностями местного керамического материала, т. е. глины. Предшествующая этим фациям стадия керамики на нашей территории типа Языково 1 еще только намечена раскопками 1928 года. Дальнейшие модификации культуры развитой ямочно-гребенчатой керамики на нашей территории протекали, очевидно, под влиянием ряда различных более прогрессивных культурно-хозяйственных факторов, которые более или менее разновременно оказывали свое влияние в некоторых районах, расположенных близ речных путей, которые связывали лесную зону со степью или, повидимому, с областями Балтики. Источники таких влияний установлены нами пока в качестве таких керамических комплексов, как Фатьяново, Поздняково, Малое Окулово II, Озименки. Возможно, однако, что подобную же роль могла играть Абашевская культура (36), или другие, еще неизвестные нашей науке. Среди подобных «влияющих» комплексов находились несомненно как такие, которые представляют культуры пришлого населения, так и культуры, обязанные своим обликом ассимиляции в туземной керамике постороннних влияний. Собственная модификация культуры ямочно-гребенчатой керамики, устанавливаемая в районе Муром—Вязники—Кашин в качестве специфической фации гребенчатой керамики, типа Волосово 1В, в других районах следовала иной тенденции утраты в керамике некоторых древних признаков орнаментального стиля, как это мы видим, например, в керамике Б. Козина — Балахны. Вместе с тем в стоянках с развитой ямочно-гребенчатой керамикой появляется древняя текстильная керамика, которая приобретает, очевидно, все больше и больше количественное значение. Эта значимость текстильной керамики характеризует последнюю фацию развития туземного неолита лесов рассматриваемой территории.

Внедрения влияний чуждых туземным культур бронзы создают на слое туземных культур районные пятна своего распространения, характеризуемые наличием памятников с чистыми и гибридными керамическими комплексами, неоднородность которых обусловлена специфическими хозяйственно-бытовыми причинами. Такие неоднократные из разных территориальных зон влияния создавали, как это иллюстрируется схемой рис. 13А, значительную диференциацию в облике бытовавших местных культур. Можно думать, что более консервативные туземные черты должны были сохранять преимущественно культуры тех районов, которые находились на менее доступной инородным влияниям территории заволжских лесов.

Ко временам появления у местного населения первых городищ по Оке, Волге, Вятке, причину которого следует объяснять сильным изме-

Наименование памятн. и объект изучения	1 Общая высота сосуда в см.	2 Общая ширина по краю венчика	3. Наименьш. или общий внутренний диаметр.	4 Диаметр. днища снаружи в см.	5 Толщина стенок сосуда в см: Венчик	Шейка	Стенка собств.	Дно	6 Примеси в глине: Комочки глины	Песок	Дресва	Толчен. ракушин.	7 Характеристика поверхности сосуда: Наружная Стенка	Внутренняя Шейка	Стенка	8 Присутствие орнамен. на частях сосуда: Шейка	Плечико	Стенка	На отгибе венчика	9 Категории элементов орнамен. представленные на сосуде
Языково I фрагменты одного сосуда	?	?	?	?	?	?	0.8—11	?	+ незнач.		+		Не-сколько сглаж.	?	шерох.	?	?	+	?	Нарезной орнамент (D)
М.—Окулово I 1 сосуд	36.0	37.2	36 >	0	0.6	0.7	0.8	1.0	+ незнач.		+ незнач.		оч. сл.	слабо	слабо	+	+	+	+	Отпечатки ямочного (А) штампа на наружной поверхности и гребенчатого (В) на венчике сосуда
Волосово I В 1 сосуд	34.5	37.5	35 >	0	1.2	1.0	1.0	1.2	+			+	слабые		слабо	Вертикальные ленты с промежуточн. полями				Гребенчатые (В) отпечатки и (?) шнуровые (С)
Б. Козино IV А 1 сосуд	22.0	31.5	30,0 >	0	0.8	0.6	0.6	0.6				?	коватая			+	+	+	+	Гребенчатые (В) отпечатки
Б. Козино IV В 1-й сосуд	4.5	9.0	6.2 >	0	0.9	0.6	0.6	0.7					ки паль-сколько жена	шероховатая		+				Гребенчатые (В) отпечатки
2-й сосуд	10.3	11.5	> 9.6 >	0		0.6	0.7	0.8				?		шероховатая						
Балахна III 1 сосуд	7.5	16.0	14.8 <	0	0.7	0.6	0.6	0.8	+			?	слабые	слаб.	слаб.					
Поздняково 1 сосуд	24.2	24.0	22.8 <	12.5	0.6	0.9	0.8	1.0	+ незнач.	+			слаб.	шероховатая		+	+			Ямчатые (А) и гребенчатые (В) отпечатки
М. Окулово II 1-й сосуд	12.7	14.3	> 13.0 <	8.5	0.5	0.5	0.7	0.5	+ незнач.				сглаж.						+	Шнуровой элемент (С)
2-й сосуд	12.0	17.0	15.8 <	6.0	0.6	0.8		1.1	+ незнач.							+			+	Ямочный (А) штамп, шнур (С) и насечка (D)
3-й сосуд	10.5	14.5	> 12.2 <	9.5	0.6	0.5		1.0	+ незнач.							+				Штриховые (D) элементы
Озименки 1-й сосуд	22.0	21.0	19.6 <	11.5	0.6	0.9	0.8	1.2	+ оч. нез.				///	шерох.		+				Гребенчатые (В) отпечатки. Бугорчатые (Е) элем., получен. от надавлив. палочкой изнутри сосуда
2-й сосуд	20.0	21.5	20.2 <	12.0	0.6	0.9	1.0	1.3	+ незнач.					слаб.		+				
Сейма (Суммарно по фрагментам 15-ти сосудов)	?	?	14—24	?	Шейка у венчика 0.6—1.5		0.7—0.8 и менее	?	Имеются примеси комочков глины, охристых включений раковин и др.				ная поверхность реже коватая, чаще—слегка енная. Внутренняя чаще, коватая. Имеются фраг-в том числе от остро-ого сосуда, с грубыми штрихами (≡)			Встречаются сосуды без орнамента, или с орнаментом на отгибе венчика, также на шейке (чаще всего), иногда также на плечиках, редко на стенках.				Чаще В (гребенчатые отпечатки) и D (насечка) реже А (ямчатые)
Докуино 1 сосуд (днище)	?	?	?	13.0	?	?	0.7	1.2		+			шерох.	?	шерохо-ватая с паль-цевыми вдавл.	?	?	F также и на днище	?	Текстильные (F) отпечатки
Н.-Перевоз II 2 1 сосуд	27.	25.5	23.8 <	9.5	0.7	0.7		1.0			+ незнач.		льные атки (F)	слаб.	слаб.	+ (+ F)	+ (+ F)	F		Текстильные (F) и ямчатые (А) отпечатки прямоугольного штампа.

ПОЯСНЕНИЯ: В рубрике 3 знак > после цифры означает уменьшение диа... сосуда ниже отверстия, знак < его увеличение. Знак > перед цифрою — увели-чение диаметра шейки сосуда выше наименьшего диаметра отвер... тканью и т. п.), ≡ — горизонтальные /// — косые штрихи. Знаки ||| или ≡ — В рубрике 7 знак ||| — вертикальные штрихи (результат сглажи... крупные, глубокие штрихи от сглаживания.

В рубрике 9 литеры в скобках, обозначающие категории элементов о... даются по системе шифров палеоэтнологической лаборатории Антрополог. инст-та.

нением хозяйственно-культурных отношений на территории Восточной Европы, туземная культурная среда была уже столь диференцированной по своему облику, что рассматриваемая нами территория оказалась разделенной по крайней мере на три четко различаемых ареала распространения городищ: 1) «костеносных»—на основе культур с неолитоидной керамикой типа Панова, 2) «Дьяковых» — на основе культур с древней текстильной керамикой и 3) городищ с керамикой типа «рогожной», как возможных дериватов культур типа Озименок. Можно думать, как это показано на схеме рис. 13, что параллельно с появлением городищ и металлургии железа в некоторых глухих районах рассматриваемой территории еще сохранились неолитические культуры, которые впоследствии ассимилировали влияния дальнейших дериватов культур городищ того или иного ареала.

Культуры «костеносных» городищ районов Ветлуги стратиграфически и хронологически расшифрованы нами на довольно обширном материале раскопок 1925 — 1926 гг. В них четко различаются по крайней мере 3 фации, из которых древнейшая имеет керамику, ана логичную комплексу Паново С, а позднейшая дает дериваты типа поздних, некостеносных городищ, доходящих по своей дате до времени около XIII века нашей эры. Имея эту расшифровку, мы переходим от районов Ветлуги к районам Вятки и Камы, где первые работы были осуществлены нами в 1928 г.

По культурам городищ Дьякова типа мы также располагаем в настоящее время значительным материалом, позволяющим наметить некоторые хронологические фации в комплексах Пирова, Кондракова, Синькова, Саконы и др., связанных по керамике с одной стороны со стоянками своих районов, а с другой стороны—с древнейшей фацией костеносных городищ и, наконец, с керамикой некоторых финских могильников соответствующей территории.

Наконец, по городищам круга культур с «рогожной» керамикой мы располагаем также некоторым материалом с наших раскопок в районах рек Мокши, Суры, отчасти Волги. Лабораторная обработка этих материалов еще не начата, и я предположительно наметил генетическую связь этих культур с Озименками, где мы имеем керамику круга «срубной культуры» Городцова (37, 38) и «Хвалынской культуры» Рыкова (39, 40), основываясь на наблюдениях В. В. Гольмстен (41) о том, что рогожная керамика в Самарском крае настилает на городищах слои, содержащие дериваты Хвалынской керамики.

X. Ввиду предварительности намечаемой системы модификаций неолитических культур, невозможно еще устанавливать для приводимых относительно-хронологических построений твердую абсолютную хронологическую сетку. Однако некоторые из таких вех, которые можно было бы наметить для отдельных частей схемы (рис. 12), создают весьма допустимую и правдоподобную картину. Так, дата 1000 года

до нашей эры должна быть помещена между Сеймой и Пановым, дата в 2000 лет может лечь близ Волосово 1А, дата в 2500 лет—близ Льялова. Конечно, такие определения должны быть еще многократно просмотрены в связи с многосторонним стратиграфическим анализом условий залегания объектов соответствующих культур. Равным образом в пределах предлагаемых построений, возможно, будут сделаны перестройки после детального морфологического анализа объектов, относящихся к соответствующим памятникам. Я полагаю, однако, что эти, хотя и предварительные построения, смогут отрешить мысли исследователей от понимания последователей смен культурных формаций нашей территории по упрощенной трафаретной схеме неолит—бронзовый век—железный век, считаясь с теорией прогрессивных территориальных модификаций неолита северо-восточной Европы, которую я рассматриваю пока как рабочую теорию, которая справедлива для территории, подвергшейся нашему изучению, но которая должна быть проверена применительно к культурам других территориальных областей.

XI. В заключение настоящей работы является целесообразным остановиться на некоторых закономерностях процесса модификации культурно-хозяйственных образований, которые выясняются из приведенных выше положений. Оттеняя эти закономерности, их отнюдь не следует рассматривать иначе как некоторые иллюстрации основных задач палеоэтнологического анализа, каковыми нужно считать именно выяснение закономерностей или «механики» формирования этнических образований. Вместе с тем, ввиду некоторой новизны постановки таких проблем, невозможно пока ни придавать устанавливаемым закономерностям обобщающего или распространительного толкования, ни останавливаться на интерпретации тех или иных хозяйственных факторов, которые их обусловливают. Ввиду того, что выявление этих некоторых фактов базируется на формальном методе анализа материала, можно более или менее условно применить для характеристики самих фактов достаточно понятные научные термины, отнюдь не настаивая на данной терминологии и не подразумевая в понимании причин, их обусловливающих, никаких иных, кроме хозяйственно-бытовых, факторов.

В охарактеризованных выше процессах модификации культур камня можно отметить следующие моменты:

1. Расщепление неолитического комплекса более древней ямочно-гребенчатой керамики на дальнейшие циклы развития—а) по линии культур Балахна—Козино—Паново, быть может под воздействием фатьяновских влияний и б) по линии Волосово — Холомониха, еще неясной в смысле своих дальнейших (Галич?) генеалогических связей.

2. Обособление в известную хронологическую эпоху не менее 3-х городищенских культур (костеносной, Дьяковой рогожно-керамиче-

ской) на территории с некогда менее локально-диференцированным неолитическим подслоем.

3. «Гибридизация» керамических комплексов при взаимоотношениях неоднородных компонентов, как это прослеживается в керамике Липкинского, Малоборского, Пановского, Сейминского и других памятников. Подобную же «гибридизацию» можно видеть, например, в известных комплексах Костромских курганов, исследовавшихся Ф. Д. Нефедовым, в некоторых Владимирских курганах со славяно-финским инвентарем, и пр.

4. Признаки «мутации» в морфологическом облике керамики Языкова 2—Волосова I в виде появления керамики группы В, повидимому, связанной с некоторым переломом хозяйственно-бытовых условий. В качестве подобной же, формально устанавливаемой, «мутации» может быть рассматриваемо обрастание стоянок или селищ валом и рвом, т. е. превращение их в городища, вызванное определенными хозяйственными причинами.

5. Ассимиляция влияний, как, например, влияний Фатьянова на керамику соседствующих или более поздних неолитических комплексов (Балахна, Паново).

Таким образом в ходе хронологических изменений в культурах, в общем течении эволюционного процесса замечаются иногда частичные резкие сдвиги в виде мутационных скачков, иногда более спокойные ассимиляционные переходы и т. п.

Наконец весьма важное значение для изучения процесса формирования не только этнических, но также расовых групп в центральных областях РСФСР имеют указания на территориальные источники основных культурных влияний, на ареалы распространения этих влияний, на эпоху и длительность этих влияний. Можно отметить, что население западной половины изучавшейся нами территории имело в неолите длительные связи с Балтикой (через макролитоидные комплексы, через Фатьяновскую культуру), население северо-восточной части—с областью Вятки—Камы (в эпоху ранних городищ), а юго-восточной—с областями юга и юго-востока Европы, в особенности во вторую половину эпохи своего неолита.

Указанные закономерности и факты лишний раз предостерегают от поспешных объяснений миграционными движениями всяких резких изменений в облике этнических, а может быть, и расовых групп. Имея перед собою значительные хронологические отрезки, палеоэтнология может дать весьма конкретные материалы для суждения о механизме формирования таких групп. Заострить на этом внимание исследователей в наши дни переоценки методологических основ наук о человеке и являлось задачею заключительной части настоящей работы.

ЛИТЕРАТУРА: 1) Спицын А. А. «Бологовская стоянка каменного века». Зап. Отд. Рус. и Слав. Арх. И. Р. Арх. О-ва, т. У, в. I. 2) Каменский В. А. и Спицын А. А. «Раскопки близ Балахны». Зап. Отд. Рус. и Слав. Арх. И. Р. Арх. О-ва., V т, в. I. 3) Спицын А. А. и Каменский В. А. «Стоянка каменного века близ Балахны». Зап. Отд. Рус. и Слав. Арх. И. Р. Арх. О-ва, VII т, в. I. 4) Жуков Б. С. «Очерк трехлетних работ Антропологической Комплексной Экспедиции». Известия Ассоциации Научн. Исследов. Институтов при Физ.-Мат. Факультете I Моск. Гос. Университета, в. I—II. 1928 г. 5) Бадер О. Н. «О палеоэтнологических обследованиях». Материалы к доистории Центр. Пром. Области. Москва. 1927 г. 6) Жуков Б. С. «Из методологии изучения культур стоянок и городищ». Материалы к доистории Центр.-Пром. Области. Москва. 1927 г. 7) Жуков Б. С. «Неолитическая стоянка близ Льялова». — Труды Антрополог. Инст. I Моск. Гос. Университета, в. I, прилож. к «Русск. Антроп. Журн.», XVI т., в. 1—2. 1925 г. 8) Жуков Б. С. «К вопросу о стратиграфии и культуре неолитической стоянки близ с. Льялова». Русск. Антр. Журнал, т. XVI, в. 1—2. 9) Жуков Б. С. Культура стоянки пережиточного каменного века. «Паново Городище». Труды Антроп. Компл. Экспедиции. I т. Н.-Новгород (в печати). 10) Жуков Б. С., Бадер О. Н. и Воеводский М. В. «Городища Поветлужья». Труды Антроп. Компл. Экспедиции, I т. Н.-Новгород (в печати). 11) Voyevodsky M. Les moyens methodiques pour l'etude de la ceramique. ESA. IV, 1929, Helsingfors. 12) Zbroueva A. Y. Der Wohnplatz von Lipky. ESA IV, 1929, Helsingfors. 13) Гордцов В. А. Археологическая классификация. Госиздат. 14) Брюсов А. Я. «Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа». Труды Секции Теории и Метод. РАНИОН'а, 1928 г. 15) Палеоэтнологическая Лаборатория Антропологического Института I Моск. Гос. Университета. Альбом элементов орнамента доисторической керамики территории СССР. Серия I. Труды Антроп. Компл. Экспед. I т. Н.-Новгород (в печати). 16) Жуков Б. С. «Раскопки неолитической торфяной стоянки близ д. Языкова». Тверь. 1929 г. 17) Селезнев Ф. Я. «Приокские древнейшие поселения». Владимир. 1928 г. 18) Жуков Б. С. «Неолитическая стоянка близ г. Балахны». Русск. Антроп. Журнал, XII т., в. 1—2. 1922 г. 19) Жуков Б. С. «Доисторические культуры Нижегородского Края». Нижегород. Краеведч. Сборник, I т. 1925 г. 20) Sawicki Ludwik «Materialy do znajomosci prehistoryi Rossyi». Poznan 1928. 21) Городцов В. А. «Культура бронзовой эпохи в Средней России». Отч. Гос. Историч. Музея за 1914 г. Москва. 1916 г. 22) Tallgren A. M. «La Pontide préscythique aprés l'introduction des métaux». Eurasia sept. Ant. II. 23) Tallgren A. M. «Fatianovo» Finska Fornminn. Tids kr. XXII, 1922. 24) Ailio J. Die geographische Entwiklung des Ladogasees in postglasialer Zeit und ihre Beziehung zur steihzeitlicher. Besiedlung. Fennia. 1915. 3. 25) Павлов А. П. «Ладожские и Окские стоянки доисторического человека и их значение в истории европейского неолита». «Рус. Антроп. журн.», т. XVI, кн. 1—2. 26) Земляков Б. Геологический очерк окрестностей г. Сестрорецка. 27) Земляков Б. «Доисторический человек Северо-Западной области в связи с ее геологией в послеледниковое время». Известия Академии наук СССР. Ленинград 1928 г. 28) Земляков Б. «О следах каменного века в районе Северного Побережья Невской губы». Экскурсионное Дело, № 2 Ленинград. 1922 год. 29) Europaeus A. Stenalderskeramik fran Kustdoplatzer. Findland. Finska Fornmin. Tidskrift XXXVI, I. 1926. 30) Доктуровский В. С. «Определение возраста Льяловской стоянки по пыльце в торфе». Труды Антроп. Н.-И. Института I МГУ, вып. 1, прилож. к Русск. Антроп. Журн., т. XIV, в. 1—2. 1925 г. 31) Мещеряков Д. П. «Торфяник у с. Льялова, как место неолитической стоянки». Там же. 32) Уваров А. С. Археология России. Т. I. 33) Спицын А. А. «Медный век в верхнем Поволжье». Зап. Русск. и

Слав. Отд. И. Р. Арх. О-ва, V т., в. I. 34) Спицын А. А. «Новые сведения о медном веке в верхнем Поволжье». Зап. Русск. и Слав. Отд. И. Р. Арх. О-ва, VII т., в. I. 35) Bahder Otto. Einige Resultate der Erforschung der Wohnplätze des Altertums im Teusslecken der Oka». ESA IV, 1929. 36) Smoline V. «La necropole d'Abachevo». ESA. I 1927. 37) Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде. Тр. XII Арх. Съезда, I т. 1902 г. 38) Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде 1903 г. Тр. XIII Арх. съезда, I т. 1905 г. 39) Rykov P. Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga. ESA, I, 1927. 40) Рыков П. С. «К вопросу о культуре бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье». Извест. Краеведч. Института. II т. Саратов. 1927 г. 41) Гольмстен В. В. «Материалы по археологии Самарской губернии III». Материалы по изучению Самарского края, вып. V. Самара. 1928 г.

ОЧЕРК КОСМОГОНИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ГИЛЯК О-ВА САХАЛИНА [1]

Е. А. Крейнович

Нижеприводимые материалы собраны мною среди Сахалинских гиляк Восточного побережья, долины реки Тыми, Западного побережья в районе от залива Вияхты до реки Най-най и на о-ве Лангр в 1927—1928 годах.

Южнее селения Танги, недалеко от берега, из самого моря торчит камень, называемый гиляками kad'вах. Гиляк, показывавший мне этот камень, говорил, что раньше этих камней было двое, и только год назад один камень «ушел в море». Ушел потому, что его наверное рассердила какая-нибудь менструирующая гилячка, помочившаяся на берегу моря, как раз напротив него или просто сделавшая какое-нибудь иное непристойное и оскорбившее его действие,— так он объяснил мне причину «ухода» камня в море. Камень и тот может сердиться и думать. Все способно согласно анимистическому мировоззрению гиляк жить такой же разумной и волеактивной жизнью, какой они живут сами.

Старик Чурка из с. Арково рассказывал мне, что приливы и отливы не что иное, как равномерное дыхание вселенной, вдыхающей и выдыхающей сквозь «пуп моря» воду. Вселенная дышит подобно всякому живому существу. Чурка говорил мне, что где-то в море есть tol кыltыч «пуп моря» [1]. Гибель грозит всякому, кто во время прилива или отлива подъедет к этому месту. Тот же Чурка рассказывал мне, что когда-то в этом месте погибли три лодки с гиляками, проезжавшими мимо «пупа моря». Они были втянуты внутрь вместе с убывающей водой. Проехать через это место можно только во время полного отлива или прилива. От некоторых гиляк я также слышал, что приливы и отливы происходят будто бы оттого, что Сахалин — зверь, то встает, то ложится. Поэтому вода то отстает от берегов земли, то пристает к ним.

---

[1] От редакции: За отсутствием в типографии знаков для точной передачи некоторых гиляцких звуков они заменены другими: в частности носовой звук n (ng) передан через «н» русское.

Гиляки весь видимый ими мир, горы, леса, реки, море, землю, небо, светила называют kurн—вселенной. В легенде о первых людях рода ке vónын, живущего в Чайво, имеется представление о вселенной, находящейся где-то за пределами нашей. Лебеди, улетающие осенью с Сахалина, направляются в другую вселенную, где живут до тех пор, пока в нашей вселенной не пройдет зима и не настанет лето. Тогда они покидают ее и снова возвращаются в нашу вселенную.

Разрешу себе привести основные моменты этой интересной легенды. Откуда прибыл в Чайво род ке vónын, неизвестно. Известно только то, что представители этого рода в числе 7 человек, одной старухи и 6 ее сыновей, были первыми жителями селения Чайво. Один из ее молодых сыновей имел в Чайвинском заливе у мыса Hansu-тыч приспособление, сделанное из бревна для лова нерпы. Некоторое время охота была удачной. Но вскоре удача оставила гиляка, т. к. охоте стал мешать северо-восточный ветер lams. В тот момент, когда гиляк с острогой в руках подкрадывался к нерпе, всегда с большой силой начинал дуть ветер. От поднявшегося ли волнения воды, от того ли, что ветер доносил до нерпы запах человека, нерпа быстро сползала с бревна и исчезала в воде. Каждый раз без всякой добычи гиляк возвращался домой. Рассердился гиляк и сообщил своим родственникам, что пойдет к «отверстию» (la-xutы) Северо-восточного ветра. Взяв с собою только 6 пар сапог, он ушел. Каким образом дошел гиляк до этого «отверстия» — птицей полетел ли он, рыбой поплыл ли он, — осталось неизвестным. Известно только, что дошел он до того места, где сходятся края земли и неба. Там он увидел, что небо равномерно качается над землей, и край его то поднимается, то смыкается с нею. В те моменты, когда край неба поднимался над землей, сквозь образовывавшееся отверстие с большой силой врывался ветер. В это же время лебеди вереницами вылетали за пределы нашей вселенной. Опускающееся небо придавливало не успевавших пролететь лебедей, и их подбирала старуха, сидевшая у самых краев соединяющихся земли и неба [1]. Убитые лебеди служили пищей для старухи.

[1] Поразительно совпадение этого места с следующим в чукотской легенде: «За этим морем есть материк, но за материком опять море, а за тем морем — птичьи ворота. Там край твердого неба падает вниз и ударившись об землю, отскакивает обратно, никогда не перестает падать и отскакивать. За теми воротами находится птичья земля. Туда птицы улетают на зиму, но небо падает так быстро, что не успевают пролететь, и задних прихлопывает как в ловушке». См. В. Г. Богораз. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора. Стр. XXXI. 237 (пришли с дьявольской земли две сшибающиеся скалы, всех убили). В личном разговоре со мной В. Г. Богораз указал на сходство греческого мифа о прохождении корабля Арго сквозь сшибающиеся скалы Симплегады, где есть мотив птицы, стиснутой этими скалами, с чукотской и гиляцкой легендами. Чукотский миф о сшибающихся скалах имеет и другие интересные параллели среди индоевропейских мифов. Индоевропейские мифы о сшибающихся скалах собраны Афанасьевым (см. Афанасьев. Поэтич. воззр. славян на природу, т. I, стр. 351—352—353.

У того места, откуда дул ветер, лежало множество камней. Взяв тяжелый камень, гиляк бросил его в «отверстие» ветра, желая, повидимому, наказать его за то, что он мешал ему охотиться, но камень вылетел обратно, выброшенный силой ветра. Когда гиляк возвратился обратно в свою деревню, он был седым стариком, а ушел он из нее, отправляясь в свой дальний путь совсем молодым.

Гиляки различают шесть ветров. Каждый ветер имеет свое название и свое отверстие, из которого он дует. Гиляки восточного побережья называют: Сев.-зап. ветер—has'kirɣn, Западный—hexurla Юго-зап.—konguš, Сев.-вост.—lams, Восточный—šat'la, Юго-Вост. ветер—tlani.

Ветер, по словам гиляк, «делает» какая-то женщина. Где эта женщина живет, они не знают, но говорят, что если эта женщина сидит дома и шьет, то стоит тихая и ясная погода, если же она выходит из дому и начинает бегать, то от ее бега и развивающейся одежды поднимается ветер, хмурится небо. Когда же она начинает мочиться—идет дождь. В одной из записанных мною на о-ве Лангр легенд Сев.-зап. ветер называется ari-umgu, а Юго-зап. конɣor-umgu. Umgu—в переводе значит женщина.

Еще во время Л. Шренка гиляки убивали ветер, если последний мешал им разъезжать или работать. От одного старика я записал рассказ, как встарину убивали ветер гиляки: приготовив особую стрелу, в расщепленный конец которой вставлялся кусок трута, гиляк брал с собой лук и выходил из дому убивать ветер. Для того чтобы убить ветер, необходимо стрелять как раз ему навстречу. Кроме того необходимо выстрелить в самую середину вихря. Иначе ветра не убить. Перед тем, как выйти из дому гиляк поджигал зажатый в конце стрелы трут [1]. С приготовленным для стрельбы луком гиляк ходил в поисках вихря, а сзади его бегал другой гиляк, хватал его то за одежду, то за плечи и говорил: «не стреляй, не убивай». Гиляк, который ходил с луком, должен был молчать и все время выискивать вихрь, в середину которого он должен был выстрелить, чтоб убить ветер. Выстрелив, гиляк должен был непременно сказать ixɨnd—убил и сразу же, повернувшись, уйти домой, дабы не глядеть в то место, куда попала стрела. Говорят, что в том месте, куда попадала стрела, была видна кровь. Стрелу, которой убили ветер, трогать нельзя.

В вышеприведенной легенде мы видели, что земля неподвижна, а края неба колыхаются над ней. Гиляки считают землю неподвижной. Светила, луна и солнце двигаются, по представлению гиляк, вокруг земли. Существует представление о том, что на солнце живет сука [2]. Иногда сука начинает есть солнце, тогда наступает «смерть солнца»—

[1] См. книгу Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, III т., стр. 39—40.

[2] Сравни Л. Штернберг. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. Стр. 53, прим. 15. Стр. 146, прим. 14.

затмение. Заметив затмение, гиляки выбегают из домов на улицу, выносят с собой железные вещи, топоры, пилы, котлы и т. д. Ударяя железо о железо, каждый гиляк выкрикивает имя рыжей, белой или черной суки в зависимости от того, какой оттенок принимает солнце во время затмения. Если солнце принимает темный оттенок, то это значит, что его ест черная сука, и т. д. Называя суку по имени, гиляки призывают ее как бы к себе и отвлекают ее от солнца. Таким образом спасают солнце от опасности быть съеденным сукой. После этого солнце снова оживает и начинает светить попрежнему. О луне гиляки говорят, что на ней живет женщина. Изображение, видимое на луне, представляет эту женщину идущей по воду, с коромыслом через плечо и ведрами. Вместе с этой женщиной на луне живет собака. Лунные затмения наступают оттого, что луну начинает есть обитающая на ней собака. Гиляки спасают луну теми же мерами, какими спасают солнце.

Названия звезд, которые мне удалось записать, суть следующие: Меч Ориона—t'ex-vакчыnd в переводе значит «трое вместе». Большая Медведица—nінаγr n'o—«Крысиный амбар». Марс—кек unigыr «Лисица звезда». Полярная звезда tlы naur unigыr—«Небесный живот, звезда»[1] М. Медведица tam lan unigыr—«Много звезд». Юпитер Pilan unigыr—«Большая звезда». Венера—kuwr.

Млечный путь taïrnand zif—«След или дорога морского божества» taïrnand[2].

Перевод названия, даваемого гиляками падающей звезде unigыr čmand, означает: «звезда в гости пошла». И действительно, «по представлению гиляк звезды ходят друг к другу в гости точно так же, как это делают сами гиляки. Небо представляет особую землю tlы mif, на которой живут небесные люди. «Небесную землю» можно рассматривать как верхний мир. Средним миром является наша земля tu mif, а нижним миром mlыx-vo селение мертвых, находящееся под землей. Эти миры, по представлению гиляк, населены множеством людей—духов, которые живут одинаковой с ними жизнью. Об этих людях-духах имеется множество легенд, из них наиболее отчетливы и многочисленны представления и легенды гиляк о среднем мире, к изложению которых мы и переходим.

Когда-то средний мир не был таким, каким он нам представляется сейчас. Гиляк Плетунка из селения Хои рассказывал мне, что давно-давно Сахалина не было, а было одно только море. Раз поднялась очень сильная буря. По морю проносились огромные валы, которые вдруг застыли, образовав таким образом остров Сахалин. Огромные хребты гор Сахалина и есть застывшие морские валы.

---

[1] Л. Штернберг. Материалы. Стр. 33, прим. 22.

[2] Смотри иначе. Л. Шренк, т. III, 47.

Другая легенда, записанная мною по Тыми от гиляк Очи и Гайтвина, сообщает следующее:

«Давно было наводнение. Воды было так много, что земля потонула. Откуда-то по воде плыл кусок земли или тундры. На этом куске земли сидели двое: брат и сестра. Потом кусок земли застрял на мелком месте, и вокруг него образовалась земля. Брат и сестра выросли и стали жить, как муж и жена. У них родилась девочка. Когда девочка стала взрослой женщиной, умерла ее мать. Отец стал жить с своей дочерью, как с женой. У них родился сын, а после сына дочь. Когда сын вырос, он ушел в другое место. Там он построил себе дом, взял у родителей свою сестру, и стал с ней жить, как с женой. Так возникли первые роды axmal—тестя и ымgi—зятя. Больше с того времени люди на своих сестрах и дочерях не женились, а брали себе жен из других родов».

Гиляк Мурмур из селения Чайво рассказал мне следующую легенду:

«Вот встарину земля была. Люди были: русские ли, китайцы ли на той земле были (неизвестно). Потом, после долгого существования, земля поломалась, вся в море вошла, упала, место земли вода заняла. Всюду море только было. Никаких людей не стало. Потом двое hamgur (синицы) (в своих клювах) разные предметы, плававшие на поверхности моря, землю ли, тундру ли, носить стали, в середину морской воды погружали. Так носили, носили, тяжело стало, устали, едва не упали (в море). Потом оттуда (из моря) земля родилась. Земля родилась, вскоре большой земля выросла. Тогда утка ли, соболь ли, медведь ли, — все с неба упали, живым все упало. Потом хозяин есть (какой хозяин не знаю, однако земли хозяин. Реплика гиляка Мурмура). У медведя когтей нет, зубов нет. Хозяин медведю когти сделал, зубы сделал. Человек еще в это время не родился. Медведь говорит: «Хорошо, я никого не боюсь». Он к ели подошел, стал бороться, ель всю поломал. «Ты чего сердишься? Погоди, человек родится, две ноги, две руки иметь будет». Медведь говорит: «Я не испугаюсь». «Маленький зверь одновременно (с человеком) родится, оружие у человека будет». Медведь говорит: «Я не понимаю, что такое оружие». Хозяин говорит: «Ну, я скоро человека заставлю родиться». Тогда вскоре человека заставил родиться. Тогда жили мальчик один и девочка одна. В доме жили. Вот на двор вышли играть. Поразному играли, потом во время игры девочка на спину легла, мальчик над ней на коленках стоял. Тогда топор (которым выдалбливают лодки—maĉing) с неба упал, мальчика рукояткой в поясницу ударил, тогда совокупились. От этого человек рождаться стал. Скоро человек на медведя охотиться пойдет. Вот первая собака с неба упала, около человека упала. Хозяин медведю говорит: «Теперь человек появился, пойди повоюй с ним. Весной человек в лес (охотиться) пойдет, ты к

нему с гор спустится, он с собакой, с оружием пойдет». Весною медведь первым с гор спустился. Человек с собакой пришел. Собака медведя первым увидела. Человек собаку отпустил, вот собака побежала, стала кусать медведя. Человек с копьем подошел. Медведь на бросился на него. Человек поднял копье, кольнул медведя, назад дернул копье и еще раз кольнул, в это время собака медведя за зад тащила, кусала. Тогда медведь убежал. К хозяину пришел: «Дай, руки мне сделай». Тогда хозяин сказал: «Я окончил (работать)». Тогда хозяин всех уток и птиц позвал. Все пришли, черного рябчика (hazimul) только нет. (Поэтому он «неученным» остался и не убегает при виде человека и сам охотно сует голову в подставленную ему петлю.) С «брюшком красным птичка» и ворона близко около хозяина сели, слушают. Все птицы там находились, слушали: «Вот человек родился, он стрелы имеет, лук имеет, если вы очень жирными будете, всех вас убивать будет. Близко его к себе не подпускайте». Всяких зверей так учил. Поэтому все звери боятся человека и убегают при виде его» [1]).

Живое подтверждение того, что земля была некогда под водой, гиляки видят в двустворчатых раковинах (hatx), иногда находимых ими или на берегах рек или в тайге. Подробнее выяснить вопрос об этих раковинах мне не удалось. «А кто их туда таскал?» вспоминается мне недоуменный вопрос Мурмура и его же ответ: «Однако под морем все раньше было».

Не менее интересна нижеприводимая легенда, записанная мною в селении Чайво от сказочника Тугута.

«Сперва одно солнце, одна луна были, людей много было, рыбы много было, морского зверя много было, больших китов в море много было. Деревьев на горах и на земле много было. Потом погода испортилась. Год один все плохая погода была, снег падал, смоляной дождь обильно лил на землю. Потом небо прояснилось, тогда три солнца и три луны родились. Три солнца все сожгли. Было так жарко, что рыба, выскакивавшая из воды, сразу же испекалась от солнца. Эта земля вся сгорела, поломалась. Вода только была. Море кипело, рыба вся, морские звери все умерли. Людей нет, рыбы нет, деревья все сгорели, три солнца все сожгли. Потом из моря земля родилась. Потом под кровом кочки две маленькие синицы жили». Эти синицы были братьями. Синица, младший брат, сел на летающего оленя, полетел к небу и при помощи лука и стрел убивает лишние светила. После убиения лишних светил начала появляться жизнь» [2]).

---

[1]) К сожалению, эту легенду мне удалось записать от одного только Мурмура, и иных вариантов ее, как и вариантов некоторых других приводимых в настоящей статье легенд, мне не удалось найти.

[2]) Ввиду того, что дальнейшая часть легенды совпадает с легендой, опубликованной Л. Е. Штернбергом (Л. Я. Штернберг. Материалы. Две синицы, стра-

Гиляцкий миф о множественности солнц имеет несколько интересных параллелей, которые мы приводим ниже. Начнем с параллелей, находимых в Амурском крае.

От Уде Кимонко Кондоби, студента северного факультета и-та Вост. языков имени Енукидзе, удалось узнать, что и у Уде существует легенда о множественности солнц. Текст рассказанной им легенды таков: «Давно небо близко было, старики рассказывают; давно два солнца было, месяца не было, старики так говорят. Одно (солнце) стрелой застрелили (мужчина застрелил), солнца пара умерла. Тогда месяц появился, небо вверх поднялось, тогда одно солнце стало, тогда хорошо стало. Два солнца когда было, младенцы родятся—умирают от жары и их в воде взращивали. Когда два солнца было, одно было женщиной, другое мужчиной, а потом мужчину убили, и он возродился месяцем».

От орочей, студентов того же факультета, Намунка, Савелия с реки Тумни и Еменко, Андрея с реки Уй — Сов. гавань, удалось записать следующую легенду:

«Два солнца было давно. Рыба, играя (прыгая), вся сгорая, помирала. Младенцы, рождаясь, не могли жить, дышать не могли (от жары), помирали. Это старый человек стрелкой застрелил солнце. Тогда солнце вверх ушло. Два солнца когда было, дерево тоже хорошо родиться (расти) не могло, (листья) свертывались (потому что солнце было низко и деревья сохли), камень тоже весь таял, дырявый делался, два солнца когда было» [1]).

У тех же орочей мы находим и иной вариант легенды о множественности солнца. «Когда-то давным-давно было три солнца: время это было очень жаркое, жить на земле тогда нельзя было, был тогда

ниц 150), за некоторыми только исключениями, я не привожу ее здесь целиком, а укажу только на имеющиеся в этих двух вариантах отличия. Так, в легенде, записанной Л. Я. Штернбергом, фигурируют два солнца и две луны: имеются понятия города и коня, в то время как в записанной мной легенде фигурируют три солнца и три луны, а вместо понятий города и коня есть понятия деревни и оленя. Причем олень этот совсем особенный. Он имеет крылья и шерсть, растущую в обратном от всех оленей направлении. На этом олене синица—младший брат полетел убивать лишние светила. «Если бы синица, младший брат не убил при помощи лука и стрел лишние светила, то ничего кроме моря и земли не было бы» — говорил мне гиляк Чурка. В записанной мною легенде фигурирует морское божество, устраивающее на земле реки (смотри ниже). Кроме этого она имеет отличное от легенды, записанной Л. Я. Штернбергом, и начало, приведенное выше и конец. Оканчивается записанная мною легенда таким сообщением. Синица—младший брат и золотая птичка суть хорошие люди. Они вступили в брак и произвели людей этого неба. Синица—старший брат—плохой человек, серебряная птичка — плохая женщина. Они тоже вступили в брак и произвели людей этой земли.

[1]) Запись и перевод преданий с языка уде и орочей любезно сделала В. И. Цинциус.

человек (один или много?) и были животные, но жить на земле было невозможно, почему человек жил на воде и умел ходить по воздуху. Течения в реках были двойные, т. е. у одного берега вода текла в одну сторону, а у другого—в другую, ветер сразу дул со всех сторон, деревья были, как камни, а камни горели, как деревья. Скучно стало человеку жить таким образом, вот он взял лук и стрелы и пошел стрелять в солнце. Долго ли, скоро ли, но все-таки ему удалось убить два солнца и спустить их с неба в воду. Тогда стало прохладно и можно было переехать на землю. Земля остыла и покрылась тайгой, остались от того горячего времени только в горах ноздреватые камни, которые при трех солнцах в некоторых местах кипели»[1]. Подобного же рода легенда о трех солнцах имеется и у ульчей[2].

В. И. Цинциус сообщила мне, что от нагидальцев селения Им ею записано следующее предание:

«Раньше три солнца было, все на земле горело. Уголь в горе откуда (т. е. если бы не горела земля, то откуда бы в ней уголь). Раньше море было, земли не было. Где волны были, там горы стали. Уди первый человек, живший на земле, убил стрелою, пущенной из лука, одно солнце. Другое вышедшее солнце он не успел убить, тогда он выстрелил в третье солнце и убил его. Нагидальцы говорят, что и теперь можно видеть по обеим сторонам существующего ныне солнца два ханян (тень, отражение, душа) убитых прежде солнц.

У гольдов мы находим легенду, в которой сообщается, что после того, как «вместо одного небесного светила взошло их три, от света стали люди слепнуть, от жары гибнуть; солнце жгло так сильно, что земля горела, в реках вода кипела: когда рыба, играя, выскакивала из воды, то у нее сползала чешуя. Ночью, когда три солнца закатились, появились три луны, и ночь сделалась так светла, что людям не было возможности уснуть». Живший в то время старик увидел, «что человечество гибнет в великом множестве, что смертность нужно приостановить»[3]. Сделав крепкий лук и стрелы, он убил два лишних солнца и две луны, восстановив этим действием прежний порядок на земле».

В неопубликованных материалах Л. Я. Штернберга, относящихся к его поездке в 1911 году к гольдам на Амур, имеются интересные детали, дополняющие легенду, опубликованную П. Шимкевичем. Так по легенде, записанной Л. Я. Штернбергом, убивший лишние светила «Дахсур родился из березового дерева. Родился маленьким мальчиком на качелях. Кормили его птицы. Вырос. Звали его Хадо... Когда было три солнца, рыба умирала, и людям стало невозможно (жить). Он

---

[1] В. П. Маргаритов. Об орочах Императорской гавани. Стр. 28.

[2] Schmidf (Acta, univ. lafir. VIII, 234).

[3] Шимкевич П. П., стр. 9—10. Материалы для изучения шаманства у гольдов. Зап. приамурск. отд. Р. Г. о-ва 1896, вып. II.

пришел к восходу солнца, дошел, сделал тууру (травяной дом). Когда солнце взошло, дом загорелся, стрелять не мог, опять домой пошел; опять к восходу дошел, тууру деревянный сделал, солнце едва взошло, опять пожар! Опять вернулся, снова туда пошел, каменный тууру (4-скатный большой) сделал. Солнце взошло, два солнца убил, одно стало».

В неопубликованном отчете Л. Я. Штернберга о его поездке к гольдам на р. Амур сообщается следующее:

«Благодаря существованию трех солнц скалы на берегу р. Амура, как и вся земля, были в мягком (расплавленном) состоянии, благодаря чему упомянутые предметы и существа (речь идет о петроглифических изображениях, находящихся вблизи гольдского селения Сахачааля. *Е. К.*), оставили по себе след на скалах, и потом, когда после убиения двух солнц земля отвердела, отвердели и эти следы и остались до настоящего времени». По другим вариантам эти петроглифы принадлежат некоему народу Ха, историческая реальность которого выясняется Л. Я. Штернбергом в отчете[1].

В Шу-цзине китайской классической книге имеется представление о двенадцати лунах и десяти солнцах. Солнца, по этому представлению, являются сыновьями матери Си-Хе, которая была женщиной. Эти солнца являются живыми существами, но существами, совсем особенными. Они являются существами из огня в форме шара, точнее — цветка лотоса. В середине этого огня живет ворон на трех лапах. Этот ворон оживотворяет солнце. Каждое солнце имеет своего ворона—это есть те вороны, которых убивает своими стрелами превосходный стрелок в то время, когда он сбивает девять солнц из десяти.

На крайнем востоке неба растет дерево По. Дерево По служит солнцу для того, чтоб оно поднималось с земли на небо. На дерева ПО держатся 10 солнц (потому что есть 10 солнц одно на каждое из дней цикла): 9 на нижних ветвях, а одно на верхней ветви. Эти солнца выходили в последовательном порядке, друг за другом, расплавляя металлы и растопляя скалы. В один день они вышли все 10 вместе сжигая всю землю, так что превосходный стрелок И был вынужден своими стрелами сбить 9 солнц с неба[2].

Знаменитый стрелок И жил в XVII веке до Р. Х. во время династии Ся. Вероятно, эта легенда существовала и в более отдаленные времена китайской истории.

Миф о множественности солнц, так или иначе связанный с гибелью мира, мы находим и у других народов. Так, в Вишну Пурана мы находим аналогичный мотив, связанный, правда, не с прошлой ги-

---

[1] Любезности С. А. Ратнер—Штернберг, обязан разрешением опубликования вышеприведенных отрывков из рукописей Л. Я. Штернберга.

[2] Henri Maspero: Legendes myphologiques dans le chou ring. Journal Asiatique t. cc. IV, p. 17—18. Эта ссылка указана мне А. Т. Шпринцин.

белью мира, а с его будущей гибелью от света семи солнц. Там сообщается, что в конце колоссального количества лет, вмещающихся в тысячу периодов четырех веков жизни Брамы, земля истощится, и тогда настанет всеобщая смерть, которая продлится 100 лет, тогда Вишну, имеющий в Ригведах характер бога солнца, примет вид разрушителя Рудры и спустится в мир, чтоб воссоединить все свои творения с собой. Он вступит в семь лучей солнца, выпьет все воды земли и заставит всю влагу как в живых существах, так и в почве испариться. Семь солнечных лучей его помощью напитаются обильной влагой и разбухнут в семь солнц, которые будут сиять во все стороны и вверх и вниз и зажгут огнем все три мира. Сожженные этими солнцами три мира потеряют свою прежнюю форму. Останется одна земля, лишенная влаги и зелени, напоминающая своим видом спину черепахи[1], и т. д. Интересно, что в библии мы находим место, где бог говорит, что в будущем «свет луны будет, как свет солнца, и свет солнца будет увеличен в семь раз, будет, как свет семи дней», т. е. будет, повидимому, семь солнц[2], а на самом севере у остяко-самоедов мы находим представление, что во время церемонии оживления бубна шаман отправляется на юг в место, где камень до неба достает, где светят семь солнц, где растет священное дерево[3].

Возвращаясь снова к югу, мы находим на западном берегу Африки в Камеруне легенду о том, что сначала на небе было много солнц, людям было жарко, и верховный бог Нзамби потушил все солнца, оставив только одно[4]. Муссоронге, живущие в низовых Конго, рассказывают, что Замби-Мпунгу создал, вначале много солнц. Однако потом вследствие сильной жары потушил их все, оставив только одно. Такие же легенды о множественности солнц засвидетельствованы в Африке у племен Иоруба, Эве и др.[5]. По представлениям евреев первоначально и солнце и луна одинаково светили, т. е. были два солнца, а лишь только потом бог уменьшил свет луны. Солнце, по представлению евреев, находится в футляре. Перед солнцем находится бассейн воды. Когда солнце выходит, бог ослабляет его силу водой, чтобы оно не сожгло мир. В будущем бог совершенно обнажит солнце и им он сожжет нечестивцев[6]. Опять-

---

[1] W. Wilkins. Hindu myphologi, p. 294—295. Callcutta. 1882. Ссылкой обязан Л. А. Мерварт.

[2] Книга Исаии 30,16. Ссылкой обязан И. Н. Винникову.

[3] Г. Н. Прокофьев. Церемония оживления бубна у остяко-самоедов. (Печатается в записках Лен. гос. университета.)

[4] Der Erdbal II, 419 (1928 г.) у Durlach, Vom Fetischismus der Neger.

[5] Bastian, Zeitschrift für Etnologie, VI, 83, u Wischnenski, Afrikaner u Himmelsersheinungen, 1915, 5. 18. Ellis, The Uoruba Speaking. Pegoles, p. 82. Ссылки по Африке сообщены мне Д. А. Ольдерогге.

[6] Genesis Rabba, S. 6. Переводом с древнееврейского и ссылкой обязан Н. И. Винникову.

таки и в этом мире мы видим повторение мотива гибельности жара солнца.

Л. А. Мерварт сообщила мне записанную ею в 1915 г. на о-ве Цейлоне в дер. Дедигама легенду, в которой сообщается, что люди будут жить до конца этой кальпа (кальпа—период в индусской мифологии, равный половине суток Брамы, состоящих из 4320 миллионов лет). Тогда все умрут. Появится масса солнц, которые обожгут землю. Затем ливни затопят ее. Когда воды подымутся до брамалока (места исполнения желаний, иначе рая), Будда из дивьялока (рая, находящегося выше брамалока) опустит в воду семя лотоса, из которого вырастут мужчина и женщина, и новый мир будет в новой кальпа.

У батаков Суматры мы находим следующую легенду. Эта легенда сообщает, что «в отдаленные времена солнце имело семь сыновей, которые все точно так же жгли землю, как и оно само. Людям приходилось плохо, ибо невозможно им было переносить эту жару, и растения завяли. В их нужде они послали к луне ласточку просить, чтоб она помогла им». Дальнейший ход легенды сообщает, как удалось луне при помощи людей обмануть и заставить солнце убить своих сыновей[1].

Собранные материалы еще далеко не достаточны для того, чтобы на основании его сделать выводы о генезисе и распространении представления о множественности солнц. Дальнейшая работа в этом направлении поможет осветить этот совершенно не изученный до сих пор вопрос.

Совершенно в стороне от других гиляцких легенд стоит нижеприводимая легенда, записанная мною от гиляка Тугута, девятилетнего мальчика Ейвуна (чайво) и от гиляка Феонтыка (кекрво). Легенды, рассказанные Тугутом и Феонтыком, совпадают. Но в легенде, рассказанной мальчиком Ейвуном, есть одна интересная деталь о двух солнцах, которые вышли на небо, взявшись за руки (keg m'exr zapuxarer mard). Эта деталь отсутствует в легендах Тугута и Феонтыка. Не допускаю мысли, чтоб это место при совпадении остальных деталей легенды могло бы быть выдумано Ейвуном. Несомненно, что и эту деталь он от кого-то слышал. Краткое содержание легенды таково: «Один гиляк поймал в море нерпу. Когда он ее вытащил на берег, она превратилась в красивую женщину. (По легенде, записанной от Ейвуна, эта женщина в момент превращения держала ладонь одной своей руки в ладони другой. Точный перевод этого места означает: «женщина одна, взявшись за руки, поднялась (с берега)».) По прошествии четырех лет, в продолжение которых гиляк жил с этой

---

[1] Warneck. Die Religion der Batak. Стр. 43—44. 1902 г. Ссылкой обязан И. Н. Винникову.

женщиной как с своей женой, в море умерла ее мать. Эта женщина пошла к морю, превратилась в нерпу и уплыла. Лохматая сука научила гиляка способу, которым можно было заставить возвратиться обратно жену. Она велела гиляку пойти к одному месту, где имелись шесть маленьких озер; на тех озерах были шесть чирков. Один чирок был очень маленьким. Гиляк пошел к этому озеру и по совету суки стал бросать в чирков камешками и палочками. Чирки стали нырять. Маленький чирок утомился и пристал к берегу. Тогда гиляк его поймал и унес домой. На следующее утро по совету суки гиляк взял восьмисаженную бечевку из крапивы, пошел к морю и привязал чирка к шесту, который он воткнул в дно моря. Тогда чирок начал пить морскую воду, выпил все море. Без воды рыба вся, нерпа вся, киты все в разные стороны ползали. Дно морское белым от рыбы стало. На следующее утро на небо взошли, взявшись за руки, два солнца. Жарко стало. Издалека с моря пеший человек приближался. Этот человек двумя палками подпирался. Вся его одежда была сделана из нерпичьих шкур. Этот человек гиляку сказал: «Ох жарко! Ты зачем эту вселенную поломал (испортил). Рыба вся, нерпа вся умирают, наши люди (повидимому, морские люди. *Е. К.*) умирают. Если вся нерпа и рыба погибнут, ты разве живым останешься? Разве хорошо из-за одной женщины ломать вселенную и всех обижать? Заставь морской водой наполниться море, тогда жена к тебе возвратится». На следующее утро гиляк отнес к морю Чирка. Чирок стал рвать, долго рвал. Море снова водой наполнилось, глубоким, как прежде стало. На другое утро снова как всегда взошло одно солнце, и к гиляку возвратилась его жена.

Переходим снова к изложению гиляцких космогонических легенд.

После того как были убиты лишние светила, морское божество гиляк tajrhand nigыvын [1] верхом на олене приехал на Сахалин делать реки. Все реки Сахалина, в том числе и Тымь, сделаны им. Направляясь от заливов и от берегов моря к вершинам гор, он делал реки от устья к вершинам. В руках он держал прут. Там, где проходил его олень, образовывались реки. От ударов прута, которые морское божество наносило направо и налево земле, образовывались притоки, впадавшие в главное русло реки, делаемое оленем. Олень бежал неровно, он сворачивал в сторону, то вправо то влево, и потому образовывались изгибы рек. Эта работа была настолько тяжелой, что на реке Лярво пал его олень [2]. От стариков гиляк я слышал, что он до сих пор там лежит, превратившись в белый камень, который гиляки называют tairhandtlani — олень tairhand'a. Почему у ги-

---

[1] Сравни Л. Штернберг. Гиляки. Стр. 49, оттиск из Этнообозрения Москва, 1905.

[2] Его же. Материалы. Стр. 34, прим. 41.

ляк, типичных собаководов, божество разъезжает на олене, мне не вполне ясно. Вероятно, мы имеем здесь дело с заимствованием.

К югу от Луньского залива между реками mačni и pilені находятся две маленькие речки masxej. Луньские гиляки рассказывают, что между этими речками имеется углубление в земле, которое называется tairhand s'azγuf, место отдыха tairhand. Делая в этих местах реки, он так устал, что вынужден был отдохнуть и прилег. Гиляк Кавызик мне говорил, что и теперь еще по форме углубления можно различить, что голова его лежала по направлению к югу, а ноги к северу.

В селении Чайво при изучении топонимики залива мне удалось найти легенду о том, что фарватеры Чайвинского залива делал неизвестно кем посланный кит. Углубив пролив и продвинувшись к северной части залива, кит достиг реки ozi, где его постигло несчастье. Навстречу ему с залива, kekr-vo шла беременная женщина. Эта женщина его увидела, и кит смутился. От смущенья он повернулся к тайге и выбросился на берег, где и превратился в длинный и узкий песчаный холм. Этот холм гиляки называют toškome.

Созданием рек не исчерпывается благодетельная роль морского божества. Значение его и в современной жизни гиляков велико. От его воли зависит жизнь гиляков, разного рода горных людей и вообще всего питающегося рыбой. По представлению гиляков tairhand nigvьn живет в Охотском море. Легенды сообщают, что жилище его или стоит на берегу какой-то земли, у самого моря, или просто находится посреди моря на воде. В этом жилище старик taiчhand живет вместе со старухой. Отсюда он благодетельствует всему живущему, бросая пригоршнями в море рыбью чешую. Из каждой брошенной им чешуинки делается рыба — кета или горбуша. Если он много пригоршней чешуи бросит в воду, то гиляки насушат много юкалы из кеты и не будут в долгие зимние месяцы голодать, если же он мало чешуи бросит в воду, то к гилякам мало рыбы придет, и они будут обречены на голодание. Только белка, заяц и бурундук не едят рыбы,—говорили мне гиляки, — остальные звери, даже лесные крысы или мыши, не могут без рыбы жить. От Чурки я слышал, что даже остров Сахалин питается рыбой и что поэтому на севере Сахалина кета всегда жирная и хорошая, так как tajrhand направляет ее ко рту Сахалина-зверя. По представлению гиляков Сахалин — животное. Голова Сахалина находится на Севере, а ноги—на юге. Иногда устав лежать, он пошевеливается, и тогда бывает землетрясение. Дословный перевод слова, которым гиляки называют землетрясение, означает «земля сама себя шевелит» или «земля ворочается».

В одной записанной мной легенде tajrhand сообщает спасенным им гилякам о том, что он посылает гилякам рыбу, бросая в воду пригоршнями рыбью чешую, и даже дает наставление, как следует им

обращаться с рыбой. «Я рыб к вам посылал, рыбы ко мне назад приходят. Мох, которым женщины менструальную кровь вытирают, во рту своем ко мне притащили, в боку воткнутый ко мне нож притащили. Чтобы так больше не было. Менструирующие и родившие женщины чтоб на лодках через реку не переезжали, рыба сердится, смотрите не забывайте сказанного, не сердите рыбу».

Рыба, которую вылавливают и сушат себе на юкалу гиляки, на самом деле не умирает совсем. Душа ее преспокойно отправляется к хозяину моря и сообщает ему о неприятностях, причиненных ей гиляками.

В жилище tajrnand под нарами, или в старинном гиляцком корыте keč, находится живой всякая морская рыба. В некоторых легендах говорится, что старуха вытаскивает из-под нар или вынимает из корыта живую горбушу и кормит ею спасенных гостей.

Живя на воде, tajrnand имеет огромную дорогу, пролегающую по небу. Млечный путь — это и есть его след, или дорога[1]. Гиляки говорят, что если в летние вечера его дорога будет пролегать вдоль направления реки Тыми, то это предсказывает большой ход и удачный лов рыбы, если же его дорога будет лежать поперек направления реки, то это предсказывает малый ход рыбы и малый улов.

Сказочник Тугут за несколько недель до своей смерти рассказал мне легенду о том, как tajrnand nigьvьin дал людям письмена. Сделав два рода письмен, одни письмена из земли, а другие из самой легкой части пепла, лежащего на нем в виде белого налета, он сделал ящик. Разделив ящик на две половины перегородкой, он положил в одну половину ящика медведя, гиляка и письмена, сделанные из земли, а в другую половину он положил уток, оленя, лису и письмена, сделанные из легкого пепельного налета. Плотно приклеив к ящику крышку, он повелел ящику плыть к земле и удариться о берег длинной, а не короткой боковой стороной, чтобы все сразу успели выскочить на берег. Ящик поплыл, но когда он доплыл до земли, он ударился о нее короткой боковой стороной. Крышка отскочила, и на берег успели выскочить олень, утки, лиса и письмена, сделанные из пепла, а письмена, сделанные из земли, гиляк и медведь утонули, так как ящик разломался, и они не успели выскочить на берег. Поэтому нет у гиляк письмен, так как их письмена утонули. Такова роль tajrnandh в космогонических легендах и современной жизни гиляк. Провожая меня на Сахалин, Л. Я. Штернберг просил меня подробно выяснить роль tajrnand в жизни гиляк, а также проследить, не происходит ли его название от гиляцкого глагола tajrund, не знать, не ведать. Предположение Л. Я. Штернберга о происхождении названия этого божества от глагола «не знать»

---

[1]) См. также Л. Е. Штернберг. Материалы, стр. 170, примеч. 3.

подтвердилось моими работами на о-вах Лангр и Сахалине. Так, тымовские гиляки называют свое верховное божество tajrnand nigыvын (nigыvын означает человек, гиляк), гиляки селения Чайво — tajrunand nigыvын, а амурские — tajrud nivux (nivux — человек, гиляк).

В последнем случае первая часть названия божества полностью совпадает в амурском диалекте с глаголом tajrud — не ведать, не знать. Интересно то, что Тугут в своих легендах постоянно называл это божество tajrond nigыvын, tajrond — тоже обозначает не знать. Поэтому название этого божества я перевожу словами «неведомый человек». Представление о том, что какой-то «неведомый человек» заботится о благополучии всего существующего, крайне характерно для анимистического мышления гиляк.

В море помимо tajrnand nigыvын, являющегося и хозяином моря, живет множество людей — духов. Таковыми являются tol nigыvын — морские люди, с которыми некоторые гиляцкие роды состоят в родственных связях через своих потонувших сородичей; tolmilk или tolveγr — морские злые духи, причиняющие гилякам всякие неприятности и čxarur — морские люди с маленьким и тонким туловищем и длинными ногами, растущими прямо из грудной клетки. Между cxarur и усть-агневскими гиляками рода krыus' fin существует вражда, čxarur мстят гилякам за убийство родича. Встарину гиляки и эти морские люди жили в большой дружбе. Так, когда гиляки мужчины уезжали из деревни, туда приезжали čxarur и пользовались чугунными котлами гиляк, в которых варили нерпичье мясо. Причиною раздора послужила молодая амурская гилячка, не знавшая обычаев усть-агневских гиляк. Однажды мужчины гиляки уехали из селения и молодая гилячка одна осталась в доме со своим грудным младенцем. Когда она укладывала ребенка в колыбель, в дом вошел čxarur. Испугавшись, гилячка быстро повернулась к нему навстречу, держа в это время в руках колыбель. Čxarur упал мертвым, так как на колыбели висела голова зайца, а заяц является самым страшным злым духом для čxarur. Поэтому мстят čxarur гилякам и поэтому до сих пор гиляки рода krыus'fin, желая оградить себя от их мести, кладут себе за пазуху кусочек заячьей шкуры, когда выходят за пределы своего селения. Если гиляки уж очень боятся их прихода, то они бросают в огонь немного заячьей шерсти, и тогда эти духи к гилякам, где бы он ни был, в тайге или дома, не подойдут.

Весною во время охоты на нерпу гиляки встречают иногда неизвестных им охотников. Эти охотники подъезжают к ним на лодке и заводят с гиляками разговор о том, за кем они охотятся, какое мясо едят и т. п. Гиляки отвечают — за зайцем охотимся, заячье мясо едим и т. д. Тогда эти люди быстро уезжают от них, так как они čxarur и боятся зайцев.

Леса и горы также населены многочисленными людьми — духами. Так, в гуще леса живет злой дух hurufind, обитающий в чаще, от huru — чаща и find — находиться). На полянах находиться злой дух halofind, обитающий в поле (от halo — поле, чистое место), halofind страшен своим криком. Человек, услышавший его крик, умирает от страху. Кроме этих злых духов в лесу живут palmilk (milk — злой дух) и palveγr — злые духи, которые могут причинять болезни, убивать собак и доставлять другие неприятности.

В лесу живет также ольховый ребенок heuni exlh или maurir exlh. Гиляки уверены в том, что ольха, это женщина, и что от сока, вытекающего из ее коры, рождается ребенок, ничем не отличающийся от человеческого ребенка. Он маленький и совершенно голый. Некоторые мне говорили, что половина его ногтей на руках и ногах черная. Он страшен своим криком. От его крика можно потерять рассудок и пропасть, заблудившись в тайге. Гиляки рассказывают, что раз был такой случай: охотившийся в тайге гиляк услышал крик ольхового ребенка. Боясь заблудиться, он сел на землю и привязал себя ремнем к стволу дерева. От крика ольхового ребенка гиляк потерял рассудок. Когда он очнулся, то увидел, что, силясь убежать, он руками разрыл вокруг себя землю, окровавил свои пальцы и сорвал с них ногти. Гиляки очень боятся ольхового ребенка и лучшим средством против его пугающего крика считают следующие слова, которые действуют как заклинание: «hugьngin, твой отец, jajgьrmar—твоя мать, ты от капающего сока ольхи родился». Услышав эти слова, ольховый ребенок якобы перестает кричать и убегает, так как ему становится стыдно. Один из левых притоков низовьев реки Тыми называется heuni ганх iršpьnd i ольховой женщины, сидящей у речки. Здесь часто кричит ребенок ольховой женщины. В настоящее время heun xelh редко встречаются, они убегают от людей, так как боятся ружейных выстрелов.

Очень интересную фигуру представляет собой горный человек xge nigьvьn (от xgend — брать, взять). Он живет подобно гилякам в деревнях. Напротив гиляцкого селения Arnivo (Усть-Агнево), на противоположном берегу реки Arni есть зимник, принадлежащий этим людям. Зимник представляет собою огромный камень, вросший в землю и поросший мхом и травой. Гиляки, показывавшие мне этот камень, различали в нем вход и дымовое отверстие и просили меня самого посмотреть и убедиться, что это не просто камень, а дом. Несколько лет тому назад на этой поляне, где находится зимник, была целая деревня, xge nigьvьn. По неизвестной гилякам причине они ушли из своей деревни, оставив только одну старуху, которая до сих пор живет в этом зимнике. Когда они уходили, был слышен шум и лай уводимых собак, а когда они жили напротив гиляцкого селения, то гилякам даже слышны были песни, которыми они укачивали

своих детей. Xge nigыvын живет такой же жизнью, какой живут гиляки. Они имеют ружья, невода, лодки, собак, дома и т. п. Они ловят рыбу, ставят заездки, как и гиляки, с тою только разницей, что их заездки каменные. Гиляки селения Arnivo могут показать такой каменный заездок, который они и называют xge nigыvын kaгyah (kaгyah — заездок). Точно такой же каменный заездок этих людей имеется по реке Тыми, вблизи русского селения Озерки. Немного южнее селения Arnivo, на берегу моря, есть место, которое гиляки называют xge nigыvын mus'pi (mus'pi — пристань). К этому месту xge nigыvын пристают со своими лодками после охоты на нерпу и после рыбной ловли. Xge nigыvын любит воровать и «его шибко карабчи мастера»— говорили мне гиляки. Если гиляки селения Arnivo будут ловить рыбу вблизи тех мест, где живут эти люди, то они непременно оставят там одну-две рыбы, так как иначе xge nigыvын украдут у них всю рыбу.

Особенно много деревень xge nigыvын имеется по р. Тыми, около «трех протоков» или kius'кын kutы (проток, где находится трава kius), как это место называют гиляки; около реки Velveli и в других местах р. Тыми.

Интересно отметить то, что между этими лесными духами и молнией существует старая вражда. Молнию и гром производит птица t'ыnd. Изо рта этой птицы выходит огонь, а взмахи ее крыльев производят гром. Спускаясь сверху, птица-гром приносит не то свое яйцо, не то своего маленького птенчика и кладет его в гнездышко маленькой птички tet. Гиляки не убивают этой маленькой птички, так как и t'ыnd и tet находятся в родственных связях, и они боятся мести грома. Гиляки говорят, что tet это axmal — тесть, а t'ыnd ымgi — зять. Поэтому-то птица-гром оставляет своего птенца в гнездышке своего тестя. Эта tet ловит комаров, приносит их к своему гнезду и выкармливает ими птенца-грома.

Гиляки часто находят таких птенцов. С некоторыми их очевидцами мне пришлось говорить, и все они как бы сговорившись рассказывали мне, что внутренность рта птенца бывала очень красная, будто бы она была чем-то обожжена, а крылья состояли из восьми рядов крылышек. Птенцу-грому ни в коем случае не следует причинять ничего плохого, так как мать его может отомстить. Гиляк, нашедший такого птенца, должен приготовить ему гнездышко, положить его туда и оставить рядом немного табака, кусочек материи, оторванной от своей одежды, и др. Птиц t'ыnd много. Некоторые гиляцкие шаманы имели птицу-гром в числе своих духов-покровителей.

Зимою птица-гром спит где-то под льдом не то моря, не то Амурского лимана, поэтому ее зимой не слыхать. В зимнее время, когда птица-молния находится на дне моря, лесные люди делают длинные шесты с развилками и колют сквозь лед беспомощной в воде

птице-грому глаза. Лесные люди мстят ей за то, что летом она пугает их своим громом и огнем. Но зато весной, когда ломается лед Амурского лимана, птица-молния вырывается из-под льда, и тогда наступает гроза. Льет дождь, сверкают молнии, грохочет гром, — это птица-молния мстит лесным людям за причиненные ей мученья. Лесные люди в страхе мечутся по тайге в поисках убежища от страшного преследования птицы. Часто лесные люди прячутся в деревья, но тогда молния ударяет в дерево и сжигает его вместе с спрятавшимся в нем человеком. (Дерево, сожженное молнией, не следует рубить и трогать.)

Если гиляка застигает в тайге гроза, то он немедленно распоясывается и расстегивает свой халат. По временам он потряхивает полы своего халата, чтобы выгнать лесного человека, который мог превратиться в простую муху или шмеля, влететь к нему за пазуху и спрятаться там от преследования молнии. Если гиляк своевременно не заметит мухи, залетевшей в его одежду, молния убьет его вместе с спрятавшимся в его одежде лесным человеком. Если во время грозы гиляк увидит идущего впереди себя человека, он должен крикнуть ему, чтоб тот спрятался в прогнившее дерево. Тогда этот человек, который является не кем иным, как лесным человеком, спрячется в гнилое дерево. От удара молнии гнилое дерево разбивается в куски, и лесной человек вылетает вместе с пылью рассыпавшегося дерева живым и невредимым.

Гиляки боятся грома и молнии даже тогда, когда находятся дома. Желая укротить неугомонную птицу, они делают следующее: берут две палочки, на которых раньше жарили в виде шашлыка рыбу, нерпу, обмазывают ее обгоревшие концы красным соком брусники и втыкают их перед дверью дома таким образом, чтобы окрашенные концы палочек торчали вверх. Затем в дом притаскивают белого щенка или белую суку и кусают зубами уши собаки. От боли собака визжит и лает. Это, по мнению гиляк, заставляет молнию успокоиться. Иногда над дымовым отверстием втыкаются еще вилкообразные палочки, которые отпугивают молнию и лесных людей и препятствуют их проникновению в юрту сквозь дымовое отверстие.

Помимо вышеописанных духов леса в лесу живут еще pal nigыvын—горные люди и palыzin—хозяин леса и гор. Лучшим описанием горных людей и хозяина леса и гор является нижеприводимый перевод записанной мною в с. Чайво, от сказочника Тугута легенды.

Легенда сообщает об одном гиляке, отправившемся зимою за рыбой, оставленной им на специальном помосте в верховьях реки. Эту рыбу гиляки выловили осенью, и для того чтобы ее притащить, они послали за ней одного гиляка, который поволок за собой нарту. Гиляк заблудился и блуждал по лесу целую зиму до самой весны, пока, наконец, не нашел свою рыбу. Подойдя к помосту, он увидел,

что на нем сидит незнакомый ему человек, этот человек ему сказал: «товарищ, в мою деревню пойдем». «Твоя деревня где находится, близко ли, далеко ли?» «Моя деревня вон там находится, вблизи находится». Вот вместе пошли. К зимнику одному пришли, собак много около дома находится. На давних медвежьих праздниках убитые собаки все здесь находились. Наши товарищи в сени зимника вошли. В сенях много медвежьих шкур имеется. В дом вошли, женщин и мужчин полон дом. В доме старик один сидит. Старик сказал: «Ты низовской человек, мы лесные люди. Раньше ты нам собак убивал, mos посылал, теперь, если ничего против не имеешь, у нас долго живи». Потом старик три дня спал. Выспавшись, встал—сказал: «Сегодня с низовской земли пища придет, в разных местах земли жертвоприношения совершают, пол жилища подметите», женщинам сказал. Тогда подмели, на заднюю нару еловых веток постлали. Когда стало закатываться солнце и наступили сумерки, старик подошел к дверям и открыл их. Тогда сквозь двери в дом стали входить (повидимому, вноситься по воздуху сквозь двери) и падать на нару серянка, tirux. Связка-пучки прошла сквозь двери и упала на нару, ягоды тоже на нару упали. Потом по порядку, следуя друг за другом, прошли в дом корыта с mos'ю [1] и упали на нару. Десять корыт прибыло и заняли целую нару. Тогда старик сел. Попробовав немного прибывшей пищи, старик перестал есть. Наш товарищ только ел. Старик сказал: «Мы старинные люди такого обычая придерживаемся. Вот тебя повидали, тебя назад отпустим, новости (своим) принесешь, расскажешь». Три дня ели, тогда есть кончили. Старик три ночи спал. Поспавши, встал, сказал: «Низовские люди сегодня медведя искать будут. Дети мои, подумайте». Один говорит: «Мое сердце болит», другой говорит: «Мое горло болит». «Друзья, думайте, один пойдет». Тогда на наре молчаливо лежащий человек ни слова не говоря халат свой одел, встал: «Желающих пойти если нет, меня пошлите» — так сказал. Старик в сени вышел, медвежью шкуру взял, в дом втащил, этому человеку отдал: «К моим детям спустись». Этот спокойный, хороший (по-медвежьему) заревел (так как взяв шкуру, он одел ее на себя и превратился в медведя) [2]. Ревущий медведь вокруг огня обошел. Старик своего ребенка вышел провожать. Медведь вниз спустился, исчез. Наш товарищ еще половину месяца прожил. Этот медведь назад возвратился. На многих собаках полную нарту (угощений) привез, и mos' и пе[illegible]лук, все с собою притащил. Наш товарищ назад возвратился. В своей деревне один месяц жил, новости рассказал, потом умер».

---

[1] Mos — холодец, приготовленный из растертой кожи кеты, нерпичьего жира, воды и ягод.

[2] См. также Л. Я. Штернберг, Анимизм и теротеизм, ст. новом и старом в Энцикл. словаре Брокгауза и Ефрон.

Эта легенда требует следующих пояснений: горные люди называют гиляков низовскими людьми, так как гиляки живут на берегах рек и часто в их низовьях. Хозяин леса и гор это — человек. Он старик и называет не только лесных людей своими детьми, но и гиляк, о которых он очень заботится—все время посылает им пушных зверей, в частности медведей. Прибывшие жертвоприношения были принесены лесному хозяину гиляками. mos' должен быть чисто приготовленным, если в него попадет хоть один женский волос, лесной хозяин не примет этого корыта с mos'ю и отошлет его обратно. Собаки, принесенные в виде жертвоприношений горным людям, становятся «собаками последних» и находятся на привязях вблизи жилищ горных людей. Душа медведя после убиения возвращается, как мы видим, нагруженная подарками обратно к горным людям.

Представления гиляк о происхождении животных не вполне ясны. Про белку, каборгу, оленя и волка гиляки рассказывают, что они упали с неба. Один гиляк с о-ва Лангр уверял меня, что на крышу его дома, стоящего на безлесном месте, упала однажды с неба живая белка, чему он сам был свидетелем. Гиляки того же о-ва рассказывали мне, что первые рыжие собаки упали с неба на землю. Падением белки с неба гиляки объясняют себе тот факт, что иногда белка буквально наводняет их места, как, например, в зиму 1925/26 года она наводнила Сахалин, а иногда она почти совершенно исчезает. О происхождении других животных преданий не удалось найти.

Про бурундука гиляки рассказывают, что раньше его шкурка была чисто желтой. Но раз сошлись бурундук и медведь и заговорили. Медведь стал жаловаться на то, что нет ему покоя от гоняющихся за ним людей и собак. «Если на меня одна собака нападает,—говорит медведь,— то я могу с ней справиться, но если несколько, то ничего я с ними не могу поделать: одну прогоню, другая укусит и т. д.». А бурундук говорит: «Для меня много собак не страшны. Я маленький зверь, и когда они меня ловят, они друг другу только морду кусают, и я убегаю, но если за мной одна собака гонится, то я пропал, никуда мне от нее не убежать». Медведь говорит: «Железной острой стрелы гиляка я очень боюсь, стрела же с толстым деревянным наконечником мне не страшна, ничего она мне сделать не может». А бурундук медведю говорит: «А я железной стрелы гиляка не боюсь. Тяжело в меня маленького попасть тонкой железной стрелой, а вот деревянная стрела с большим толстым наконечником страшна для меня, она меня сразу на-смерть убивает». Рассердился медведь и ударил своей лапой бурундука по спине, расцарапав вдоль спины его шкуру. Оттого вдоль спины бурундука идут ровные темные полоски.

Раньше ворон был совершенно белым, словно лебедь, и обладал он лебяжьим голосом, а лебедь был совершенно черным и кричал по-вороньему. Раз сошлись ворона и лебедь. Лебедь вороне сказал:

«Ты всегда на одном месте сидишь и никуда не летаешь, а я никогда на одном месте не сижу, а все время по разным местам летаю, дай поменяемся перьями и голосом». Согласилась ворона и поменялась с лебедем своими белыми перьями и своим голосом. Поэтому теперь ворона черная и кричит она так, как раньше кричал лебедь, а лебедь стал белой птицей и, летая по разным местам кричит, тем голосом, которым когда-то кричала ворона.

Раньше нерпа имела черную шероховатую, некрасивую шкуру, а камбала имела красивую пятнистую шкуру, какой обладает теперь нерпа. Раз разговорились камбала и нерпа. Нерпа камбале говорит: «Сделай мою шкуру такой же красивой, как и твоя». Камбала нерпе говорит: «А ты мою шкуру сделай более темной». Сделала камбала нерпичью шкуру пятнистой и красивой, а нерпа просто взяла песок и замазала шкуру камбалы, сделав ее черной и шероховатой. Поэтому-то шкура камбалы шероховатая, будто бы она сделана из песка, а шкура нерпы такая пятнистая и красивая.

Про вахню (ǩані) гиляки рассказывают следующее: услышала как-то вахня, что где-то воюют; люди ли, рыба ли, гиляки не знают. Поплыла она посмотреть; когда она вернулась домой, было холодно, и не было дома дров. Вырезала вахня свои ребра и зажгла огонь, поэтому нет у вахни ребер.

О происхождении комаров гиляк Семен из Чайво сообщил мне, что раньше комары были вшами joŕjon. Кем был joŕjon, неизвестно; известно только, что гиляки убили его, и поэтому комары разлетелись во все стороны и больно жалят гиляков за то, что они убили то существо, на котором комары раньше жили.

Гиляки говорят, что в лесу живут лисицы, которые могут превращаться в красивых женщин. Гиляки эту лисицу так и называют kek šanx — лисина женщина. Одетая в красное платье, она является к гилякам в гости, ведет с целью усыпления их внимания умные речи, затем берет чью-либо голову, кладет ее к себе на колени, ищет в ней вшей и обыкновенно убивает этого человека, воткнув ему в ухо мизинец левой руки, представляющий собою коготь. Мизинцем левой руки лисицы-женщины является коготь. Это ее отличительный признак, по которому ее можно отличить[1].

За внешней оболочкой даже самого неприглядного зверя иногда скрывается человек. Так, роды, usk vonын, живущий по р. Тыми, и ruivын, живущий в селении Усть-Агнево, считают человеком змею. По этому поводу у рода Usk vonын существует такое предание: раз гиляк из этого рода отправился в тайгу на охоту и как всегда оставил дома свою жену. Возвращаясь, он услышал сквозь стены дома

[1] Эту легенду сообщил мне молодой гиляк Заган, студент Севфака Л.В.И. О лисицах-людях см. также Л. Я. Штернберг, Материалы, текст 28, стр. 195, 197, прим. II.

тихий разговор. Желая узнать, в чем дело, он подошел к одному из восьми отверстий, сделанных по двое в каждой стене дома, и посмотрел сквозь него внутрь. Приглядевшись, он увидел свою жену и молодого человека, совершающих акт coitus'a. Рассердившись, он взял вилкообразную стрелу и выстрелил сквозь стенное отверстие в молодого человека. Но как только стрела попала в человека, так сразу его не стало, а вместо него на полу у нары валялась половина змеи, а другая половина торчала из vagina жены гиляка. Убил гиляк свою жену. Через год или два гиляки на лодках поехали к огромному высокому обрыву ul ƀанып. Этот обрыв находится недалеко от русского селения Усково. На этом обрыве во множестве и по сию пору водятся змеи. Подъезжая к обрыву, гиляки увидели, что вблизи него на полянке ходит женщина, укачивающая на руках ребенка. Оказалось, что душа убитой гилячки пошла жить к людям-змеям, и поэтому гиляки usk vonып считают себя состоящими в родстве с змеями указанного обрыва.

Очень интересно следующее предание, принадлежащее роду čavršKr vonып. Представители этого рода живут в селении Чириво по р. Тыми. Предание сообщает, что четыре поколения назад жил один гиляк из этого рода со своей женой. Долго не было у них детей. Потом, во время сна, жена гиляка часто стала видеть лесного человека, который в образе лисицы приходил с нею совершать акт coitus'a. Потом у гилячки родилась одна девочка. Снова продолжал совершать с ней акт coitus'a лесной человек и спустя некоторое время она родила вторую девочку. Когда дочки выросли, они стали часто уходить в лес по ягоды. Родители стали замечать за дочками странности. Раз отец приподнял с ног спящих дочерей одежду и увидел, что между ногами ползают ящерицы и жабы. Вскоре стало очевидно, что они забеременели. Дело уже было зимой. Взяв нарту, отец пошел со своими дочерьми на высокую гору. Взобравшись на гору, он связал руки и ноги дочерей, положил их на нарту, крепко их к ней привязал и столкнул эту нарту вниз с горы. Нарта вместе с девушками быстро скользила вниз. Склон горы был ухабистый, нарта подпрыгивала на ухабах, и девушкам было больно, и они кричали и плакали. Наконец с большого разгона нарта налетела на дерево, и девушки убились до смерти, а из лопнувших их животов выпало множество детенышей жаб и ящериц. Гора, с которой были спущены девушки, существует и по настоящее время вблизи гиляцкого селения Чириво. Называют эту гору wuwuf — место крика (от wuwund — кричать), так как девушки, будучи спущены с горы, кричали.

К некоторым преданиям сами гиляки относятся уже как к вымыслу, к сказкам, но это предание для них не вымысел, это действительность. Через каждые три поколения после вышеописанной истории жабы и ящерицы будут делать попытки совокупляться с женщинами

указанного рода, если только в последнем родятся от одних родителей две девушки-сестры. Три поколения прошло от начала этой истории и что же: ящерицы и жабы снова стали пытаться проникнуть к гиляцким женщинам, сестрам Ревгук и Хехгук. Говорят, что они себя стали плохо чувствовать, и тогда поспешно Ревгук выдали замуж за гиляка Чернова, а Хехгук—за гиляка Нухтана. Произошло это лет 10 тому назад. Эти гилячки мне хорошо известны. Жалею только, что с этой легендой я познакомился в последнюю поездку по реке Тыми и поговорить о ней с указанными женщинами мне не пришлось[1].

Не касаясь больше вопроса сексуальных связей животных с гиляками, перейду к легендам гиляк о происхождении людей. Выше изложены три легенды: одна о происхождении людей от брата и сестры, плывших после потопа на куске земли, другая—о происхождении людей от неизвестно откуда взявшейся пары детей—мальчика и девочки, и наконец третья—о происхождении людей от синиц и серебряной и золотой птичек. Широко распространено среди гиляк предание о том, что жители Сахалина—гиляки, ороки и айну—произошли от деревьев. Гиляки ведут свое происхождение от лиственницы, ороки, по преданию гиляк, произошли от березы, а айну—от ели[2]. Первые айны, гиляки и ороки произошли из сока указанных деревьев, который вытекал из деревьев и капал на землю. Желая убедить меня в достоверности этого предания, некоторые гиляки часто в подтверждение его приводили сравнение красноватого оттенка своих щек с цветом коры лиственницы, а черного цвета своих волос с черным мхом, обрастающим сучья лиственницы и действительно напоминающим по цвету их волосы. Про ороков они говорили, что их бескровные и белые лица подобны березовой коре, а черноволосые лохматые айну очень похожи на темный цвет коры и лохматый вид ели.

Менее всего известен гилякам верхний мир. О людях неба мною записаны следующие легенды:

Гиляк с о-ва Лангр рассказал мне легенду о том, как небесный человек, спустившийся с неба, явился к китайскому царю и продал ему 11 соболей, в числе которых был один лохматый соболь. Получив уплату в виде китайских материй и денег, небесный человек вышел вместе с провожавшим его царем из дому. Встав напротив солнца таким образом, что лучи его падали ему на грудь, небесный человек прямо пошел в небо. Вернувшись в дом, китайский царь решил снова посмотреть на соболей, но вместо них нашел сверточки

---

[1] Опубликованная Л. Я. Штернбергом легенда о coitus'e гиляка с рыбой сaγетк (Материалы, стр. 225, текст 39) принадлежит, как мне это удалось выяснить, роду ruivын. Интересно то, что представители этого рода не едят этой рыбы, так как их родич совершал с ней coitus, и она родила ему сына.

[2] Сравни Л. Штернберг, Материалы, стр. 114, прим. 1.

коры и щепки, в которые они превратились, как только небесный человек ушел в небо. В двух легендах, записанных мною на Восточном побережье Сахалина, герой легенды гиляк берет себе в жены красивую и богатую небесную женщину. Эта женщина ничем не отличалась от других гиляцких женщин. В амбаре, подвешенном на серебряных цепях, небесная женщина была спущена на «голову земли» Сахалина (сев. оконечность п-ва Шмидта), где ее и находит герой легенды. Герой легенды взбирается в висевший над землей амбар (каким образом удалось ему это сделать, в легенде не сказано), в это время, кто-то вверху перерезает цепи. Амбар вместе с находящимися в нем небесной женщиной и гиляком падает в море и уплывает к дому героя легенды.

Широко распространено предание о том, что люди неба когда-то ловили на спущенные ими с неба удочки людей земли—гиляк—и утаскивали их к себе наверх [1].

Сведения гиляков о нижнем подземном мире скудны. Подземный мир представляет собою страну мертвых. Солнце там восходит тогда, когда на нашей земле наступает ночь. В одной гиляцкой легенде рассказывается о молодом айну, решившем проследить, из какого места возвращается сытой его сука домой, и попавшем в страну мертвых. Разрешу себе привести небольшой отрывок из этой легенды. «Молодой человек, свою суку за ремень державши, пошел. Следом за своей сукой пошел. Потом в дыру его сука вошла, он тоже шагая вошел (дыра была настолько велика, что сквозь нее он прошел не сгибаясь). Долго входил, темно, потом светло стало, по подобной нашей земле шел. Долго шел, к речке одной пришел. Отсюда по берегу вниз по течению реки пошел. Потом увидел, что один человек на одной стороне реки сидит, а другой на противоположной стороне сидит, крючком (čevl) рыбу колют. Нашего человека они не видят. Мертвые люди, однако, думает. Этот айну к человеку колющему рыбу подошел, его крючок тронул. Тогда этот человек не знает, как ему рыбу колоть. Сидящий на той стороне человек рыбу убил, и говорит: «Ты почему рыбы убить не можешь, на твоей стороне дно чистое, коряжин нет»—и засмеялся. Сидящему на этой стороне человеку неловко стало. Потом этот айну вниз по реке пошел. Долго шел. К многочисленной айнской деревне пришел. В этой деревне множество вешал для сушения кеты. Женщины на помостах сидят, чистят рыбу, делая из нее юкалу. Потом сука в «сени» большого дома вошла, легла. Этот айну свою суку здесь привязал, в дом вошел. В дом вошедши, много людей увидел. Эти люди не видят его, тогда наш айну к наре пошел, сел. Очень красивую женщину на

---

[1] Л. Я. Штернберг, Гиляки. Оттиск, стр. 49.

другой наре увидел. Женщину одну, качающую ребенка, увидел. Это был ребенок его матери. Его мать умерла, в селенье мертвых пришла, здесь ребенка родила. Вот стемнело, легли спать. Наш айну на нару лег, потом встал, к красивой женщине совокупляться пошел. Этот человек одежду женщины приподнял, тогда эта женщина «ика, ика, ика» закричала. Тогда все люди с нар повставали, огонь зажгли в доме, магическое средство сделали, женщине дали. Этот человек к своей наре пошел, лег. Эта женщина и эти люди уснули. Этот человек думает: «Если я умру, то непременно возьму ее, но я живой брать ее не стану». Эти люди все еще не видят его. Этот айну из дому вышел, суку отвязал, к вешалам пошел. Большущих юкалы две взял, за пазуху положил. Свою суку за ремень державши, тем же путем домой возвратился. В свою деревню пришел, новости рассказал, своему отцу юкалу хотел показать, за пазуху полез, вместо юкалы кислицы корень взял. (Юкала, взятая в загробном мире, не пригодна, на нашей земле она превращается в кислицу. Так же как соболя из верхнего мира превращаются в среднем мире в кору.) Через три дня этот человек умер».

Из этой легенды мы видим, что жизнь умерших, по представлению гиляк, ничем не отличается от жизни на земле. Люди там так же женятся и рожают. Умершие жена или муж дожидаются в деревне мертвых своего супруга с тем, чтобы продолжить там совместную жизнь, начатую на земле. Если супруг, оставшийся в живых, выходит замуж или женится, то этим самым он дает возможность умершему найти себе в загробном мире достойную пару. Мертвецы в селении мертвых живут такими же родами, какими живут здесь на земле. Умерший гиляк уходит в род своих умерших сородичей-предков и там в кругу родных продолжает свою жизнь[1].

Этим я разрешаю себе окончить изложение части собранных мною легенд и представлений гиляк о природе, ее строении и явлениях, о духах, имеющих антропоморфный облик и населяющих небо, землю и подземный мир, о сексуальных связях духов и животных с гиляками, о хозяине моря, о происхождении людей и животных и т. д., надеясь в будущем дать более детальное описание религиозных верований гиляк.

Мой первый весьма скромный научный опыт по верованиям гиляк посвящаю светлой памяти моего учителя, профессора Л. Я. Штернберга, который первый положил основание глубокому и всестороннему изучению гиляк.

---

[1] См. также Л. Я. Штернберг, Гиляки. Оттиск, стр. 76.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ПЛАНУ УСТРОЙСТВА ЭКСПЕДИЦИЙ В ПОЛЯРНОЙ ЗОНЕ

В. Г. Богораз-Тан (Ленинград)

После XXIII международного конгресса американистов, в конце сентября 1928 года, в Нью-Йорке, в помещении Американского музея естественных наук состоялось Международное совещание по плановому устройству этнографических и археологических экспедиций в кругополярной и субарктической зоне земного шара.

В совещании участвовали представители:

1) Соединенные штаты Нью-Йорка: Clark Wissler, от Вашингтона: Ales Hrdlicka, 2) Канада: Diamond Ienness, 3) Дания: W. Thalbitzer, Kaj Bisket Smitt, Terkell Mothiassen, 4) Швеция: Erland Nordenskiöld (временно), представителя Германии по изучению северной зоны не было, 5) от СССР был профессор В. Г. Богораз-Тан, командированный Всесоюзной академией наук.

Помимо того несколько крупных ученых участвовало в совещании на правах консультантов.

Совещание имело информальный характер, так как представители различных стран не пришли к окончательному соглашению. Был, однако, набросан проект резолюции двумя датскими представителями, Биркет Смитом и Матиаесеном. Однако обсуждение этой резолюции отложено до 24 конгресса, имеющего состояться в 1930 году в Гамбурге.

В суждениях указывалось, что на топографической карте Севера слишком много «белых пятен», т. е. неисследованных областей.

Датские делегаты, представлявшие пятую экспедицию Thule 1921—1924 годов (исходным пунктом этих пяти экспедиций был поселок Thule в Западной Гренландии, а последним пунктом—мыс Дежнева в Азии), упорно отстаивали право ученых экспедиций работать в областях других государств. Представитель Канады, однако, возражал против этой настойчивости.

Датская экспедиция, по его словам, сняла сливки со всей полярной Канады и Северной Аляски; между тем Канада могла бы устроить

свою собственную экспедицию. Вашингтонский представитель высказывал горячее желание снарядить археологическую экспедицию на с.-в. оконечность Сибири. Проф. Богораз, естественно, возражал против этого, указывая на то, что изучение русских областей может быть произведено силами русских ученых. В конце концов согласились на том, что какая страна будет устраивать свои собственные экспедиции; иностранные же ученые могут быть включены в качестве отдельных участников, или, самое большее, в виде небольших групп.

Было выражено пожелание устроить более полный контакт между различными группами полярных этнографов и высказывалось пожелание, чтобы был издаваем международный бюллетень кругополярных этнографических экспедиций.

Весьма вероятно, что это издание будет предпринято в 1930 году, после очередного конгресса, который соберется в Гамбурге.

Большой интерес возбудили работы по полярной археологии, которые до сих пор производятся отрывочно и редко.

В северо-восточной Азии некоторые раскопки были произведены еще бароном Врангелем и экспедицией «Вега» Адольфа Норденшельда.

(Hrdlic̆ka) представил XXIII конгрессу ряд предметов весьма интересных, но разрозненных, приобретенных покупкой от различных азиатских туземцев, приморских чукоч и эскимосов.

Совещание выразило пожелание, чтобы раскопки в указанных областях производились учеными по установленным правилам.

В Америке датская экспедиция произвела ряд весьма важных археологических исследований, обнаружив в различных развалинах эскимосских поселков следы более древней эскимосской культуры, которая отличается от современной орнаментом, типом орудий и пр.

Эта древняя эскимосская культура, повидимому, связана с Азией.

В 1926 году проф. Биркет Смит приезжал в Ленинград для обозрения эскимосских и чукотских коллекций в Музее Академии наук и в Русском музее со специальной целью найти именно здесь связи с вышеуказанной древне-эскимосской культурой.

Отсюда вытекает первостепенная важность археологических исследований в чукотских и эскимосских поселках в северо-восточной Азии. Можно полагать, что и здесь будет найдена более древняя культура, сходная с американской, и, таким образом, вопрос о связи между Азией и Америкой получит новое наполнение и, быть может, приблизится к решению.

Из вышеуказанного видно, что совещание проявило вообще большой интерес к областям СССР.

Сообщалось, например, что датская экспедиция, в лице ее начальника д-ра Расмусена, делала неоднократные попытки перебросить свои партии с американского берега Берингова пролива на берег СССР.

В 1924 году такая попытка не удалась, и датчане не имели возможности высадиться на азиатский берег, но в 1925 г. одна из партий все же провела некоторое время на мысе Дежнева.

На совещании были предложены денежные средства для устройства иностранных экспедиций в с.-в. сибирские области, вполне самостоятельно или совместно с учеными из СССР.

Проф. Богораз твердо отстаивал иную точку зрения и говорил, что области и народы СССР должны быть изучаемы усилиями наших собственных ученых. Говорил о том, что в последние годы, начиная с 1925 года, это изучение производится в плановом порядке и в размерах все более широких, указал, что три учреждения Академии наук: МАЭ, КИПС и Якутская комиссия (тоже связанная с Академией наук) произвели ряд исследований, покрывающих все вышеуказанные белые пятна.

Также и настоящее время работают на севере следующие отряды: 1) Чукотско-эскимосская экспедиция МАЭ, 2) Кетская (Енисейская) экспедиция, МАЭ, 3) Северно-эмальская—большая сводная экспедиция Ленинградского филиального отделения комитета севера. Помимо того ряд отрядов Якутской экспедиции работают в Верхоянском и Колымском округах. Такая же исследовательская работа проводится и другими научными учреждениями: из Ленинграда—Этнографическим отделом Русского музея, Ленинградским филиальным отделением комитета севера, Этнографической экскурсионной комиссией геофака ЛГУ, а из Москвы—Музеем народоведения и Центральным комитетом севера.

В ближайшее пятилетие мы совершенно покроем все эти белые пятна этнографическими экспедициями, организованными обособленно или комплексно с естественно-научными отделами.

В частности проф. Богораз указывал на важность изучения смешанных, смычных народностей, как долганы на северной тундре между Енисеем и Леной, сибирские турки в Алтайской и Саянской областях, тунгусо-манчжурские народности к югу от Амура (орочи, удэхе); наконец, остяко-самоеды на Тазовской тундре и на восточных притоках Оби и северные самоеды-юраки на полуостровах Я-Мал и Таймыр. Эти народности и представляют вышеуказанные белые пятна, которые будут покрыты в ближайшем будущем.

Этими объяснениями совещание удовлетворилось; оно отнеслось с интересом и сочувствием к рассказу о новой культурной работе, с которой переплетается на севере наша научная работа. Однако некоторые ученые выразили опасение, что древняя культура и даже

языки на севере будут исчезать, и что поэтому необходимо как можно скорее сделать соответствующие записи, чтобы предохранить их от забвения. Надо указать, что на такую же точку зрения стала группа французских этнографов и лингвистов после сообщения о русских работах, сделанного проф. Богоразом в ЛИФА (l'institut français d'anthropologie) в Париже, на обратном пути из Нью-Йорка в Ленинград. Особенно сокрушался по поводу предстоящего исчезновения северных сибирских языков известный профессор-лингвист (Meúllex). Проф. Богораз должен был сказать, что при всем научном интересе к северным народностям мы не собираемся консервировать их древний быть; что же касается языков, то мы, напротив, развиваем их и переводим в письменное состояние.

Вторая часть совещания была посвящена вопросу об опубликовании собираемых и собранных материалов. В этом отношении русский делегат занимал менее выгодное положение. Датская экспедиция деятельно публикует свои материалы. Материалы первых четырех экспедиций большей частью опубликованы, материалы пятой экспедиции рассчитаны на 12 томов; том 1-й—топография и геология, 2) ботаника и зоология, 3) физическая антропология и лингвистика, 4) археология центральные эскимосов, 5—9), этнология центральных эксимосов, 10—12) археология и этнология западных эскимосов. Каждый том должен состоять из ряда выпусков. Несколько выпусков уже вышли в свет. Они снабжены обильными иллюстрациями в тексте и таблицах. Точно так же опубликованы материалы, собранные в Лабрадоре, в области Мекензи и на Аляске канадскими и северо-американскими учеными.

Проф. Богораз со своей стороны мог указать только на труды Якутской комиссии, которые, однако, до сих пор, несмотря на свою важность, еще не включили материалы, относящиеся к полярным племенам. Относительно материалов тунгусских и палеоазиатских русский делегат мог только выразить надежду, что они будут опубликованы в ближайшем будущем. Сюда относится большой тунгусский сборник, предположенный к изданию Академией наук СССР, включающий тексты и грамматические очерки мало исследованных диалектов, например негидальского и северо-ламутского.

Большой интерес проявило совещание к материалам по кетскому языку, собранным германским ученым работником д-ром Финдейзеном и ныне собираемым Н. К. Каргером, работником енисейской экспедиции Академии наук.

Совещание возбудило также вопрос о том, на каких языках будут печататься собранные материалы, и высказало пожелание, чтобы хоть наиболее важная часть была опубликована на одном из трех общедоступных европейских языков. Профессор Богораз сказал, что материалы, разумеется, будут печататься по-русски, а также на

туземных языках СССР, поскольку это представится возможным. Тексты будут печататься латинской шкалой с соответственными изменениями. Было высказано мнение, что русский язык непонятен для иностранцев. По этому поводу профессор Богораз возразил, что иностранным ученым следует учиться русскому языку, и чем скорее это будет организовано в достаточных размерах, тем будет лучше для международного взаимного понимания. Впрочем, он указал, что при русских научных изданиях, особенно академических, печатается сокращенное изложение на одном из иностранных языков.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ГОЛЛАНДСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Л. Мерварт (Ленинград)

Голландия лежит совершенно в стороне от большой дороги политической жизни Европы. Это помогло ей уберечь чрезвычайно много старых нравов и обычаев и сохранить нетронутой большую долю своей материальной культуры. В продолжение долгих лет народная жизнь Голландии не привлекала внимания пытливого исследователя. Это отчасти происходило потому, что разница в образе жизни различных слоев голландского народа была значительно меньше, чем в большинстве других европейских стран. За последние несколько десятилетий, так же как в остальном мире, и в Голландии народилось изучение своей собственной этнографии, то, что немцы называют Volkskunde, а мы отмечаем новым словом краеведение. Правда, краеведение есть понятие более широкое, чем Volkskunde, ибо покрывает не только изучение человека, но и природы края. Я не буду сейчас излагать историю краеведения Голландии. Я хочу ограничиться только описанием расцвета этой науки в Голландии в течение последних десяти лет и притом в значительной степени трудами и энтузиазмом одного человека D. J. van der Ven'a.

В 1912 году по инициативе архивария г. Хаттем F. A. Hoefer'a в Арнгеме образовался союз «Нидерландский музей на открытом воздухе». В этот союз вошли лица из всех 11 провинций Голландии, в том числе и бывший тогда еще совсем молодым человеком, D. J. van der Ven. Целью этой организации было создать национальный музей, отражающий быт голландского народа (приблизительно в таком роде, как его отражает Русский музей). Основатели этого союза воодушевлялись примером Швеции и других Скандинавских стран, уже давно внимательно изучающих свой народ и создавших грандиозные музеи на открытом воздухе. Музей на открытом воздухе отличается от всякого иного тем, что представляет собою не здание, в котором собраны предметы быта, мелкие в натуральную величину, а крупные, как, напр., жилища, в моделях; музей на открытом воздухе есть парк или иное открытое место, на котором все предметы быта, включая самые крупные, устанавливаются в подлинниках. Для этого на отведенное для музея место перевозятся типические здания, в которых

протекает жизнь народа, как жилища со всеми службами, здания, отведенные для какой-нибудь специальной деятельности, напр. мельницы, мастерские для кустарных промыслов и пр. Эти строения устанавливаются со всем их инвентарем на отведенном им месте музейного парка и по возможности окружаются соответствующей им в действительности обстановкой (колодца, изгороди, садики и т. п.). Таким образом зритель просто как бы в отсутствие хозяев заходит в их дом, в место их деятельности и может знакомиться с их жизнью наиболее удовлетворительным способом. Конечно, в таком парке должны бы устанавливаться и здания, удовлетворяющие потребности духовной культуры народа, как театральные и другие зрелищные постройки, храмы, школы. Этих последних в голландском национальном музее еще не имеется. Такие музеи на открытом воздухе суть музеи открытого выставления без всякого застекления или иной защиты от некультурного посетителя. Они, как, напр., шведский музей Скансен около Стокгольма и Нидерландский музей в Арнгеме, являются национальным имуществом, и предполагается, что вся нация, т. е. все посетители в не меньшей мере, чем самая администрация музея, заботятся о неприкосновенности и сохранности выставленных предметов. Не привыкшему к такому отношению, русскому посетителю даже трогательно читать, например, у входа в знаменитый музейный сад парижского Musée de Cluny надпись, гласящую, «что все выставленные в нем экспонаты есть собственность народа, и народ озаботится сбережением этого своего богатства». Во всем саду нет ни одного сторожа, и даже дети не пытаются забежать на траву или влезть на находящиеся в саду статуи, цоколи и руины.

Свой национальный быт,—своеобразная постройка жилища, национальная одежда и в особенности головные уборы, веками установившийся образ и характер деятельности: рыболовство, сыроварение, земледелие на полях, лежащих ниже уровня моря, легко затопляемых и нуждающихся в осушении,—все это настолько еще живо в Голландии, настолько является ежедневной жизнью, что проходит почти незамеченным для самих туземцев. Изучение этнографии своего родного края обычно является результатом начавшегося умирания ее, по крайней мере в отдельных кругах населения, прежде всего тех, которые изменили свой образ жизни, т. е. городских. Но в Голландии городская культура насчитывает уже много столетий и в свою очередь успела уже образовать свою собственную этнографию. Эта городская культура возникла в то время, когда и горожанин строил для себя непременно отдельный дом с отдельным двором и садом. Правда, ввиду дороговизны и недостатка земли внутри пространства, защищенного городской стеной, городской дом рос в вышину. Не редкость встретить в Гааге или Амстердаме дом в два и даже в одно окно по фасаду, но в пять, шесть и даже семь этажей вышиною.

Нижний этаж такого дома является основным жилым помещением, соответствующим жилому помещению сельского дома. Так же как и сельский дом, эта нижняя комната имеет два противолежащих выхода: один на улицу или в палисадник, отделяющий дом от улицы, другой во двор или сад, заменивший двор в городах. Город, состоящий из односемейных домов, гораздо меньше отличается от деревни, чем современный город квартирных и даже комнатных домов. В Голландии только за последние два десятилетия начали строиться большие дома общеевропейского типа, да и то лишь в немногих главных городах. Правда, в этом отношении Голландия сразу же пошла по совершенно новому пути. Так, напр., г. Амстердам в течение последних семи лет построил целые громадные части города из домов предназначенных для рабочих, другие для среднего технического персонала, опять иные для высшего технического персонала и лиц свободных профессий. Фасады этих домов до такой степени подчиняются общей выработанной архитектуре площади или улицы, что нет возможности определить, где один дом кончается, а другой начинается. Внутри же эти дома разделены на совершенно отдельные квартиры, замкнутые в себе и удовлетворяющие потребностям того класса населения, для которого они предназначены. Эти квартиры имеют и воспитательное значение, ибо потребности населяющих их людей определены выше, чем имеющиеся в действительности. Все квартиры снабжены обязательно ванной с проведенной горячей и холодной водой. Вначале в городское управление, строившее эти дома, посыпались жалобы от вселяемых в них рабочих, в особенности чернорабочих, недавно прибывших из деревни, на то, что ванна даром отнимает место. Применение для нее находили лишь женщины, имевшие младенцев. Удобство купания детей — отсутствие необходимости греть воду, таскать ее с плиты в ванночку или в корыто, вычерпывать и выносить грязную воду — все это привело к тому, что детей продолжали купать и тогда, когда они выходили из младенческого возраста. Таким образом прежде всего все дети насельников новых домов приучились к постоянному теплому купанью, а за ними в значительной мере их родители. Правда, старшее поколение и теперь еще часто держится старого церковно-католического взгляда, что грешно мыть тело. Но наличие удобных ванн в квартире в большей степени, чем

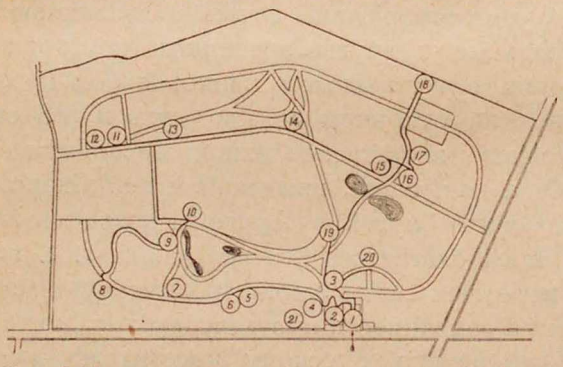

Рис. 1. План музея на открытом воздухе. Arnhem. Голландия.

антицерковная пропаганда, широко распространяющаяся во всех фабричных городах мира, воспитывает в населении навыки личной чистоплотности. Одним словом, новый стиль жилища создает новый быт, сильнее разнящийся от крестьянского быта, чем старинный односемейный дом голландского города.

Другой причиной начинающегося отмирания городской этнографии является текучесть населения больших городов, связанная с разрастанием фабричного дела. Старые семьи, много поколений живущие в одном и том же городе, также крепко содержат традиции, как и в общем мало подвижное сельское население. Напр., город Лейден, старинный университетский городок, большая доля промышленности которого является промышленностью высококвалифицированного рабочего, как, напр., мебельная, производство точных инструментов и приборов, типография,— город этот и поныне сохраняет свой старинный уклад жизни. Вот образчик. Уже с половины сентября в окнах магазинов готового платья появляются старинные испанские и голландские костюмы XVI века, в оружейных магазинах—оружие того же времени и т. д. Это все приготовления к ежегодно повторяющемуся празднованию снятия испанской осады во время героической борьбы Нидерландов с Испанией. В этот день инсценируется торжественный вход нидерландских войск в город, отступление испанцев, историческим путем по каналам приплывают к ратуше старинной формы лодки и на них привозятся соленая рыба и хлебы формы, принятой в XVI в., выпекаемые только для этого дня. Эти хлебы и рыба раздаются населению в память первого подвоза съестных припасов, привезенных катвейкскими рыбаками, прорвавшимися ночью на своих лодках сквозь осаду. В этом праздновании принимают участие все горожане в соответствующих одеждах сообразно своим средствам. Богатые купцы являются одетыми в бархатные и шелковые камзолы и плащи, в бархатные береты с перьями. Не отстают от них и семьи университетских ученых, ибо в Голландии ученые принадлежат к весьма зажиточному классу. Всякая барышня из магазина, каждый типографский ученик, школьники,—одним словом, все население города, нарядившись хотя бы в старинную грубую ситцевую одежду рыбаков, при-

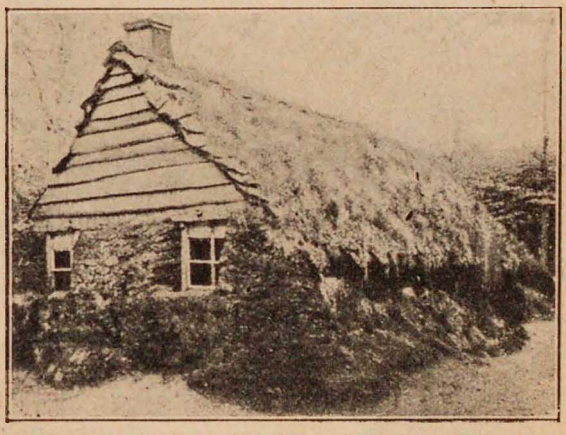

Рис. 2. Изба из дерна, нарезанного пластинами. Дер. Onstwedde. Groningen.

нимает деятельное участие в этом празднестве. Во всех старых семьях хранятся из года в год одеваемые в этот день костюмы, часто перешедшие в наследство от дедов и прадедов.

Такого рода исторические процессии и уличные инсценировки существуют по всевозможным поводам и в других старых городах и местечках Голландии. Иными словами, город, имеющий старые сложившиеся традиции, является не только разрушителем старых сельских пережитков, но и создателем новых этнографических особенностей, присвоенных его собственному быту. С увеличением фабричной жизни городская этнография умерла бы естественной смертью, как это происходит в большинстве других стран. Обычно этнография дольше переживает себя в материальной культуре, чем в духовной, как и вообще внешнее дольше, чем внутреннее. Форма живет дольше, чем содержание, поэтому старинные обряды и церемонии вымирают раньше, чем выходят из употребления связанные с ними предметы. Голландские этнографы и краеведы задались целью сохранить эти свои обычаи. Этому служат ассоциации, подобные союзу Het Nederlandsch Volk, или Обществу Нидерландского музея на открытом воздухе, устройство крупных исторических народных торжеств, связанных с выставками, кинематографическая съемка и широко распространенная демонстрация этих фильм, сопровождаемая соответствующими лекциями не только в больших городах, но и в небольших селах Голландии, и в особенности внимательная поддержка старых обычаев в сельских местностях. Другими словами, этнографы взяли на себя в Голландии не только изучение родного быта, но и сохранение его, где возможно. В такой культурной стране подобный консерватизм не ведет ни к какому мракобесию, ибо и этнографы учитывают неизбежность для многих старых обычаев отмереть при наступлении нового быта. Они, однако, взвешивают в каждом отдельном случае уравновешивает ли благо, могущее получиться от нового, потерю от старого. И в том случае, если новое оказывается полезнее, то устремляется особенное внимание на предварительное собирание и зафиксирование имеющего погибнуть. Так, напр., в настоящее время Нидерланды осушают и превращают в полезную землю громадный

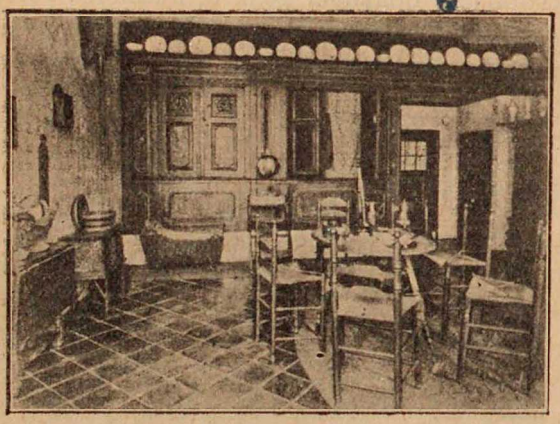

Рис. 3. Чистая горница деревенского дома. Фрисландия. дер. Hindelnpen.

глубоко вдавшийся внутрь страны морской залив, носящий название Zuidersee — Зюдерзе. Таким образом государство увеличивает свою территорию почти на одну четверть. Единовременно оно превращает рыбаков, живущих по берегам и островам Зюдерзе, в земледельческое население. При переходе на новый хозяйственный быт, конечно, погибнут этнографические особенности прежнего рыбачьего. Кроме того островки, лежащие в Зюдерзе, живя чрезвычайно замкнутой жизнью, сохранили многие исключительные по древности особенности. Таковы, напр., свайные постройки, искусственное изменение формы головы у детей, одинаковость одежды мальчиков и девочек до семилетнего возраста и т. п. на острове Маркен. Когда острова перестанут быть островами, то скоро сгладится их отличие от окружающих деревень. Осушение Зюдерзе будет закончено через десять лет, и поэтому в настоящее время очень большое внимание обращено на собирание и изучение этнографии этого района.

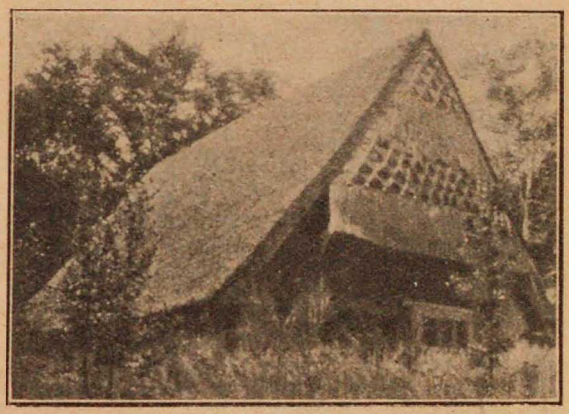
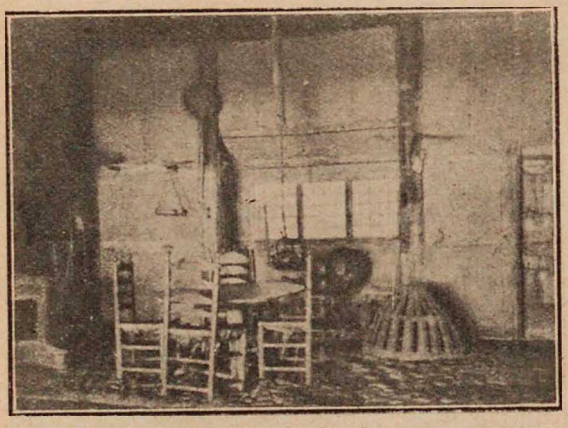

Рис. 4. Крестьянская изба. Дер. Beuningen. Overijssel, Голландия.

Литературы, посвященной голландской этнографии, еще очень немного, однако следует отметить работу J. Ichrijnen, Nederlandsche Volkskunde в двух томах, вышедшую перв. изд. в 1915 и вторым изданием в Зютфене в 1922 г. и особенно роскошное издание D. J. van der Ven, Neerlands Volksleven, вышедшее в Зальт-Бомеле в 1920 г. Кроме этих двух работ общего характера имеется ряд трудов по отдельным вопросам, как исследование по наследственному праву у крестьян van der Blom'a, Uilkema; Het friesche Boerenhuis, фризский крестьянский дом, 1916 г. D. J. van der Ven, Kermis viering in Laag — Keppel en Hummelo, Doetinchem 1925, его же Gelderlant 3 т., его же в серии Onsmooi Nederland, Limburg, Utrecht, Het Gooi, Noord-Brabant, Nederlandsche torens Bloemen — Als onzewilde planten vertellen Konden van Volksgewoonten en volksgeloof plantlore. Чрезвычайно ценными являются посвященные в значительной степени этнографии журналы—«Человек и общество»—Mensch en Maatsihappiy, выходящий в Амстердаме, и «Вопросы времени»—Vragen des Fijds.

В этом последнем в особенности сосредоточены работы различных местных людей, врачей, сельских учителей и т. д., почему он сильно напоминает наши краевые журналы. Это в значительной сте-

пени орган союза Jlet Nederlandsch Volk. Этот союз имеет свои отделения во многих крупных городах. Правда, Голландия так невелика (самое далекое расстояние не превышает пяти с половиной часов езды по железной дороге), что на общие собрания и даже на собрания секций члены съезжаются со всех концов страны. Эта организация в значительной степени напоминает наши краеведческие организации, ибо интересуется не только этнографией, но и фольклором, и антропологией, и историей, и археологией. Благодаря энтузиазму нескольких ее членов она охватывает в настоящее время очень широкие слои общества, собирает и записывает материал по всем своим секциям. Близко к ней стоит также Общество Openlucht Museum, музей на открытом воздухе.

Жилая часть крестьянской избы. См. № 4. Дер. Beuningen, провинция Overijssel, Голландия.

D. J. van der Ven, Erven Dörens и др. сумели так заинтересовать страну своим начинанием, что в музей отовсюду стали стекаться пожертвования и притом довольно крупного размера, напр. в 1920 г. музей получил каменную мельницу чрезвычайно старинного типа в 26 *м* высотой. Одна только перевозка и вновь установка этой мельницы на территории музея обошлась в 80 000 гульденов. Это не представило для музея затруднений, ибо и эта сумма была ему также подарена. Общество задалось целью создать не только музей, в котором будут храниться предметы этнографического характера, но и хранилище народных обычаев. На территории музея устроен большой естественный театр под открытым небом. На громадном пространстве, отведенном под сцену, каждые три года устраиваются инсценировки обрядов, связанных с разными сторонами народной жизни, причем артисты являются обычными участниками таких обрядов. Приэтом многие из них заснимаются кинематографически.

Вся средняя часть музейного парка занята громадным лугом, на котором протекают в дни народного празднества, повторяющегося каждые три года, всевозможные увеселения самого этнографического характера: народные пляски, игры и всевозможные состязания.

Общество Нидерландского музея на открытом воздухе, организующее в парке музея эти национальные празднества, выдвинуло из своей среды в качестве руководителя их D. J. van der Ven'a, который

заботливо собирает по всей Голландии людей, знающих всевозможные местные пляски и игры, свозит их ко дню праздника в музей и организует с их помощью на лугу музея такие игры. Этим способом он не только поддерживает память о них, не только повышает уважение к ним, но и распространяет знакомство с ними среди соотечественников, съезжающихся со всех концов Нидерландии на это торжество. Таким образом краевая голландская этнография создала себе центральное место для собирания и хранения не только предметов материального быта, но и обрядов, обычаев, увеселений и игр. Краевой этнографией приходится назвать голландскую этнографию оттого, что она является этнографией одного небольшого района германского народа. Если мы говорим о краевой этнографии северо-западной области или пермщины или даже хотя бы Костромской губ., то Голландия, занимающая пространство меньше Костромской губ., и в расовом, лингвистическом, антропологическом, этнографическом и географическом отношениях так близко стоящая к северной Германии, с одной стороны, и к Рейнской области—с другой стороны, в русском масштабе, должна считаться не столько страной, сколько краем.

Изучение голландской этнографии и носит характер краеведческой деятельности, ибо к работе привлекаются по возможности представители всех слоев общества, отнюдь не только ученые или специалисты. В связи с этим хочется привести следующие, можно сказать, программные слова Van der Ven'a: „Будем же прежде всего ценить серьезное любительство как самую желательную силу, в особенности для создания и процветания Нидерландского музея на открытом воздухе. Будем помнить, что на поприще национального исследования Нидерландов, если мы желаем достичь в нем действительно великих результатов, необходима самоотверженная помощь сотен, моральная и денежная помощь тысяч людей".

Со всех концов Голландии постепенно начинают поступать Van der Ven'y описания обычаев и старых обрядов, фотографии и самые предметы, связанные с бытом, ибо каждый посылающий всегда встречает совершенно непривычный для голландца горячий отклик. Правда, эти поступления еще далеко не приняли характера постоянного потока, интеллигентные и наличие этих организаций дает возможность в общегосударственном масштабе направлять и руководить этнографической работой. Единовременно эти краеведческие организации делают возможным не только планомерное собирание музея, но и всестороннее изучение отдельных этнографических проблем. Фрисландия, Зеландия, Дренте, Утрехт, Лимбург, Гронинген, Северная Голландия, Южная Голландия, Северный Брабант, Оверейзель — 11 голландских провинций. Каждая из них имеет свои особенные обряды и обычаи, и краевые организации не только собирают и записывают их, но вызывают

к ним интерес и поддержку. Van der Ven и другие члены общества Нидерландского народа старательно привлекают в состав краевых организаций людей, наследственное участие которых в различных обрядах необходимо, напр. в провинции Лимбург в селении Хуммело во вторую среду сентября месяца ежегодно справляется древнее празднество сохранения земле плодородия. К этому дню уже заканчивается жатва во всех видах. В церкви Гуммело хранится из года в год высокий шест, увенчанный железным крестом в круге, на вершине которого свободно ставится деревянная фигура петуха. Общество гуммеловских конных и пеших стрелков несет этот шест в процессии к замку Енхойзен, наследственному жильцу графов van Rechteren, владельцев Гуммело. На лужайке перед замком местный священник благословляет шест, петуха и стрелков. Затем шест выносится на поля. Посреди одного из сжатых полей он втыкается в землю, с креста свешивается на ниточке железное колечко, и общество стрелков разделяется на пеших и конных. Конные одеты в свое обрядовое платье: белые панталоны, белую шапку и праздничную куртку. В левой руке они держат деревянные копья, украшенные спиральным узором из двух параллельных линий, красной и желтой. Эти копья — собственность графов van Rechteren, и сам граф, а если есть, то старший сын, выдает их стрелкам еще накануне, в то время как графиня или ее старшая дочь раздает всем стрелкам оранжевые шнуры и ленты, из которых они делают себе аксельбанты и которыми украшают поводья, подпруги, уздечку своих лошадей, копья и луки. Верховые стрелки состязаются в срывании на всем скаку деревянным копьем свешивающегося с креста железного кольца, заменившего собой древний венок, растительный символ плодородия. Пешие стрелки стреляют из луков в деревянного петуха. Тот, кто сорвал кольцо, и тот, кто сбил петуха, со своей добычей едут верхами на графский двор, захвативши с собой каждый свою подругу. Это короли и королевы празднества. Это владельцы (на время) венка — растительного символа плодородия и петуха — животного символа плодородия. Земля — сжатое поле — отдала им свою силу, и владельцы земли графы van Rechteren должны купить ее у них, если они не хотят, чтобы земля их перестала давать им урожай. Графиня лично передает драгоценные призы обоим королям и их королевам, сидящим верхом за ними на тех же лошадях. В обмен на это она получает назад для хранения до будущего года кольцо, петуха и шест с крестом.

Таких обычаев очень много, и Общество музея на открытом воздухе тщательно их поддерживает чрез своих членов. Правда, часто поддержка такого обычая сильно облегчается выгодой, проистекающей из него для участников, напр. обычай mestmaal, навозного обеда, даваемого каждую весну всей своей пастве священником деревни Генголо (провинция Гронинген). В этот день каждый кре-

стьянин привозит пастору для его огорода и сада в дар телегу навоза, и пастор должен отблагодарить общим обедом. Он называется Dank voor Itank — спасибо за вонь.

Для изучения своей этнографии голландские краеведы прибегают в возможно большей мере не только к записям и фотографии, но и к кинематографированию их. Пока что этим, сколько, мне известно, занимается еще только один Van der Ven, но зато он делает это с большим увлечением и очень интересным выбором. Таковы, например, его фильмы „Жатвенные обряды в Нидерландской народной жизни" или „Нидерландская народная жизнь весной и летом". С такими фильмами, представляющими собою подробнейшую засъемку не только обрядов, но и всевозможных областей народного труда и народных увеселений, игр, плясок, хороводов и ритуальных явлений, Van der Ven объезжает буквально села и веси, в особенности те, в которых много сохранилось этнографических особенностей и в которых еще мало или вовсе нет краеведов-собирателей. Он демонстрирует эти фильмы, сопровождая их объяснениями и лекциями. Таким образом он использует кинематографию не только для точного зафиксирования этнографических данных, но и для вербовки работников на этом поле.

К примеру вот в двух словах содержание фильма „Нидерландская народная жизнь весной и летом". Первое отделение содержит празднование весеннего праздника плодородия. Оно приурочено к 18 мая и называется празднование лентяя — luilak, что есть, очевидно, испорченное слово looflak — густая зелень — относится к участвующему в этом празднестве снопу зелени. Ввиду изменения слов looflak в luilak произошло позднейшее народное осмысление самых обрядов, связывание их с ленивыми мальчиками и девочками (или юношами и девушками), которые во время церемоний этого дня всячески понукаются к деятельности. В дальнейшем показаны обряды Троицына дня. Второе отделение дает так называемый праздник майского короля и майской королевы, тесно связанный с стрелковыми обществами. Это тоже один из праздников плодородия. Дальше идут обряды, связанные с праздником „тела господня", 10-й день после Троицы, но самый этнографический праздник бывает в воскресение после этого четверга. Это праздник лежащего в земле зерна. Третье отделение дает праздники летние и связанные с ними обряды. Четвертое есть очень подробная засъемка свадебных обрядов.

Такие подробные засъемки дали возможность Van der Ven'y выступить на последнем съезде Международного антропологического института в Амстердаме в сентябре 1927 г. с предложением организации в Институте международной фильмовой картотеки народных обычаев и обрядов, которая дала бы возможность фактического сравнительного изучения их.

Усилия и энтузиазм членов краеведческих организаций в Голландии и их отзывчивое и внимательное отношение к работе и уклонам интересов краеведов-любителей, т. е. не-специалистов-этнографов, уже вызвали к жизни некоторые чрезвычайно интересные начинания. Напр. в 1916 г. один агроном-инструктор во Фрисландии по фамилии Uilkema выступил с очень интересной работой о фризской крестьянской усадьбе. Работа была сделана в свободные от инструкторских занятий минуты на основании непосредственного знакомства автора с формой и расположением большинства фризских крестьянских дворов. Полученные результаты чрезвычайно сильно разнились с вышедшим в 1908 г. посмертным трудом проф. Gallée, бывшим до тех пор основной работой о нидерландском крестьянском дворе и его обитателях. Теоретические выводы проф. Gallée без дальнейшей фактической проверки были приняты проф. Jos. Schrynen'ом и положены в основу его труда Nederlandsche Volkskunde, Нидерландская этнография. Проф. Gallée принадлежал к венской школе этнографов, подходящей к вопросу о жилище с точки зрения — человек и его обиталище. Агроном-инструктор подошел к вопросу, исходя из принципа— деятельность и ее место. Естественно, что он выдвинул на первое место не жилое помещение крестьянского двора, а его службы и показал как крестьянский двор вырастает, из потребностей своего производства. Так, напр., фризский, так называемый пирамидальный, дом вырос из необходимости охранить от влияния непогоды драгоценный стог сена — сокровище крестьянина-скотовода. Этот стог защищался громадной крышей, поддерживаемой столбами, и около него жалось и стадо и самая семья фриза, и вот для защиты их от дождя и холода пространство между краями крыши и землей забирается досками, досками же заполняются промежутки между столбами, поддерживающими крышу, и вокруг стога образуется коридор. Передняя сторона этого коридора, т. е. одна из четырех галлерей, окружающих стог, служит жильем; правая галлерея используется как хлев; задняя является промышленным помещением, т. е. тем местом, где производятся все работы, связанные с сыроварением, сбиванием масла и пр. Левый коридор имеет большие ворота с обоих своих концов, в них въезжают и выезжают возы, на которых привозится сено с лугов, из этого левого коридора навивается стог — центр дома. В нем же, у наружной стены, хранится не боящееся холода имущество, как телеги, земледельческие орудия и т. д. Таким образом пирамидальный фризский крестьянский дом не есть дом, а целый крестьянский двор под одной крышей. Ясно почему такой двор не нуждается в окружении изгородью, ясно и то почему он строится без фундамента. Ведь стены этого дома не несут на себе тяжести крыши, как это делает сруб наших изб. Они являются только ширмами от ветра и холода. Самый же дом строится прямо вопреки русской пословице о том,

что „негоже строить дом с крыши". Впрочем, от перемены температуры эти легкие стены, ближе всего напоминающие стены наших дач, защищают очень мало. В передней, т. е. жилой части дома большой открытый очаг, выложенный изразцами во избежание опасности пожара, особенно большой от того, что сердце здания занято стогом сена. Вся жизнь семьи зимой жмется к этому очагу. Около него же с обеих сторон построены в стене кровати, напоминающие стенные шкафы, начинающиеся довольно высоко над полом и на ден закрывающиеся совершенно шкафными дверцами. Жилое помещение обыкновенно очень невелико, ибо только у очага тепло. Это обстоятельство делает жизнь в этой части дома летом очень тяжелой. На лето она вся переносится в правый и задний коридоры т. е. в хлев и рабочую часть дома. Весной, после того как скот выходит в поле, он уже не ночует дома, навоз из хлева вывозится в поля, самый хлев тщательно моется, убирается и украшается, вешаются занавесочки на окна и на балки, отделяющие одно стойло от другого. Пол каждого стойла посыпается мелким песком или еще чаще белыми морскими раковинками из которых выводятся затейливые красивые узоры. Стойла фризского дома имеют пол на поларшина выше пола коридора. По коридору постилаются дорожки и в каждом стойле к стене ставятся какие-нибудь красивые вещи. Летний вид стойла — гордость каждого фриза. Он ставит в него старинные дедовские столики, резные стулья, старый дельфтский фарфор, привезенные каким-нибудь матросом-сыном предметы чужого быта из дальних тропических стран, старинную расписанную люльку, затейливый, раскрашенный резной пресс для сыра.

Когда огонь в открытом очаге потух, то и летом можно спать в зимнем помещении, а днем, когда он горит, когда готовится пища, то члены семьи, не занятые ее приготовлением, имеют в своем распоряжении прохладную и нарядную гостиную — коровий хлев.

Другие типы нидерландских жилищ, так же как фризские, выросли из потребностей своей деятельности. Сам того не зная, Uilkema независимо пришел к принципу, нашедшему свое выражение в работах так называемой Брауншвейгской школы этнографов, принципу — деятельность и ее место. Работа Uilkema так ясно показала необходимость основательного пересмотра всей проблемы о нидерландском доме и в то же время так ярко продемонстрировала, что для решения этого вопроса необходимо участие работников на местах, т. е. краеведов, что Общество нидерландской письменности (одна из организаций, принимающих деятельное участие в изучении голландской этнографии) в декабре 1919 г. поручила Uilkema работу большого национального значения, а именно „исследование истории крестьянского двора в Нидерландах в его различных типах, истории этих типов и их взаимного родства и различий". В помощь Uilkema создана

комиссия из девяти крупнейших голландских специалистов в области истории, экономики, права и архитектуры. Члены этой комиссии являются представителями ряда крупных организаций. В их числе имеется и представитель общества нидерландского Музея на открытом воздухе. Средства для этой этнографической работы в государственном масштабе даются государством, которое первое в начале 1920 г. ассигновало на это дело 1750 гульденов ежегодно. Следом за государством целый ряд учреждений таких, как королевский Нидерландский агрономический комитет, провинциальные агрономические организации и агрономические высшие школы, передают на это дело Обществу нидерландской письменности ежегодную субсидию.

Так, краеведение в Голландии в настоящее время разными способами стремится собрать, зафиксировать, поддержать и во всяком случае исследовать все стороны духовной и материальной культуры своего народа; так, словами Van der Ven'a „могут все образованные люди Нидерландов участвовать в собирании такого всеобъемлющего и разнообразного материала для изучения культурной истории нашего народа. Тогда станет возможным, что позднейшие поколения не будут только слепо таращить глаза на славу одиноких гениев прошедших времен, но будут видеть, что это был наш народ, который их вынес и держал наверху. Тогда само собой явится понимание того, что достижения прошлого не есть результат творчества немногих одиночек, но что сам народ создает основное здание всякой культуры".

МЕТОДЫ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРАВА

А. М. Ладыженский (Ростов-на-Дону)

В настоящее время в разных частях СССР усиленно изучают юридические обычаи. Так, напр., при Всеукраинской академии наук имеется особая Комиссия обычного права под председательством акад. И. А. Малиновского и проф. А. Э. Кристера. Она уже напечатала три тома своих трудов. Обычное право кавказских горцев изучают Дагестанский, Северо-Осетинский и Краевой северо-кавказский горские научно-исследовательские институты. Северо-кавказский институт издал три книги своих Бюллетеней и Трудов. Всесоюзная и Всеукраинская ассоциации востоковедения заняты исследованием обычного права Советского Востока. В „Новом Востоке" и в „Східном Світі" печатаются статьи об обычаях разных восточных народов нашего Союза. В. А. Танаевский и Н. Н. Павлов-Сильванский изучают обычное право русских. Статьи первого из них о юридических обычаях крестьян Вятской губернии представляет большой интерес. Второй ведет чрезвычайной обстоятельное исследование. Все эти работы ставят на очередь вопрос о методах этнологического изучения права, вопрос, который теперь живо обсуждается в западноевропейской литературе.

До недавнего времени в сравнительном правоведении господствовало натуралистическое направление, наиболее выдающимся представителем которого был Альберт Герман Пост. В работах „Природный закон права", „Введение в естественную науку о праве", „Кирпичи для общего учения о праве на сравнительно-этнологической основе", „Основы права и история его развития на социологическом базисе", „Введение в изучение этнологической юриспруденции", „Учение об эволюции семейного права", „Этнологические размышления", „Основы этнологической юриспруденции" [1]) он доказывает, что

[1]) Albert Hermann Post, Das Naturgesetz des Rehcts, Bremen, 1866. Einleitung in eine Naturwissenschaft des Rechts, Oldenburg, 1872; Bausteine für eine allgemeine Rechtswissenschaft auf vergleichend-ethnologischer Basis, Oldenburg, 1880; Die Grundlagen des Rechts, und die Grundzüge seiner Entwicklungsgeschichte. Leitgedanken für den Aufbau einer allgemeinen Rechtswissenschaft auf sociologischer Basis, Oldenburg, 1884; Einleitung in das Studium der ethnologischen yurisprudenz, Oldenburg, 1886; Studien zur Entwicklungsgeschichte des Familienrechts, Oldenburg und Leipzig, 1889; Ethnologische Gedanken in „Globus", Bd. 59, 1891.

первобытное право возникает с чисто натуралистическою необходимостью из природы людей из их естественных, общих всем племенам и народам инстинктов и потребностей (завладения, сбережения, размножения и т. д.) и что, следовательно, у всех первобытных народов право более или менее однородно. „Сравнительно-исторический метод,— пишет Пост,— установил далеко идущее сходство правовой жизни всех народов, и это сходство обусловливается не столько влиянием одного народа на другой, сколько одинаковостью человеческой природы“ (Пост, Основы этнологической юриспруденции, Ольденбург, 1894, стр. 4). „Единство человеческой природы проявляет при этом в прямо-таки поразительной степени и достойно внимания, что к тому самому времени, когда мировой оборот начал связывать друг с другом народы всего земного шара, наука открыла, что существуют общие обязательные для всего человечества законы“. Здесь вновь возрождается школа так наз. естественного права в классическом своем проявлении. Стремление мыслителей XVII в., авторов т. н. социальной физики, социального натурализма получает в этой точке зрения резкое свое проявление. Это в корне антиисторическая точка зрения: „Для меня совершенно безразлично,—пишет цитируемый автор,—в какое столетие действовали те или иные нормы обычного права, так как хронология имеет значение только при изучении развития в пределах отдельных этнических групп, но отнюдь не для общего учения о жизни народов“. Не хронологический, а сравнительно классификационный метод предлагает названный автор. Разные народы,—говорит он,—проходят одни и те же ступени развития в разные эпохи, но все они с естественной необходимостью должны пройти эти ступени. Этнолог-правовед должен сравнивать юридические обычаи народов, проходящих одну и ту же ступень развития. Учение о стадиях социального развития, которые с естественной необходимостью проходят все племена, усиленно защищал в русской литературе М. М. Ковалевский. Эта точка зрения основана на контовском позитивизме с его учением о стадиях общественного развития. В настоящее время она имеет все менее и менее сторонников. Известно, что даже т. н. основные периоды развития — охотничий, скотоводческий и земледельческий — проходили далеко не все народы. Так, напр., американские дикари прямо перешли от охотничьего периода к земледельческому. Единственным прирученным животным у них была собака. Весь скот, который теперь есть в Америке, произошел от привезенного туда европейцами. Собака же—это животное, прирученное человеком еще в древнейшие времена. Можно сказать, что собака вывела человека в люди. Она оберегала его от диких зверей и помогала охотиться, когда у человека не было еще никаких охотничьих орудий. Сами же американцы не приручили, кажется, ни одного животного. Не все народы знали земледелие. Так, некоторые кавказские

горцы от скотоводства непосредственно переходят к ремесленному производству ввиду того, что сеять что-либо в их местах нельзя. Стадии развития общества не обусловливаются природой человека, а проходятся в зависимости от условий производства. Изучать „стадии" вне экономических отношений значит смешивать чрезвычайно разнородные явления. Так, напр., Пост пишет: „У всех народов земного шара мы находим определенную стадию развития, когда семьи, союзы, основанные на кровном родстве, являются почти единственными носителями общественной жизни, когда все право—государственное, церковное, международное, уголовное, процессуальное, хозяйственное—было семейным правом. Это период родового строя и родового права. Это с правильностью повторяемое явление, что родовые союзы производят себя от общего порядка, которому воздаются божеские почести. Это обожествление с правильностью начинается уже со смертью главы семьи, и таким образом все предки рассматриваются как своего рода божественные существа". „Под родовыми союзами мы понимаем всякого рода социальные объединения, которые основываются на кровном родстве и браке". „Значительно чаще, чем матриархальные, встречаются патриархальные объединения". „К высшим родовым патриархальным союзам принадлежит, кажется, и ацтекское Кальпулла". „К изложенным объединениям принадлежат также очень распространенные объединения, которые носят общее имя, обычно животного или растения", как совершенно правильно указывает Тримборн в интересной статье „Методы этнологического изучения права", напечатанной в 3-й книге 32-го тома „Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenchaft einschliesslich der ethnologischen Rechts- und Gesellschaftsforschung", 1928 г., S. 416—567. Пост смешивает совершенно разное—матриархальное население, тотемистический клан и скотоводческую задругу (большую семью) для конструкции „Родового права". Между тем право в каждом из этих объединений имеет совершенно самостоятельное значение, и подвести права эти под „одну рубрику" нельзя. Ту же ошибку смешения разнородных явлений допускает и Колер настр. 16 „Возникновения права и право примитивных народов" в „Современной культуре" (Die Anfänge des Rechts und das Recht der primitiven Völker in Kultur und Gegenwart, Bd I „Allgemeine Rechtsgeschichte", Leipzig und Berlin, 1914).

Проф. Леонард Адам в своем докладе на 4-м конгрессе „Международного общества философии права и хозяйства" в 1926 г. (Der gegenwärtige Stand und die heutigen Aufgaben der ethnologischen Rechtsordnung", и Герман Тринборн в обстоятельной статье „О методе этнологического изучения права", напечатанной в 43 томе „Журнала сравнительного правоведения" (Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft einschliesslich der ethnologischen Rechts-und Gesellschaftsforschung, 1928, Bd. 43, Hefft III, S. 416—567) обстоятельно показывают,

что право развивалось у различных племен далеко не в одном и том же направлении и что эволюция его чрезвычайно зависела от национально-бытовых особенностей каждого из этих народов. Названные авторы говорят, что, подобно тому, как в настоящее время уже отказались изучать так наз. всеобщую историю, как эволюцию всего человечества в определенном направлении, а стали изучать каждый культурно-исторический круг отдельно, подобно этому и развитие первобытного права теперь надо рассматривать по культурным кругам или типам. Подобное изучение производил еще Аккерман, написавший „Культурные циклы (типы) народов Африки" (Zeitschrift für Ethnologie, Bd. 37, 1905 г.), и Фриц Гребнер „Культурные круги (типы) народов в Океании" (там же). В настоящее время под влиянием „Заката Европы" Шпенглера учение о культурно-исторических кругах (циклах, типах) получило большое распространение. Типологическим изучением в настоящее время усиленно занимаются. Но циклы, типы у разных авторов получаются очень неодинаковые. Так, Гребнер в одной Океании насчитал 6 культурно-исторических типов: тасманийский, бумеранговый, восточнопапуасский, западнопапуасский, меланезийский и полинезейский). Аккерман в Африке насчитывал четыре культурно-исторических типа (пракультура, восточноафриканская культура, западноафриканская культура и суданская культура). В отличие от этих детальных классификаций Фой дает общую для всех стран типизацию не по географическому, а по организационно-структурному признаку: пракультура, тотемистская культура, культура двухклассовая. Шмидт в докладе Die Stellung des Genetio sin den südamerikanischen Sprachen und ihre Bedeutung für den Sprachaufbau (доклад 21 Американскому конгрессу в Гетеборге в 1925 г.) различает 8 культурно-исторических циклов: экзогамо-моногамистический, экзогамо-тотемистический, экзогамо-равноправный, экзогамо-патриархальный, экзогамо-матриархальный и культура родовая. Из приведенных классификаций видно, насколько спорно и субъективно самое деление на те или иные циклы. Но даже если оставить это в стороне, то и тогда культурно-цикловая точка зрения должна быть признана недостаточной. Дело в том, что „тип" культуры не является чем-то врожденным. Его происхождение и изменения надо объяснить. Тут мы подходим к третьей точке зрения—марксистской, которая синтезирует первую и вторую в высшем единстве. Согласно ей все человечество проходит в общем через одни и те же стадии развития—от первобытного коммунизма, через товарное хозяйство к коммунистическому строю всякий народ проходит родовой быт, феодализм, торговый, промышленный и финансовый капитализм и, наконец, коммунизм. Но эти стадии развития обусловливаются не природными, а социальными причинами, и потому их надо изучать не теми методами, которыми руководствуются естествоиспытатели, а особыми социо-

логическими методами. Для натуралистов в обществоведении история в конечном счете основывается на географии, природа самых людей везде в общем одинакова и исторические пути у всех были бы более или менее одинаковы, если бы не различные климатические, почвенные и т. п. условия. С точки зрения марксизма основным фактором, основной силой общественного прогресса является развитие условий производства, которое отнюдь нельзя изучить чисто естественно-научно. Это развитие условий производства создает различные типы общественно-экономической жизни, разные циклы ее. В данном утверждении циклов марксизм сходится со второй из намеченных нами теорий. Но в отличие от нее циклы эти образуются согласно учения марксистов не в силу природных национальных особенностей различных культур, а вследствие развития условий производства. Социальные отношения и законы развития социальной жизни в каждом цикле свои, особые. Но эта особенность не изначальная и постоянная, а изменчивая. Все социологические законы имеют исторический характер, но в основе всего исторического развития лежат основные социальные факторы—изменение условий производства, деление общества на классы и борьба этих классов друг с другом.

Таковы три основных метода изучения развития обычного права—эволюционно-натуралистический, историко-типологический и социально-экономический.

Попробую показать их на объяснении происхождения и развития обычноправовых отношений у горцев Северного Кавказа, которыми специально занимался в качестве заведующего Секцией права Северокавказского краевого горского научно-исследовательского института. Как указывал еще Вс. Миллер в известных своих „Осетинских этюдах", Кавказский хребет—эта „гора языков"—представляет капитальный интерес для этнографии. Нет другой местности на земном шаре, где бы, на сравнительно небольшом пространстве, скучивалась такая масса разноплеменных и разноязычных народов. Если когда-нибудь предвидится возможность решить хоть небольшое число запутанных вопросов о национальности разных народов, некогда сменявших друг друга в древние и средние века в необозримых равнинах южной России, то только под условием изучения этнографии Кавказа. Исследуя обычное право горцев, мы наталкиваемся на такие интересные явления, как пережитки матриархата, агнатическое родство, левират, иранское, греческое, римско-византийское, иудейское, армянское, хазарское, гуннское, болгарское, арабское и русское влияния на развитие различных правовых институтов у различных племен Кавказа.

При изучении т. н. первобытного права прежде всего сталкиваемся с вопросом, что считать правом, как отличить юридические обычаи от нравственных правил, от религиозных воззрений и т. п.

Еще юристы Болонской школы говорили, что понятие „обычное право“ принадлежит к числу т. н. „idées confuses“, к текучим, переливающимся понятиям. В самом деле, что такое, напр., заповеди Моисея „не убий, не прелюбы сотвори“ и т. д. Их можно считать и правовыми, и религиозными, и нравственными предписаниями. Но эта неопределенность делает изучение первобытного права особенно интересным. Благодаря тому, что в нем слиты разные начала, можно, изучая обычноправовые воззрения, определить, каким образом юридические веления отслоились от нравственных и религиозных. А это имеет не только этнографическое, но и теоретико-правовое значение.

Несмотря на некоторую неопределенность понятия обычного права вообще и первобытного права в частности, его все же можно и нужно хотя бы в основных чертах охарактеризовать. Под обычным правом надо понимать совокупность правил внешнего поведения, которые 1) рассматриваются членами социального объединения как обязательные а) на основании ли непосредственно влияющих условий общественной жизни или б) на основании какого-либо общественного авторитета, 2) исполняются членами данного общества, а если их нарушают, то против этого борются, систематически применяя против правонарушителей репрессивные меры. С таким определением надо подходить к тому, что рассматривается как обычное право. Но прежде чем приступить к обработке его, надо критически отнестись к источникам, из которых мы почерпнули сведения об этих нормах. Дело в том, что записывают обычное право в большинстве случаев не специалисты-этнографы или юристы, а любители-путешественники, миссионеры, чиновники и т. д., которые в большинстве случаев не знают ни языка, ни особенностей того народа, обычаи которого они записывают, и часто бессознательно дают искаженное изображение описываемого ими быта, т. к. видят не вполне то, что есть, и дают изображаемому неправильное объяснение. Ввиду того, что имеется много давних записей обычного права вообще и обычного права кавказских горцев в частности [1]), особенно важно выработать методы

---

1) Академика Буткова „Опыт истории о черкесах и в особенности о кабардинцах“, „Опыт замечания о закубанцах“, рукопись поручика Новицкого, „О черкесских народах“, рукописи поручика Бламберга „Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адыхе“, топографическое описание Северной покатости Кавказского хребта от крепости Анапы до истока р. Кубани и исчисление народов Адыге“, „Описание народов, обитающих на пространстве земель по левую сторону Военно-грузинской дороги, к югу от хребра Кавказских гор“, „Сведения о горских народах. Черкесы закубанские“. 1830 г., рукопись поручика генерального штаба Щербачева „О черкесах и абазинцах“, рукопись „Ногайцы внутри Кавказской губернии, частью кочующие, частью постоянными усадьбами расположенные“, рукопись Презмановского „О положении Карабача“, „Замечание об Адыге“ и „Этнографический очерк черкесского народа“ бар. Сталя, который три года работал над этим своим

критической оценки сведений об обычном праве. Эти старые записи очень ценны, т. к. они производились в то время, когда еще влияние писанного русского права не сказалось сильно на юридических обычаях горцев. Но эти записи имеют много недостатков, вызванных тем, что записывающие большею частью не принимали во внимание сословно-классового деления изучаемого ими племени и не выясняли хозяйственные причины возникновения сообщаемых ими обычаев. Примером неправильной записи и истолкования обычаев кавказских горцев может служить противоречивое мнение многих ученых о свободе половых отношений у черкесов. Некоторые исследователи подчеркивают, что адыги очень строго относятся к прелюбодеянию. Но, с другой стороны, часто отмечается, что среди этих же самых адыгов жены отнюдь не оставались верными своим мужьям. М. М. Ковалевский, держась последнего мнения, видит в неверности черкешенок пережиток так наз. коллективного брака первобытных народов.

Если подойти к данному вопросу с экономической и сословно-классовой точки зрения, то он может быть гораздо легче разрешен. Жены князей (пши), дворян (уорков) и вольных земледельцев (морлокотлей) должны быть верными своим мужьям, и за измену им грозит жестокая казнь. Совсем иначе обстоит дело у зависимых сословий— крепостных и рабов. Владельцы были материально заинтересованы в „незаконном“ сближении унауток (рабынь) и сами способствовали таким сближениям: хозяева получали плату от мужчин за право сожительствовать с унаутками, т. е., попросту говоря, торговали их телом. Родившиеся от таких сближений дети составляли собственность владельцев и могли быть ими проданы.

В то время как браки среди высших сословий обставлялись сложными церемониями, простой народ прежде не знал оформленных браков. Сойдясь на игрища в селениях, молодые люди присматривались друг к другу, мужчина выбирал себе невесту, брал ее к себе в дом и без всякого обряда жил с нею.

Черкесы охраняли чистоту крови высших сословий и мало интересовались половой нравственностью пшитлей и унаут. Дети, рожден-

---

произведением. Далее надо отметить рукопись Карлгофа „О черкесах, абазинцах, сванетах, мингрельцах и гурийцах“, „Об обществах осетинского племени“, „О черкесах закубанских“, „Об образе войны у черкесов и дагестанцев“, рукопись подполковника Пассека „Чечня“ и А. П. Берже „Из путешествия по Мингрелии“ 1862 г. Особенно много материалов по кавказоведению можно найти в Военно-учебном архиве Главного штаба. Среди этих материалов назовем следующие: „Горские земли“. Из записи иностранной коллегии (папка № 47147) (Лит. О), „Известие об осетинцах“ (там же рукопись лит. У), „Известие из Измаил-бея о черкесах“ (там же рукопись лит. N), „Описание абазинцев“ (лит. В), „Описание горских народов. „Черкесы закубанские“ (лит. К), „Племя убыхов“ (лит. Р). В архиве б. министерства иностранных дел хранится записка кн. Давыда „Об Осетии“ и др.

ные от князя и женщины не княжеского происхождения, не считались князьями и носили название тума. Рожденные же от холопа и свободной женщины были свободными, рожденные от брака унаута (раба) с женщиной из сословия пшитлей (крепостной) получали права последней. Н. Дубровин находит эти обычаи странными. Он не может их объяснить. Между тем если подойти к вопросу с точки зрения сословно-классовой, то он разрешается довольно легко. Феодальное общество очень следит за сохранением чистоты княжеской крови и гораздо терпимее относятся к смешанным бракам среди менее привилегированных сословий [1]). Затем если прежние исследователи выяснили остатки матриархата, агнатического родства, иранское, греческое, римско-византийское, иудейское, армянское, хазарское, гуннское, булгарское, арабское и русское влияние на развитие различных правовых институтов у различных племен Кавказа, то теперь надо выяснить, в силу каких хозяйственных условий возникли эти институты. И вот если подойти к обычному праву горцев с экономической точки зрения, то многое из того, что раньше объясняли чисто внешними заимствованиями, можно будет обосновать ссылкой на хозяйственную целесообразность. Так, напр., обычай селить зятя в доме родителей дочери, если у этих последних нет других детей, кроме ее— этот обычай гораздо легче объяснить хозяйственной целесообразностью, чем влиянием на обычное право чеченцев и осетин армянского судебника Мехитора Гоша (как это делает М. М. Ковалевский). В самом деле, совершенно естественно, что старики-родители единственной дочери, не имеющие сыновей, приглашают своего зятя поселиться в их дом и вести хозяйство. Каждый чеченец и осетин может легко додуматься до необходимости поселить зятя в своем дворе, если нет у него сыновей. Для того чтобы понять хозяйственную целесообразность такой комбинации, нет нужды знать армянское, или грузинское право, как это утверждают Мачабелли и М. Ковалевский. Только что названные исследователи были хорошо знакомы со сравнительным правоведением и почти совершенно не знали, как ведется крестьянское хозяйство. Поэтому они естественно стремились объяснить заимствованием то, что для рядового крестьянина является само собою разумеющимся хозяйственным расчетом.

Или возьмем другой пример злоупотребления прежними авторами сравнительным правоведением. Будучи сторонниками контовской позитивной социологии, учившей, что каждый народ обязательно

---

[1]) Как пример неправильного истолкования обычаев, можно еще привести мнение Г. Сокольского (Архаические формы семейной организации у кавказских горцев, в „Журнале Министерства народного просвещения“. Ноябрь 1881 г.), будто обычай черкешенок рожать детей в доме своей матери есть пережиток матриархата. Нам думается, что это не остатки матриархата, а естественное стремление молодой женщины искать помощи у своей матери—у „бабки“.

должен пройти через все стадии развития общества, М. Ковалевский и его ученики стремились найти у горцев все те юридические институты, которые имелись в славянском и германском народных правах. Среди этих институтов важную роль играла дуэль. Она рассматривается в науке как переходная ступень от расправы со стороны потерпевшего к государственному принуждению. Но у осетин нет и не было дуэли. Поэтому исследователи стремятся истолковать как дуэль обычай весьма мало на нее похожий. Дело в том, что известный автор работ о России барон Гакстгаузен описал, как осетины заменяют иногда кровную месть одним выстрелом по виновнику в случае если последний соглашается не сопротивляться, а стать под этот выстрел. Согласно Гакстгаузену, в таком случае все мужчины обиженного рода, в том числе и мальчики и старики, тянут жребий, кому стрелять. Если этот жребий выпадет на малолетнего или старика, или вообще плохого стрелка, то обидчик обыкновенно остается жив.

Нам думается, что в этом обычае скорее можно видеть нечто подобное древнегерманским судебным испытаниям, так называемым ордалиям, чем сравнивать его с дуэлью. Как известно, в первобытном праве часто встречается предписание подозреваемому в преступлении и преступнику прыгать через костер, нырять в глубокую воду и т. д. И если испытуемый благополучно проделает эти ордалии, то значит—„бог против наказания его". Описанный Гакстгаузеном обычай является подобным мероприятием. Но, вообще говоря, нельзя обязательно искать аналогию между правом одной местности и правом другой местности. В настоящее время, как упомянуто, доказано, что далеко не все народы проходили даже так наз. основные ступени общественного развития — охотничью, скотоводческую, земледельческую. Так, напр., американские индейцы от охотничьего периода сразу перешли к земледельческому и совершенно не занимались скотоводством. Различные народы во многих отношениях шли различными путями, которые обусловливались климатическими и экономическими причинами, а ни проф. Леонтович, ни Миллер, ни Пфаф, ни даже Ковалевский не останавливались достаточно подробно на этих причинах.

Прежде всего надо установить, кто был автор записей. Особенно это важно для древних записей, обычаев кавказских горцев, которые ждут еще своих исследователей. Возьмем хотя бы сборник адатов аварского народа, составленный в XI в. Омар-ханом (Умма-ханом) аварским, где записи перемешаны с предписаниями этого унификатора, централиста законодателя. Или возьмем сборник адатов Кайтоха XII в., составленный уцмием Рустем-ханом, где тоже записи народных обычаев перемешаны с законами, изданными самим Рустем-ханом. По преданию, сборник этот, составленный первона-

чально на арабском языке, был затем передан кадию селения Киша. К сожалению, нельзя узнать, кто был этот кадий и какие изменения внес он в сборник. Во всяком случае, кому-то из составителей принадлежит введение в каждую главу с мудрым наставлением: „Кто будет беречь рот свой, того и голова будет спасена", т. е. что кто хочет остаться цел, тот не должен болтать лишнее. Установив автора, можно по его биографии определить время источника и учесть ту „апперцепцию", те политические сословные и классовые предпосылки, которыми руководствовался автор. Далее необходимо установить место и время составления записи. Это особенно важно и подчас трудно бывает выполнить в отношении горского обычного права. Дело в том, что название народов и название местностей на Кавказе часто тождественны, и потому если какое-либо племя переселяется в другое место, оно получает название того племени, которое прежде жило на том месте, где живет данное племя. Как указывает, напр., Вс. Миллер в III томе своих известных „Осетинских этюдов", осетины называют балкарцев „аси", т. е. тем самым именем, каким называются и сами осетины („ясы", о которых упоминают русские летописцы). И вот если мы найдем упоминание, что те или иные обычаи встречаются у асов, то надо установить, в каком месте. На Кавказе у одного и того же народа в разных местах встречаются далеко не одни и те же обычаи. Проф. Леонтович в своих „Адатах" подчеркивает, что почти каждая деревня имеет свои особые обычаи. Это происходит по многим причинам—и в силу влияния соседей и особенно потому, что в различных местах далеко не одинаковые условия производства и не одинаковые классовые отношения. Поясним сказанное примерами: влияние соседей может быть очень велико, потому что у осетин, черкес карачаевцев экзогамический брак, они женятся на девушке из другого рода, а часто и из другого племени. Вот почему, напр., как на это указывает С. Фарфаровский в заметке „Брак у осетин" в № 7 „Естествознание и география" за 1910 г., осетины, живущие близ татар, из долихоцефалов блондинов стали брахицефалами брюнетами. И, наоборот, среди черкес и даже монголов-карачаевцев встречаются люди с типичными чертами иранцев—высокие, длинночерепные блондины, со светлой кожей, голубыми и отнюдь не косо поставленными глазами (мой знакомый из Хасаутского аула Али Магометович Джарештиев). Но не только антропологические черты переходят от одного племени к другому, а и обычаи и воззрения. Поэтому у одного и того же народа, живущего в разных местах, обычаи далеко не одинаковы. Особенно, сказанное относится к черкесам и осетинам, живущим вперемежку с другими народами.

Во-вторых, в разных местах далеко не одинаковые условия производства. В то время, напр., как адыги-кабардинцы—„горные орлы"—скотоводы сохранили до последнего времени сословное деление и фео-

дальное отношение, адыги-шапсуги и абадзехи, „морские коршуны", живущие у Черного моря, довольно давно перешли от феодализма к торговому капитализму. Поэтому они свергли своих князей и ввели непосредственное народоправство. У одного и того же народа (черкес) мы видим в разных местах далеко не одинаковые юридические отношения в силу различных условий производства.

Далее, чтобы установить, действительно ли обычаи таковы, как их записали, надо сравнить друг с другом различные имеющиеся сведения и постараться объяснить причину их разноречия. Возьмем, напр., различные записи семейного права черкес. Так, в записях миссионера конгрегации проповеди веры Архангела Ламберти 1620 г., Тавернье (1663—1659 г.) и Сгрюйса подчеркивается легкость нравов черкешенок. То же мы читаем и в „Relation du sieur Ferrand, médicin du khan des Tartares, touchant la Crimée, les Tartares nogaïes et ce qui passe au seraie du dit khan", напечатанной в Recueil des voyages au Nord-ost 1718. IV. О гостеприимном гетеризме говорится и в „Voyages historiques et géographiques dans les pays, situés entre la mer Noire et la mer Caspienne, par Edward, barbier du Bocage et de Baert. На следы гетеризма указывает также Mossoudi в „Description du Caucase et des pays qui voisinent la mer Noire et la mer Caspienne", 1835 г. В противоположность им Яков Штелин (Jacob von Stöhlin, Nachrichten von Tcherkassien, oder von dem Kabardinische Lande, 1771 г. говорит о жестоких наказаниях за прелюбодеяния. Но внебрачные дети, по словам только что названного автора, обладают такими же точно правами, как и рожденные в браке. Между тем в настоящее время согласно обычному праву кабардинцев внебрачные дети отнюдь не равноправны с рожденными в браке. Незаконнорожденным дается все самое худшее и они исполняют все тяжелые работы. На целомудрие и воздержанность черкешенок указывает также и Нейман в „Russland und die Tcherkessen", 1840 г. Если к этому разноречию подойти с сословно-классовой точки зрения, то его легко разрешить. Религиозный гетеризм и вообще половая распущенность были в отношении рабынь и отчасти женщин зависимых сословий. В отношении же жен дворян (уорков) и князей (пши) дело обстояло как раз наоборот. Феодал очень гордится чистотой своей крови и строго следит за тем, чтобы его жены были ему верны. Таким образом правы и те, кто писал о половой распущенности, и те, кто указывал на жестокие наказания за нее. Но записывающие не обращали внимания на сословно-классовые различия в данном вопросе. Отсюда и произошли все недоумения в вопросе о гетеризме у черкес. И только Гарним в описании своего путешествия в азиатскую Турцию и на Кавказ правильно подчеркнул требование целомудрия женщин высших сословий и гетеризм рабынь (Reisen in den Ländern der asiatischen Türkei und des Kaukasus, 1854).

Следующим важным приемом является установление не только места и времени действия того или иного обычая, но и места и времени его записи, т. к. на содержание записи оказывает большое влияние окружающая обстановка. Далее чрезвычайно важно установить, под влиянием чего и для каких целей производились записи. Так, громадное большинство сборников обычаев кавказских горцев составлено военными для того, чтобы уметь легче управлять горцами. Поэтому записано много обычаев о войне, о кровной мести, о баранте (насильственном угоне скота). Напротив, то, что наиболее интересует социолога—внутрисемейные и внутриродовые отношения—освещено сравнительно слабо.

В 1843 г. по предложению Бибикова приступили к изучению обычного права кавказских горцев. Руководство работой возложили на начальников отдельных частей Кавказа, а именно, на генерала Фрейтага I, на кн. Голицына, на Ольшевского, Нестерова и Завадского. Из них с более или менее научной точки зрения подошел к вопросу ген. Фрейтаг. Кн. Голицын собирал сведения только об обычаях, интересных для военного командования. Поэтому получилось, что адаты чеченцев и кумыков были изучены лучше, чем обычаи кабардинцев, балкарцев и дигорцев. Читая эти записи, можно подумать, будто у чеченцев и кумаков гораздо больше обычаев в семейно-имущественных отношениях, чем у кабардинцев. Между тем это совершенно не так. Разница вызывается разными целями, с которыми подходили к изучению обычного права Фрейтаг и Голицын. В настоящее время цели эти совсем иные, чем были в 40-х годах прошлого века. Теперь надо прежде всего выяснить вредные обычаи, с которыми необходимо бороться, а во-вторых, обычаи, которые интересны как проявление бытовой национальной культуры и, в-третьих, обычаи интересные с социологической точки зрения. Но их надо собирать вновь, и краеведы должны обратить усиленное внимание на эту задачу. А она тоже не легка. Во-первых, всегда на местах боятся отвечать, видя у собирателя какой-то тайный умысел. Представители аульских исполкомов вместо сообщения о нормах обычного права говорят, как полагается не по горскому адату, а по советскому закону. Население же просто жмется и старается не отвечать. Чтобы легче добиться ответа, надо ставить вопрос не так, какие теперь существуют юридические обычаи, а какие юридические обычаи существовали раньше. О прошлом говорят смелее, чем о настоящем. Во-вторых, надо следить, чтобы в вопросе не содержался уже ответ, т. к. если вы будете спрашивать „так ли происходит“, то вам обязательно ответят „да, именно так“. Но если вы через некоторое время спросите, а не так ли происходит и опишите дело совершенно противоположным образом, то с вами тоже согласятся. Никоим образом нельзя, чтобы в вопросе содержался хотя бы намек на ответ. Собирать обы-

чаи трудно еще и потому, что в большинстве случаев горцы не привыкли их осознавать и формулировать. Горец знает, как надо поступить в каждом данном случае, но он не всегда может сказать вам общее правило. Собственно говоря, хорошо записать обычаи могут только культурные горцы, которые знают все детали быта своего народа и в то же время понимают, что нужно для науки о нем. Вследствие этого важнейшей задачей является привлечь к работе и подготовить краеведов националов; без них мы ничего не можем сделать. Поэтому позвольте через посредство вашего журнала обратиться ко всем горцам-краеведам, интересующимся изучением своего национального обычного права, сообщить Северокавказскому краевому горскому научно-исследовательскому институту свои адреса для высылки им вопросников, по которым надо записывать местные юридические обычаи.

ВТОРОЙ СЪЕЗД СЛАВЯНСКИХ ГЕОГРАФОВ И ЭТНОГРАФОВ

П. Г. Богатырев (Прага)

В 1924 г. по инициативе сербского профессора, ныне покойного, Цвиича, в Праге был созван первый съезд славянских географов и этнографов. На съезде приняло участие множество славянских ученых, и съезд этот несомненно содействовал культурному сближению между учеными и научными институциями славянских государств. О работе I съезда см. Sbornik I siezdu slovanských geografu a etnografu v Praze 1924. Praha. 1926. В 1927 г., согласно постановлению первого съезда, от 2-го до 12 июня происходил второй съезд славянских географов и этнографов в Польше. На съезде присутствовали делегации из Чехо-Словакии (112 членов), Югославии (20), СССР (9), Болгарии (6) и Польши. Кроме того в качестве гостей съезда приняли участие французские, итальянские, английские ученые и один американский ученый. Всего на съезде участвовало около 250 человек. Президентом съезда был избран проф. Швамбера (проф. Карлова Университета в Праге), вицепрезидентами—проф. Ю. М. Шокальский (президент Русского географического общества), проф. Милетич (президент Болгарской Академии наук) и генерал Бошкович (начальник Военно-географического института Югославии).

Конгресс был разбит на 8 секций: 1—картография, геофизика, геодезия, метеорология, климатология и гидрография; 2—геоморфология и геология; 3—фитогеография; 4—зоогеография; 5—экономическая география; 6—антропология, демография, этнография, социология; 7—топография и краеведение и 8—историческая география и история географии.

Главная научная работа велась в секциях.

Научные экскурсии устраивались тоже по секциям под руководством польских специалистов.

Опишу программу, проделанную участниками съезда.

2-го июня участники съезда прибыли в Катовицы, где с утра происходило пленарное заседание, на котором был сделан ряд докладов о силезском бассейне. Инженер Чарноцкий прочел доклад

о геологической структуре силезского бассейна, инж. Кедронь— о структуре экономической и проф. Нич—о структуре этнической. Затем был совершен ряд экскурсий по окрестностям города Катовицы. 3-го июня участники съезда прибыли в Познань, где на пленарном заседании был заслушан ряд общих докладов по географии, этнографии и антропологии Польши. Доклады делали проф. Ромер, Новак, Гриневецкий, Чекановский, Быстронь и Семкович. 4-го июня поезд с участниками конгресса прибыл в Гдынь, откуда на пароходе участники конгресса переправились по морю в Гель. Здесь мы разбились на несколько секций: морфологическую, фитогеографическую и этнографическую. Каждая секция совершила самостоятельную экскурсию. Пишущий эти строки принял участие в этнографической экскурсии, которая под руководством профессоров Франковского и Мошинского особым поездом отправилась в кашубскую деревню Ястарня, где осмотрела постройки местных крестьян, их домашнюю обстановку, рыболовные снасти и пр. Кашубские дети по просьбе участников конгресса исполнили несколько песен на родном языке. 5-го поезд прибыл в Варшаву, где в присутствии президента республики происходило торжественное открытие съезда. В Варшаве к участникам конгресса присоединилась прибывшая делегация Академии наук СССР. 6-го происходило пленарное заседание, по окончании которого участники съезда под руководством специалистов посетили ряд варшавских музеев. 7-го июня участники конгресса прибыли в Вильно, где на торжественном заседании конгресса был прочитан ряд докладов по геологии местного края, архитектуре города Вильно и др. Затем под руководством специалистов происходил осмотр города: храмов, дворцов, музея, еврейских кварталов и пр. Вечером были заслушаны доклады в отдельных секциях. 8-го июня поезд с участниками съезда проезжал по Полесью и Волыни. В Лунинце, где поезд стоял около часа, удалось беглo осмотреть белорусское поселение, избы крестьян, земледельческие орудия, домашнюю утварь и т. п. Осмотром поселения руководил проф. Мошинский. 9-го утром поезд прибыл во Львов, где с 9 часов утра началось пленарное заседание, после которого была осмотрена участниками съезда картографическая выставка проф. Ромера и львовские музеи, а затем происходили заседания секций. 10-го была сделана остановка в Бориславе и осмотрены нефтяные источники „Silva Plana“. Этнографическая секция после беглого осмотра нефтяных источников отправилась на автомобилях в близлежащую украинскую деревню, где были осмотрены типические избы крестьян и их земледельческие орудия. 11 июня участники съезда провели в Закопанах и его окрестностях, где был осмотрен этнографический музей. Вечером все участники съезда собрались в Кужнице, где при свете костров татранские крестьяне

в национальных костюмах исполнили народные танцы. Сильное впечатление произвел еще сохранившийся здесь до сих пор танец типа „танца мечей". Наконец, 12 июня поезд с участниками съезда прибыл в Краков, где с утра происходили последние заседания секции. Затем после осмотра города был совершен ряд экскурсий в окрестности города геологоморфологического, геоботанического и этнографического характера.

После экскурсий в зале Ягеллонского университета происходило торжественное закрытие съезда, который постановил следующий съезд устроить по приглашению югославянского правительства через три года в Югославии.

Научные экскурсий происходили с кинематографической быстротой, и не раз хотелось подольше задержаться в той или иной деревне, в том или ином музее, чтобы детальнее изучить их, но все же благодаря умению руководителей экскурсий общее представление о посещенных музеях и типичных поселениях осталось.

Я остановлюсь подробнее на докладах по этнографии, прочитанных на 6-й секции.

Доклады по духовной культуре

П. Г. Богатырев: Синхронический метод и этническая география.

Докладчик сначала останавливается на значении этнической географии при историческом изучении материальной и духовной культуры, затем отмечает крупное значение этнической географии при синхроническом изучении этнографических явлений. Этническая география поможет точнее установить постулаты о причинах быстрого внедрения отдельных этнографических фактов в новую этнографическую среду, в частности—определить роль проникновения новых этнографических явлений при смешанных браках, установить влияния социальных и географических условий при заимствовании и причины мены функции отдельных этнографических явлений (напр. обрядов) и т. п.

Проф. *И. Голомбек* (Варшава): Widowiska ludowe u Słowian.

Народные театральные действия берут свое начало из двух источников: 1) из языческих обрядовых церемоний и 2) из искусственного театра. Докладчик останавливается на примитивных театральных действиях—ряжениях. Здесь следует отметить переодевание животными (коза у белоруссов, туронь у поляков). Из обрядовых театральных действ докладчик отмечает наиболее характерные и распространенные у всех славян изгнание зимы и встречу весны, пользующуюся большой популярностью у болгар, и др. Некоторые танцы,

особенно сербское „коло“ и болгарское „хоро“, носят также драматический характер. Репертуар народных представлений делится на светский и духовный. Из светского репертуара докладчик останавливается на русских „Царе Максимилиане“ и „Лодке“. Религиозный репертуар обычно связывается у всех славян с рождественским праздником, а у чехов большое распространение получили также пасхальные народные представления. Далее автор останавливается на кукольном театре. Кукольный театр также имеет репертуар религиозный и светский. Религиозная часть этого репертуара носит космополитический характер, светская — национальный. Докладчик указывает на необходимость более детального изучения народных театральных действ.

Проф. *Ю. Горак* (Прага): Organisace badání o lidových písních a podáních.

Доклад проф. Горака, точнее вступительное слово к дискуссии, касался вопроса об организации архива народных песен и народной прозы. Размер все прибывающих рукописных собраний песен и прозаических рассказов увеличивается. О существовании отдельных рукописных материалов не знают часто даже специалисты. Это затруднение могло бы быть устранено, если бы при всех центральных славянских этнографических музеях были организованы архивы народных песен и прозаических рассказов. В специальных журналах можно было бы опубликовывать каталоги встречающихся в данном архиве мотивов с перечислением вариантов этих мотивов. Для всего этого необходимо, чтобы славянские этнографы договорились о единообразном обозначении мотивов. В качестве подготовительной работы к каталогизации архивных материалов должна быть составлена подробная библиография по фольклору у отдельных славянских народов.

Доклад профессора Горака подвергся подробному обсуждению и после прений была принята резолюция, в которой указывалось на необходимость этнографическим обществам всех славянских стран организовать при этих обществах или центральных этнографических музеях архивы народной прозы и народных песен. Должна быть избрана комиссия из специалистов, которые договорились бы о методах и средствах дальнейшего продвижения этого задания.

Проф. *А. Колесса* (Прага): Le sujet mythologique lunaire astral dans l'ancienne chanson de Noël ukraïnienne.

В начале доклада проф. А. Колесса дает краткий обзор нынешнего положения исследований в области сравнительной мифологии и отмечает крайности, в которые впадают приверженцы лунарной и солярной теорий. Затем переходит к разбору украинской колядки следующего содержания: прекрасный молодой человек идет со своим отцом на охоту за черным туром, их преследует неудача: не помогают ни золотой лук, ни стрелы, ни сабля. Тур заявляет, что

в воскресенье утром охотник будет иметь успех. Докладчик видит в этой колядке отражение лунарно-астрального мифа. (Доклад был прочитан по-украински.)

Он же: Les ouvrages folkloristes de Jean Franko.

Докладчик отмечает влияние на работы Ивана Франка работ Потебни и Драгоманова. Далее профессор Колесса указывает на крупное методологическое значение работ Ивана Франка о народных украинских песнях, на крупное научное значение его работ, посвященных изучению апокрифов и других его научных работ. Докладчик считает Ивана Франка одним из крупнейших исследователей славянского фольклора. (Доклад был прочитан по-украински.)

Проф. *Ф. Колесса* (Львов): Charakterystyczne cechy zachodnio-ukrainskich djalektów muzycznych w melodjach pieśni ludowych z Lemkowszczyzny.

Доклад посвящен разбору народных мелодий лемков. В начале доклада дается характеристика стиля народной украинской музыки и формации ее мелодий. Мелодии, записанные в западных областях этнографической Украины (т. е. в Галиции, Закарпатье, Буковине, Волыни, Полесье и Холмщине), отличаются своим более архаичным характером по сравнению с мелодиями приднепрянскими. При этом мелодии песен у населения, живущего на равнинах, значительно отличаются от мелодий населения, обитающего в горах. В горных областях различает проф. Ф. Колесса три музыкальных диалекта: гуцульский, бойковский и лемковский. При характеристике народной музыки лемков проф. Ф. Колесса базируется на лично им собранном материале, содержащем 800 мелодий. Докладчик отмечает характерные черты этих мелодий и указывает в более старых песнях церковное влияние, а в новейших сильное венгерское и словацкое влияние.

К. Кораный (Львов): Czary w Polsce.

Процессы о колдуньях спорадически встречаются в польских судебных актах с XV в. Позднее число этих процессов растет, и наибольшее количество встречается в XVII и XVIII вв. Поверья о колдуньях и процессы против них в Польше все же не достигли таких размеров, как на Западе Европы. Поверья о колдуньях по своему содержанию имеют различное географическое распространение. В западной части Польши, судя по материалам, оставшимся после судебных процессов, были распространены поверья, сходные с поверьями, распространенными по всей западной Европе, напр. о договорах ведьмы с дьяволом, о шабаше ведьм на Лысой горе и т. д. На востоке эти черты отсутствуют, дьявол носит иной характер. Это „latawiec", который работает на свою хозяйку—ведьму. Многие черты, отмеченные в судебных актах прошлого столетия, живут в народных поверьях до настоящего времени.

К. А. Меннинг (Нью-Йорк): Les oiseaux—monstres dans la tradition russe.

В былинах о Соловье-Разбойнике, Тугарине Змеевиче и др. рассказывается о чудовищной птице, сидящей на границе Руси и сражающейся с русскими богатырями. Автор анализирует образ этой птицы и находит, что он является конгломератом элементов, взятых из финской традиции, с традицией о сказочной птице Ноге. Докладчик между прочим отмечает, что в скульптурах суздальских храмов часто встречается изображение птицы Нога (Доклад был прочитан по-русски.)

Д-р *Фр. Поспишил* (Брно): Mečový tanec.

Доклад Поспишила, иллюстрированный кинематографическими снимками, был посвящен „танцу мечей". Докладчик собрал очень обширный материал об этом танце как среди славянских, так и среди других европейских народов. Докладчик познакомил с целым рядом фильмовых снимков (в том числе незадолго перед съездом снятого им танца мечей у басков), сопровождая эти снимки комментариями.

Доц. д-р *Э. Шнеевейс* (Белград): Običaji oko rodjenja krštenja kod Srbai Hrvata.

Доклад посвящен обрядам, связанным с рождением и крестинами ребенка, у сербов и хорватов. Докладчик отмечает магические обряды, охраняющие женщину в период беременности, обряды, связанные с родами, новорожденным и роженицей, обряды, относящиеся к крестному отцу и матери, магические средства, охраняющие новорожденного в первые годы его жизни, обряд пострижения и т. п.

Проф. *В. Щербаківський* (Прага) посвящает свой доклад разбору украинского народного обряда „каліта". Докладчик видит в этом обряде отражение мифологических переживаний.

Ян Станкевич (Вильно) прочел доклад „Белорусское влияние в религиозной жизни татар и евреев". Докладчик останавливается на белорусском влиянии в еврейских и татарских обрядах и песнях религиозного характера. Станкевич отмечает, что еврейское и татарское население, живущее в областях, населенных белоруссами, не огораживалось от окружавшего славянского населения. Напротив, иногда вбирало в себя славянские элементы.

Вакарельский (Варшава). „Свадебные обряды у болгар".

Докладчик на основании новых печатных и рукописных материалов дает обзор свадебных болгарских обрядов.

Кроме того были объявлены доклады по духовной этнографии: *Ц. Бодуэн де Куртенэ—Эренкрейц* (Вильно): Obrędy weselne ludu polskiego, jako forma dramatyczna, и доклад проф. *Ив. Панькевича* (Ужгород): Les chansons cérémoniales se rattachant à la vie de famille et de ferme sur les confins ruthéno—slovaques entre Užhorod et Michalovce. Доклады эти за недостатком времени прочитаны не были.

Доклады по материальной культуре

А. Бахман (Львов): Z badau nad dachem stowianskim

Доклад посвящен анализу крыш у славянских народов. Докладчик указывает, что старая конструкция крыши, состоящая из сох и балки, сохранилась очень мало. В настоящее время распространена всюду стропиловая система. Далее докладчик останавливается на рассмотрении типов стропиловых крыш, на украшениях конька и т. п. В польской этнографической области Бахман различает четыре типа крыш и указывает, что польская северная область по конструкции своих крыш отличается от остальной части Польши. Характерная для финских и отчасти для восточных славян слеговая конструкция крыши у западных славян не встречается.

Проф. *А. Фишер* (Львов): Wptyw czynnikòw geograficznych na zjawiska etnograficzne.

Докладчик указывает на влияние географических, этнических и социальных фактов на этнографические явления: 1) строительный материал домов в Польше и на Украине меняется в зависимости от природных условий, 2) орнаментация утвари меняется в зависимости от качества дерева, которое имело под руками население, 3) земледельческие орудия поляков и украинцев приспособляются к данной почве, 4) в способах обработки льна крупное различие между югом и севером. Докладчик иллюстрировал свои положения диаграммами и картами.

Проф. *Е. Франковский* (Варшава): Znaczenie tykwy dla kultury ludzkiej.

Профессор Франковский указывает, что посудой из тыквы пользовались еще в доисторические времена. В настоящее время этой посудой пользуются в самых разнообразных областях всего мира. По форме тыквы и в настоящее время еще изготовляют плетеную, деревянную и глиняную посуду. Докладчик указывает, что несмотря на ряд изменений, еще и теперь в посуде, которой мы пользуемся в нашем обиходе, нетрудно заметить видоизмененную форму тыквы.

Д-р *В. Пражак* (Братислава): Studium typu slovenské lidové vyšivky se stanoviska etnografie a kulturní historie.

Докладчик указывает на крупное значение изучения словацких народных вышивок, которые, к сожалению, как и вышивки у других славян, недостаточно хорошо изучены. Что касается словацких вышивок, то они не были как следует изучены ни историками искусства, ни этнографами. Д-р Пражак на основании им лично собранных и изученных материалов в Братиславской жупе, отмечает, что в этой жупе граница распространения отдельных типов вышивок совпадает с диалектическими границами. Результаты изучения словацких народных вышивок могут дополнить, а часто и объяснить целый ряд

вопросов, связанных с распространением отдельных диалектов. Изучение вышивок помогает решить вопрос о распространении различных культурных влияний в определенной области.

Д-р *С. Пшеворский* (Варшава): Wóz wojenny u Achajów i Hetytów.

Из Илиады, а также на основании археологических раскопок мы знаем, что греки пользовались военными колесницами. Военная колесница в Азии была известна уже в XVIII в. до Р. Х. Докладчик полагает, что греки переняли этот способ военных боев от хетитов. Широкое пользование военной колесницей докладчик приписывает племени Гурри, жившему в нынешней Армении и северной Сирии. Обычно на военных колесницах сражалась только (особая) рыцарская каста. Состязание на военных колесницах известно у хетитов и у греческой шляхты.

Проф. *Стоян Романский* (София): Les colonies bulgares en Valachie et Moldavie.

Профессор Романский отмечает экспансию болгарского элемента в Валахии и Молдавии. Далее докладчик останавливается на размерах и границах болгарских колоний здесь и на культурном и экономическом положении болгарских колонистов. Детальное этнографическое обследование болгарских колоний в Валахии и Молдавии может дать интересные результаты для изучения взаимовлияния, при столкновении двух этнических групп. (Доклад прочитан по-болгарски.)

Д-р *Д. Странская* (Прага): Některé starobylé znaky ve slovenských krojích.

Типы причесок и головных уборов замужних женщин в Словакии следует подразделить на северный тип, близкий к польским и закарпатским прическам и головным уборам, на средне-словацкий тип, с круглой кибалкой, и на южный, где преобладают „grgule“ бицорницкого типа, которые встречаются у южно-великоруссок, украинок, и у сербок и хорваток. Доклад являлся конспектом статьи д-ра Странской, напечатанной в журнале „Národopisný Věstník“, roč. XX.

Иларион Свенцицкий (Львов): Pierwiastek ludowy w ikonografji ukraińskiej davnych wieków.

Старейшие следы народной украинской иконографии докладчик видит в национальном рисунке и гармонии красок на самых старейших памятниках искусства, которые по содержанию и технике являются византийскими или романскими. Позднее эти народные элементы встречаются в лицевых житиях Владимира и его сыновей, Бориса и Глеба, а именно в изображении архитектуры, одежды и погребальных обрядов. Гроб, изображенный в Житии Бориса и Глеба, сохранился до наших дней в Карпатах и у бойков. Больше всего народных элементов в картинах легендарного характера (Вифлеемские пастыри, воины около Христа, грешники в день

последнего суда, картины из жизни корчмы). Большой интерес представляют реалистические вотивные портреты XVII и XVIII вв.

Р. Турчин. Čechoslováci v Chorvatsku a Slavonii.

В Югославии живет в настоящее время 150000 чехо-словаков, причем больше одной трети этих колонистов живет в Хорватии и Славонии, в жупах Беловар-Крижевци, Пожега, Кировилиса и Срием. Словацкая колонизация началась с конца XVIII в. Чешские поселения моложе. Число чешских колонистов стало расти главным образом от 40-х годов XIX в. Докладчик останавливается на культурной и экономической жизни чехо-словацких колонистов, которые, особенно после переворота, возобновляют связи со своей родиной.

Членом делегации Академии наук СССР проф. Б. М. Соколовым (Москва) были прочитаны два больших доклада, один во Львове, другой в Кракове. В первом докладе „Этнографические изучения в СССР" был дан обстоятельный обзор научной работы многочисленных научных советских учреждений этнографического характера как в центральных городах, так и в провинции, особо выделена была этнографическая работа в национальных республиках и областях, сделан обзор широкой экспедиционной работы, охарактеризовано краеведческое движение и дан обзор издающихся этнографических журналов и трудов. Другой доклад „Об этнографических музеях СССР" охарактеризовал широкий размах деятельности этнографических музеев в СССР, их научную, экспедиционную и просветительную работу. Последний доклад был иллюстрирован картами, диаграммами и фотографическими снимками из различиых музеев.

Кроме того были объявлены, но не прочитаны следующие доклады, имеющие отношение к материальной культуре: д-р *В. Фабиан* (Прага) Malovaný nábytek lidovž, проф. *А. Фишер* (Львов) O ujednostajnienie okreslenia i zakresu etnografji i etnologji, *Г. Гонсеровский* (Грудзендз): Huculi—ginàcy ród górski, *T. Syriste* (Прага): Ceské kolonie na Volyni, проф. *И. Шишманов* (София): Nécéssité d'une phorématologie comparée des peuples slaves.

Еще на первом съезде славянских географов и этнографов болгарский профессор Шишманов предложил при содействии всех правительств отдельных славянских государств и при участии центральных музеев и всех специалистов этнографов организовать в Праге общеславянский этнографический музей имени Шафарика. Чехо-словацкое этнографическое общество (Národopisná Společnost československá) восприняло эту идею и разослало деятелям, работающим в области этнографии, краткое сообщение об этом предложении проф. Шишманова, которое дополнило меморандум, составленный проф. Хотком (см. Národopisný vestník československý XX. 2. K. Chotek: Program Safažikova nàrodopisného musea v Praze, str. 139—143.

Оттиски были розданы всем членам этнографической секции II съезда, а также целому ряду специалистов, не принявших участия на этом съезде, и отдельным учреждениям, имеющим касательство к этнографии. В связи с этой запиской было созвано особое собрание из участников II съезда, интересующихся музейным делом, на котором проф. Франковский сделал краткое сообщение о том, каким он представляет наиболее целесообразное создание всеславянского музея. Профессор Франковский полагает, что структура всеславянского музея должна в принципе отличаться от структуры музеев отдельных государств со славянским населением. Всеславянский музей, созданный по типу обычных этнографических музеев, потребовал бы громадных расходов. Всеславянский музей достиг бы своей цели, если бы вместо самых предметов в музее хранились бы только фотографии, фильмы, диаграммы, карты и т. д., имеющие отношение к этнографии славянских народов. На заседании делегатов по этому вопросу была принята следующая резолюция:

Принимая во внимание резолюцию I съезда славянских географов и этнографов об основании всеславянского этнографического музея в Праге, 6-я секция второго съезда славянских географов и этнографов в Польше 1) организует комиссию [1]), в состав которой входит по одному или по два специалиста из каждого государства, представленного своими делегатами на съезде. Целью комиссии является выработка общего плана музейных работ и подготовка для III конгресса докладов о выполнении музейной работы, как и доклада о дальнейшей музейной работе. В комиссию были выбраны от Болгарии — Стоилов и Романский, от Чехо-Словакии — Фабиан и Хотек, от Югославии — Ткальчич и Дробнякович, от Польши — Франковский и Мошинский, от СССР — Руденко и Б. Соколов. 2) Шестая секция настаивает на том, чтобы на III съезде славянских географов и этнографов были учреждены самостоятельные секции: 1) антропологическая, 2) музейная, 3) этнографическая.

В заключение следует отметить, что очень полезны были также частные беседы участников съезда между собой, которые несомненно будут содействовать не только сближению отдельных научных специалистов, но и научных институций, делегатами которых являлись участники этого съезда.

[1]) *Примечание редакции.* По вопросу об организации указанной музейной комиссии членами делегации СССР было подано особое мнение, приложенное к протоколу, в котором заявлено, что советские этнографы могут вступить лишь в такое объединение этнографов музееведов, какое будет распространяться не только на музеи славянских государств, но и вообще на все музеи, какие имеют материалы по славянской этнографии, так же как и на всех этнографов—славистов, независимо от их национальности.

ОБЗОР РУССКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О КАВКАЗЕ

Л. П. Семенов (Владикавказ)

(Окончание)

Кубано-Черноморский край

П. К. Апостолов. „Кубано-черноморский край". Краткий очерк его современного состояния. Краснодар. 1924 г. 55 стр. — „Труды Сев.-кавказской Ассоциации н.-и. институтов". № 26. Сборник статей по экономике и культуре. Вып. I. Краснодар [1]). К изучению этнографии края имеют отношение статьи — М. Клочков. „Краткий обзор деятельности литературно-исторического и этнологического общества" (стр. 1—3), М. А. Садиленко. „Устойчивость кубанского языка" (стр. 17—28), В. Ф. Чистяков. „Описание говора станицы Пашковской" (стр. 28—37). „Юбилейный сборник Совета обследования и изучения Кубанского края. 1917—1922". Краснодар. 1923 г. 88 стр. — Популярный характер носит очерк С. Анисимова. „Черноморское побережье". М. 1925 г. (на стр. 11—20 элементарные сведения о населении).

Ценны библиографические работы Б. М. Городецкого: а) „Наш край", Источники для изучения Кубани и Черноморья. Вып. I. Краснодар. 1924 г. 132 стр. б) 2) „Кубань и Черноморье в литературе 1925 г." („Бюлл. О-ва любителей изуч. Кубан. края". Краснодар. 1926 г. Вып. I. Стр. 29—39). в) „Периодика Куб.-черноморского края. 1863—1925 г." (Изд. О-ва любит. изучения Кубан. края и Кубан. окружного архивного бюро. 1927 г. 71 стр.) [2]). Под его же редакцией издан указатель—„Библиография Кубанского края. Систематический указатель литературы о Кубанской области с рецензиями и рефератами". Екатеринодар. 1918—1919 г. („Труды Совета обслед. и изучения Кубанского края". Т. I. Вып. I. Стр. 1—192) [3]).

---

[1]) Рец. „Сев.-кавказ. край" Р.-на-Д. 1927 г. № 11—12. Стр. 124—125 (Б. Лунин).

[2]) Реп.: 1) „Изв. О-ва любит. изуч. Кубан. края". 1925 г. Вып. IX, 225 (Н. А.). 2) „Краеведение". 1925 г. № 1—2. Стр. 157 (Л. Б. Ильинский).

[3]) Рец.: „Бюлл. Сев. кавказ. краев. горн. н.-и. инст." 1927 г. № 2—4. Стр. 70 (А. Тарасов). 2) „Бюлл. Сев.-кавказ. бюро краевед." 1927 г. № 1—6. Стр. 106 (М. Л. Ямпольский). 3) „Сев.-кавказ. край". 1927 г. № 5—6. Стр. 113.

Ставропольский край

Г. Н. Прозрителев. „Ставропольская губ. в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях". Ч. II. Ставрополь Кавказский. 1925 г. 66 стр.—А. Н. Самойлович. „Одежда ставропольских туркменок". ПГ. 1923 г. 4 стр. С рис. (Рус. музей, Этнографич. отд., VI).

П. А. Фалев. „Нагайская сказка об Ак-Кöбöк'е". (Сб. Музея антропологии и этнографии при Р. а. н. Т. V. Вып. 1. ПГ. 1918 г. Стр. 189—196.) Содержание очерка: предисловие, текст сказки о чудовище Ак Кöбöк'е (на нагайском яз. и в русском переводе) и краткое послесловие. Текст сказки записан в 1914 г. в Ставропольской губ. Аналогичный мотив, так указывает автор, распространен у сибирских турок. „Сказание об Ак-Кöбöк'е перешло на запад в очень раннее время и развивалось самостоятельно как на западе, так и на востоке" (196 стр.).

Адыгейская автономная область

Областным экономическим совещанием Адыгеи издан „Историко-экономический обзор Адыгейской автономной области". Краснодар. 1923 г. Стр. VII+109. Содержание сборника: введение Ю. Трахова, председ. редакционной коллегии (стр. III—IV), введение К. Мишуреева (стр. V—VII), исторический очерк жизни Адыге с древних времен до нашей эпохи, составленный Ю. Траховым и Б. Карбеловым (стр. 1—54), хозяйственное положение области и деятельность экономсовещания (стр. 55—109). Обществом изучения Адыгейской автономной области изданы: „Отчет О-ва изучения Адыгейской авт. обл. за 1925 г." (Краснодар. 1925 г. 8 стр.), „Отчет О-ва изуч. Адыгейской авт. обл. за 1926 г." (Краснодар. 1927 г. 9 стр.), а также серия „Материалов по истории черкесского народа" (вып. 1—5): 1) Н. Дубровин. „Черкесы (Адыге). Стр. 6+176. 1927 г. (перепечатка из „Истории войны и владычества русских на Кавказе" того же автора, изд. 1871 г.). 2) М. Пейсонель. „Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1762 гг." в изложении Е. Д. Фелицина 1927 г. 35 стр. [1]). 3) Я. Абрамов. „Кавказские горцы". 1927 г. 36 стр. (перепечатано из журнала „Дело", 1884 г., № 1). 4) Л. Я. Люлье. „Черкесия". Историко-этнографические статьи. 1927 г. 47 стр. (перепечатано из „Зап.-кавказ. отд. Рус. геогр. о-ва", 1857 г. (т. IV) , 1862 г. (V т.), 1866 г. (т. VII). 5) А. Фанвилль, „Последний год войны Черкесии за независимость. 1863—1864 г. 42 стр. 1927 г. С рис. и картой (перепечатано из „Еженед. приложения" к „Рус. инвалиду", 1865 г., №№ 21, 22 и 25).

У. Алиев, Б. Городецкий и С. Сиюхов. „Адыгея (Адыгейско-черкесская авт. обл.). Историко-этнологический и культурно-

[1]) Книга Пейсонеля была издана в Париже на фр. яз. в 1787 г.

экономический очерк. С пред. Ш. Хакурате. Р.-на-Д. 1927 г. 182 стр. С рис. и картой. [1])—А. М. Ладыженский. „Адыге-хабзе“ (Обычное право черкес.) (Информац. бюлл. Всесоюзного о-ва культ. связи с заграницей“. 1927 г. № 46—47. Стр. 14—15). — Он же. „Обычное семейное право черкесов“. („Бюлл. Сев.-кавказ. краев. гор. инст.“ 1927 г. № 2—4. Стр. 30—34).—С очерком С. Сиюхова „Черкесы—Адыге“ („Изв. О-ва любит. изуч. Кубан. обл.“, 1922 г., № 7), на который нам встречались указания, мы непосредственно незнакомы.

Карачаевская автономная область

У. Алиев. „Карачай“ (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Р.-на-Д. 1927 г. Стр. 306+3. [2])—Краткие информационные сведения об исследовательской этнографической работе в области даны в заметке „Экспедиции в Карачай летом 1927 г.“ („Бюл. Сев.-кавказ. краев. н.-и. инст.“ 1927 г. № 2—4. Стр. 84—85).

Кабардино-Балкарская автономная область

В. П. Пожидаев. „Хозяйственный быт Кабарды“ (историко-этнографический очерк). Воронеж. 1925 г. 106 стр. С рис. („Труды по ест.-истор. и экономич. обследованию Кабарды“. Т. III. Вып. 1). Содержание: введение, исторические данные о кабардинцах, занятия жителей, библиография. В основу положены литературные данные и большею частью, наблюдения, сделанные автором во время поездок по Кабарде в 1921—1923 гг. На стр. 105—106 указаны использованные источники.

„Программа для собирания этнографических материалов в Кабардино-Балкарской Авт. обл. Ч. I. Материальная культура“. Нальчик. 1925 г. 16 стр. („Труды Каб.-балк. о-ва изуч. местного края“).— „Программа по собиранию лингвистических (языковых) материалов, необходимых для составления словаря (малкарско)-тюркских говоров Балкарского округа, Каб.-балк. авт. обл. „Нальчик. 1925 г. (изд. того же о-ва).—М. Ермоленко. „Прошлое Кабардино-балкарского края.“ Нальчик (год изд. неуказан). 7 стр. (изд. Каб.-балк. обл. музея). — „Этнографическое исследование Балкарии“ (изв. Кавказ. отдела и. рус. Геогр. о-ва“. Тифлис. 1917 г. Т. XXV. № 2—3. Стр. 373).

---

[1]) Рец.: 1) „Бюлл. Сев.-кавказ. бюро краевед.“ 1927 г. № 1—6. Стр. 102—103 (М. Л. Ямпольский). 2) „Бюлл. Сев.-кав. краев. гор. н.-и. инст.“ 1927 г. № 1. Стр. 39—40 (М. Ямпольский).

[2]) Рец.: 1) „Бюл. Сев.-кавказ. бюро краевед.“ 1927 г. № 1—6. 103 (М. Л. Ямпольский). 2) „Бюл. Сев.-кавказ. краев. гор. н.-и. инст.“ 1927 г. № 2—4. Стр. 70—71 (А. С.). 3) „Сев.-кав. край“. 1927 г. № 7—8. Стр. 142.

Северо-Осетинская автономная область

Обобщающий характер носит монография Г. Ф. Чурсина— „Осетины". Этнографический очерк. (Сборник „Юго-Осетия". Труды Закавказ. научной ассоц. Серия I. Тифлис. 1924 г. Стр. 132—232. С рис.). [1]) Содержание: исторические предания, антропологические данные, занятия жителей, жилища, хозяйственные орудия, одежда, оружие, пища, общественный и семейный строй, религиозные воззрения, врачевание, родильные, свадебные и похоронные обычаи, музыка и пение. На стр. 228—232 приведена этнографическая литература об осетинах с краткими комментариями. Наибольшее внимание автор уделяет описанию быта и религиозных воззрений осетин. Народная словесность использована в качестве лишь вспомогательного источника. Привлекая обширный литературный материал, Г. Ф. Чурсин отмечает связь осетинской культуры с общекавказской.

Сведения об экономике Сев. Осетии, представляющие интерес для этнографа, заключаются в следующих работах.

М. К. Гарданов. „Селение христианское в фактах жизни" („Изв. Осет. н.-и. инст. краевед." Владикавказ. 1925 г. Вып. I, 151—222). — Д. А. Дзагуров. „Страничка из социально-экономической истории Дигории" (там же, 223—364). — М. В. Рклицкий. „Сев.-осетинская авт. область" (там же, 1—12). — Он же. „Главнейшие моменты в истории хозяйственного быта Сев. Осетии и современная экономика области" („Изв. Осет. н.-и. инст. краевед." 1926 г. II, 157—227). — Н. П. Слепушкин. „Сельскохозяйственные районы Осетии". Владикавказ. 1926 г. Стр. VI+290. В конце книги указана литература об Осетии (84 названия).

Чрезвычайно ценны изданные Осетинским институтом краеведения тексты образцов народного творчества. В сборнике—„Памятники народного творчества Осетии. Нартовские народные сказания", вып. I (Владикавказ. 1925 г. Стр. 1—122)—помещено двадцать одно сказание о нартах; тексты снабжены подробными комментариями. Еще богаче содержание следующего сборника—„Памятники народного творчества осетин". Вып. 2. „Дигарское народное творчество в записи М. Гарданти". Владикавказ. 1927 г. Стр. XV+158. Сборник заключает всебе предисловие Г. А. Дзагурова, со сведениями о М. Гарданти и о других собирателях дигорского фольклора, и тексты народного творчества: нартовские сказания (№№ 1—25), сказания про Ахсак-Темура (№№ 26—28), сказание про Одинокого (29), сказки (№№ 30—39), старинные песни (№№ 40—85), колыбельные песни (№№ 86—91), причитания (№№ 92—94), Дадой (№ 95), посвящение (№№ 96—97), заговоры (№№ 98—103), детские игры (№№ 104—106). Сто образцов

[1]) Рец.: „Нов. Восток". XII, 315 (А. Башкиров).

записаны М. Гарданти, остальные другими лицами [1]). — Отдельные образцы нартовских мотивов опубликованы Ц. Амбаловым—„Сказание о храбром Батразе, сыне Хамыца“ („Страна Советов“. Альманах. 1927 г. № 1. Стр. 47—48) и Ц. Гадиевым—„Из цикла сказаний о нартах“ („Горский вестник“. Владикавказ. 1924 г. № 1. Стр. 21—24).

Нартовской проблеме посвящено несколько статей. М. С. Туганов в статье „Кто такие нарты“ („Изв. Осет. н.-и. инст. краевед.“ Вып. I, 371—378) высказывает предположение, что слово „нарт“ является соединением двух слов, обозначающих, в русском переводе, „наш огонь“ или „наша присяга“ (стр. 372). Нартовский эпос архаичен и самобытен, как и памятники древности Осетии. „Осетинский народ создал свой эпос „Нарты“, который явился предметом подражания менее культурных соседей и который теперь в преподавании родного языка должен лечь в основу развития будущей осетинской народной школы“ (стр. 378). А. З. Кубалов (статья „К вопросу о происхождении нартовских песен“, там же, 379—382) полагает, что, „слово „нарт“ необъяснимо ни на одном из кавказских языков“; попытку сближения этого слова с выражениями „наш огонь“ или „наша клятва“, по его мнению, „назвать успешной нельзя“ (стр. 380). „Необходимо заключить,—говорит он,— 1) что песни о нартах не заимствованы нами у других народов, а перешли с нашими предками из древнего Ирана, а с предками кабардинцев из Турана, 2) что у нас иранские варианты, у кабардинцев—туранские и 3) что песни эти воспевают отдаленную борьбу Ирана с Тураном“ (стр. 382). Более подробно на этом вопросе останавливается М. В. Рклицкий в очерке „К вопросу о нартах и нартских сказаниях“ (Владикавказ. 1927 г., 34 стр., изд. Осет. н.-и. инст. краеведения). Автор приходит к следующим выводам: „Нарты—это знатные герои и знатные фамилии, верхи народа, а не весь народ в его целом и не простые богатыри. Лингвистические изыскания приводят к тому же заключению: слово нарт — множественное число древне-иранского слова нар, означавшего героя и военного человека. Возможно, что эти военные люди составляли первоначально иноземную дружину, подчинившую себе аборигенов-осетин; они превратились затем в господствующий класс среди осетин и назвали себя нартами“ (33 стр.).

Н. Я. Марр в статье „Ossetica-Japhetica“ („Азиатский сборник“, изд. Р. А. Н., 1918 г., стр. 2069—2100, дополнение на стр. 2307—2310) сближает сказочное существо осетинских мифов „lasqond-ì“ с аналогичными мифическими образами других кавказских народов.

Из статей о языке, имеющих интерес для этнографа, отмечаем

---

[1]) Рец.: 1) „Новый Восток“, XIX, 247—249 (Г. Кокиев).

[2]) „Сев.-кавказ. край“, 1927 г., № 11—12. Стр. 121 (М. Ямпольский).

следующие: Б. А. Алборов. „В. Ф. Миллер, как лингвист-осетиновед“ („Изв. Осет. н.-и. инст. краевед.“, I, 383—399); А. Тибилов. „Единый литературный язык для всех ветвей осетинского народа“ („Горский вестник“, Владикавказ, 1924 г., № 1, стр. 27—34). По мнению А. Тибилова, в основу общеосетинского литературного языка целесообразно избрать иранский диалект. См. еще—З. Вассо (В. Абаев). „Некоторые осетиноафетические параллели“ („Яфет. сб.“, III, 103—110). Выдающееся место займет в области осетиноведения „Осетинско-русско-немецкий словарь“ В. Ф. Миллера (под ред. и с дополнениями А. А. Фреймана. I. А—З. Ленинград. 1927 г. Стр. XIV+618). В предисловии отмечается, что покойным В. Ф. Миллером было собрано в рукописи на карточках свыше 8000 слов; в настоящее время словарный материал увеличен приблизительно вдвое Словарь издается Академией наук СССР.

Большой интерес представляют статьи проф. А. А. Миллера. „Краткий отчет о работах Сев.-кавказской экспедиции Академии в 1923 г.“ (отт. „Изв. Рос. Акад. ист. мат. культ.“, IV, 42 стр., с рис.) и „Жертвенные предметы из осетинских дзуаров“ („Материалы по этнографии“. Т. III. Вып. I. Ленинград. 1926 г. Стр. 85—94. Изд. Гос. рус. музея. С рис.). Мы находим здесь весьма ценные соображения о древних погребальных обычаях и о культе святилищ Сев. Осетии.

Краткие информационные сведения об исследовательской этнографической работе в Сев. Осетии имеются в заметках Л. П. Семенова „Этнолого-археологическая экспедиция по горной Осетии“ („Нов. Восток“, VII, 381—382); „Работа Северо-кавказского института краеведения в области этнографии Сев. Кавказа“ („Этнография“, 1926 г., № 1—2, стр. 307).

Народной музыке посвящены очерки—П. Б. Мамулова—„Осетинская народная музыка“ („Изв. Осет. н.-и. инст. краевед.“ I, 365—370) и Б. А. Алборова—„Изучение и гармонизация осетинских народных песен“ (то же, II, 517—563). По определению П. Б. Мамулова, строй осетинской песни основан на мажорных и минорных ладах. „Героические песни отличаются от других песен народа возвышенностью и благородством музыкальной мысли, силой героического пафоса, выражающегося в неожиданных переходах из минора в мажор и обратно, в переходах, полных величия и простоты“ (стр. 366). „Некоторые песни ладом и мотивом напоминают старинные русские песни; есть мелодии, похожие на грузинские, но в том и другом случае порывистый, нервный пульс ритма говорит о принадлежности песен этих осетинскому творчеству“ (стр. 367).

„Других специальных вопросов касаются статьи: З. Ванети. „Индивидуализм и коллективизм в родовом быту осетин (общественный строй Осетии)“ („Изв. Осет. н.-и. инст. краевед.“, II, 387—438).— Н. Б. Газданова. „Амран“ Е. Бритаева“ (то же, I, 54—59).—

Г. А. Дзагуров. „Осетинский пастушеский счет“ (то же, I, 127—150).—А. Баев. „Устройство горцев переселенцев Сев. Осетии“ (то же, II, 277—285).—С. Городецкий. „В горах Осетии“ („Красная нива“, 1926 г., № 39, стр. 18).

Из работ, имеющих некоторое отношение к этнографии Осетии, назовем следующие: С. Б. Газданова. „По горам и плоскости Сев. Осетии“. Краткий путеводитель. Владикавказ. 1927 г. 46 стр. С рис. и картой [1]).—Г. Кокиев. „Очерки по истории Осетии“. Ч. I. Владикавказ. 154 стр. [2]).

Ингушская автономная область

Н. Яковлев. „Ингуши“. Популярный очерк. 1925 г. 134 стр. С рис. Содержание: Введение (стр. 3—8). Гл. I. У ингушей на плоскости (стр. 9—37). Гл. II. Семья и род (стр. 38—62). Гл. III. Кровная месть и история нагорной Ингушетии (стр. 63—104). Гл. IV. Кровная месть в современной Ингушетии (стр. 105—134). В основу очерка положен материал, собранный проф. Н. Ф. Яковлевым при поездках по Ингушской области в 1919—1921 гг. Работа носит популярный характер, но представляет значение и для кавказоведов, т. к. в ней содержатся интересные подробности, касающиеся родового и общественного строя, приведены образцы фамильных преданий и некоторые новые сведения о построении ингушских башен.—М. Л. Тусиков. „Ингушетия“. Экономический очерк. Владикавказ. 1926 г. Стр. 191+XLVIII. На стр. 7—26 сообщаются краткие историко-этнографические сведения об ингушах; в основу положены работы Г. А. Вертепова, Ч. Ахтиева, Ипполитова и других прежних исследователей Ингушии.—„Список населенных мест Ингушской автономной области“ (составлен по материалам Всесоюзной переписи 1926 г.). Владикавказ. 1927 г. 14 стр.

З. Мальсагов дает первый опыт словаря ингушского языка в своей книге „Ингушская грамматика“ (Владикавказ. 1926 г.). Книга составлена на ингушском языке, но на стр. 59—112 помещен ингушско-русский словарь, содержащий около 4000 слов. На стр. 105—112—географический словарь, с указанием ингушских фамилий по поселенным пунктам. В тифлисской газете „Вольный город“ (1919 г., № 2) помещен прозаический перевод народной ингушской лирической песни под заголовком „Ингушская песня“, за подписью Магомет.

Информационные сведения об исследовательской работе в Области см. в заметках—Л. П. Семенов. „Работа Сев.-кавказ. инст. краевед. в области этнографии Сев. Кавказа“ („Этнография“, 1926 г., № 1—2, стр. 307); И. Н. Бороздин. „В аулах горной Ингушетии“

---

[1]) Рец.: „Сев.-кавказ. край“. 1927 г. № 11—12. Стр. 122 (М. Ям-ский).

[2]) Рец.: там же, стр. 120—121 (М. Ям-ский).

(„Изв. ЦИК СССР и ВЦИК.“, 1927 г., № 199; первоначально, в более краткой редакции, сообщение это появилось в тифлисской газете „Заря Востока“, 1927 г. и во Владикавказе, в газ. „Власть труда“, 1927 г., № 182. См. еще газ. „Власть труда“, 1927 г., №№ 174, 183).— Он же. „Ингушетия“ („Прожектор.“ 1927 г. № 24. Стр. 9, с рис.).

Ряд заметок и статей, касающихся проблем чечено-ингушской культуры, указывается ниже, в литературе о Чечне.

Чеченская автономная область

Несколько статей этнографического характера и образцов чеченской народной поэзии опубликовано в книге—„О тех, кого называли абреками“. Сборник рассказов, повестей, легенд, сказок, стихотворений и экономических очерков о чечне и чеченцах. Грозный. Изд. Чеч. отд. нар. образ. 1927 г. 200 стр. В этом сборнике находим очерк А. А. Давиденко. „Музыкальная культура Чечни“ (стр. 117—124), перепечатку статьи М. Вагнера. „Чеченцы“, написанной в 1848 г. (перев. с нем. Б. Скилиотти, стр. 187—193), текст шести чеченских сказок—стр. 166—173 (автор записи не указан), 174—181 (запись Ф. Серова), 182—184, 194—196, 197—199, 200 (запись З. Шерипова). А. А. Давиденко в названной статье сообщает, что летом 1925 г. в Чечне специальной экспедицией было записано 80 народных мелодий и песен. „После строгой критики,—говорит он,—анализируя записанные мелодии, я пришел к выводу, что народная музыка горцев вполне самобытна и представляет громадный художественно-этнографический интерес не только для широких масс, но и для специалиста-музыканта“ (стр. 118). „Гармонии чеченских песен имеют особые лады, очень схожие с древнегреческим. Излюбленный лад любовных песен дорийский; много мелодий написано (записано?) в фригийском ладе“ (стр. 119). Записаны были песни следующего рода: любовные, танцовальные, героические, священные, бытовые, жалобные, абреческие, революционные. Текст трех абреческих песен, посвященных известному разбойнику Зелимхану, приведен в книге К. Гатуева „Зелимхан“ (Р.-на-Д.—Краснодар. 1926 г. Стр. 189—195). В этой же книге имеется музыкальная запись „Песни Зелимхана“ А. Давиденко.

З. Мальсагов в статье „Общечеченская письменность“ („Горский вестник“. 1924 г. № 1. Стр. 35—39) указывает на необходимость создания не только общей графики, но и общего литературного языка для единой чечено-ингушской языковой области. Более подробно на этом вопросе останавливается проф. Н. Ф. Яковлев в очерке „Вопросы изучения чеченцев и ингушей“ (Грозный. 1927 г. 47 стр. С рис. Изд. Чечнаробраза). Содержание очерка: предисловие, проблемы национальной истории, проблемы истории материальной куль-

туры, проблемы изучения духовной культуры. Основная мысль автора сводится к следующему. Три родственных народности—чеченцы, ингуши и бацой (тушины)—имеют единую культуру, которую можно назвать „вейнахской" („вей нах"—наш народ). Культура эта, по мнению проф. Яковлева, сравнительно молода. „Ингуши и чеченцы находятся еще на переломе, их сознание находится на самом переходе от радового быта, обусловленного раздробленной родовой экономикой прошлого, к быту общенациональному, когда роды объединяются в более широкие национальные коллективы на основе новых экономических условий" (стр. 12). Очень ценно указание автора на запись Л. Н. Толстым двух чеченских народных песен. Запись эта сделана в 50-х годах, во время пребывания писателя на Кавказе. Она занесена в дневник, причем текст чеченских песен записан почеченски русскими буквами, со слов двух чеченцев из Старого Нерта-Балта и Садо. „Это самая старая запись произведений чеченской поэзии" (стр. 41). Текст одной из песен, свадебной, начинающейся словами „Сама бы я себя убила", записанной 1 февраля 1852 г. в станице Старогиадковской, приведен полностью (стр. 42). Кроме того даны отрывки других чеченских песен (стр. 43—45). Текст указанных песен, с кратким изложением теории о „вейнахской" культуре, сообщен проф. Яковлевым в статье „Несколько слов о чеченской и ингушской народной песне", напечатанной в газете „Сердало", 1927 г., № 63 (Владикавказ). Тому же вопросу посвящены небольшие заметки: К. Петрова. „Вей-нах"—„наш народ" (беседа с проф. Н. Ф. Яковлевым) (газ. „Власть труда". 1927 г. № 237).—А. Г. „Ингушско-чеченская поэзия" („Сердало". 1927 г. № 75).

Информационные сведения об исследовательской этнографической работе в Чечне: Е. Шиллинг, „Гос. центральный музей народоведения в Москве" („Этнография". 1927 г. № 1, стр. 211).—Н. Яковлев. „Новое в изучении Сев. Кавказа" („Нов. Восток". 1924 г. V, 238—254).

Дагестанская АСС республика

Н. Самурский. „Дагестан": 1925 г. 149 стр. С рис. (Гиз.). Для этнографа представляют интерес стр. 21—33 (население), 39—49 (быт, экономика, род и семья, положение женщины, кровная месть, сословия и их взаимоотношения) [1].—Б. Ф. Добрынин. „География Дагестанской ССР." Буйнакск. 1926 г. 127 стр. С рис. и 5 картами. „Настоящий курс географии Дагестанской соц. советской республики,—поясняет автор,—составлен мною по предложению Дагнаркомпроса, главным образом, для дагестанской трудовой школы. В нем,

1) Рец: 1) „Даг. сборник", III, 270—271 (Д. М. П.). 2) „Новый Восток". VIII—IX. 358 (В. Худадов).

однако, имелось в виду дать не элементарный учебник, но серьезное и обстоятельное руководство, необходимое и ученику, и учителю, как основное пособие по изучению края" (стр. 3). Очерк содержит 19 глав, из которых девять (стр. 66—127) уделено населению и его занятиям. В числе карт имеется „Карта народов Даг. республики" с обозначением территориального распределения 32 народностей. Карта составлена по А. Рихтеру, с некоторыми поправками, сделанными по указаниям проф. Л. И. Жиркова.

В „Дагестанском сборнике" (Махач-Кала, 1927 г., III) [1]) опубликованы материалы по изучению быта и народной словесности народов Дагестана: М. Шамхалов. „Песня о Надир-шахе" (стр. 51—53); Б. Маллачиханов. „Песня о предводителе Кази Агильтинском" (стр. 54—56); „Дагестанские сказки" (стр. 57—71, одиннадцать дагестанских сказок и анекдотов); М. Алибеков. „Адаты кумыков" (стр. 73—101). Интересен очерк Л. И. Жиркова. „Старая и новая аварская песня" (там же, 105—124). О дагестанской народной поэзии см. еще—С. Аргашев. „Парида". Москва. 1924 г. Стр. 3—5 (предисловие В. Я. Брюсова), стр. 6—10 (предисловие автора).—М. Чаринов. „Лакская поэзия" („Изв. О-ва обслед. и изуч. Азербайджана". 1926 г. № 2. Стр. 112—121).

Изучению языков Дагестана посвящены следующие статьи: Н. И. Ашмарин. „Краткая программа для собирания грамматических материалов по языкам и наречиям Дагестана" („Изв. О-ва обслед. и изуч. Азерб." 1926 г. № 1. Стр. 95—101).—Л. И. Жирков. „Языки Дагестана и их изучение" (там же, стр. 41—48).—Он же. „Изучение даргинского и кубачинского языков" („Даг. сб." III, 231—232). Б. Чобанзаде. „Предварительное сообщение о кумыкском наречии" („Изв. О-ва обслед. и изуч. Азерб." 1926 г. № 1. Стр. 36—40).—Н. Ф. Яковлев. „Изучение даргинского и кубачинского языков" („Даг. сб." III. 228—230).

Материальная культура Дагестана привлекает многих исследователей. Изучается архитектура, изучается далекое прошлое кустарно-художественной промышленности края, этапы ее развития, техника мастеров, влияние современности на это своеобразное искусство. См. следующие статьи: Н. Б. Бакланов. „Златокузнецы Дагестана" (М. 1926 г. 67 стр. С рис.) [1]); он же, „Изучение памятников искусства" („Даг. сб." III. 233); он же, „Художественная культура Дагестана" („Нов. Восток", V. 255—265, с рис.); Е. М. Шиллинг. „Дагестанские кустари" (М. 1926 г. 46 стр. С рис.); Н. Ф. Яковлев. „Кубачинская ювелирная кустарно-художественная промышленность" („Даг. сб." III. 131—148). Отмечается как чисто художественное, так

---

1) Статьи, входящие в этот сборник, вышли отдельными выпусками.

2) Рец.: „Даг. сб." III. 265 (П. Д.).

и экономическое значение искусства кустарей, переживающего сейчас тяжелый кризис. „Кубачинское производство,—говорит проф. Н. Ф. Яковлев,—умирает медленной, но верной смертью. Оно потеряло своих потребителей в городах. Современная налоговая политика не имеет оснований щадить кустаря-ювелира. И все меньше и меньше мастерских остаются в городских центрах, и все больше безработных кустарей стекается обратно в родной аул" (стр 144). „А между тем кубачинская художественная промышленность имеет все данные, чтобы возродиться и приобрести в современных условиях государственно-важное значение" (стр. 145). „Вопрос о поднятии художественно-кустарной промышленности сейчас становится особенно актуальным во всесоюзном масштабе. Им занимаются Госплан и Главнаука, и Дагестану необходимо использовать это внимание для включения вопроса о местной кустарной промышленности в план всесоюзных мероприятий по поднятию этой стороны своего производства" (стр. 148). Очень ценные сведения о технике и художественных мотивах кубачинских кустарей сообщает в указанной выше статье проф. Н. Б. Бакланов.

Большой интерес представляет исследование проф. А. А. Миллера.—„Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана" („Материалы по этнографии". Т. IV. Вып. 1. 1927 г. Л. Изд. Гос. рус. музея. Стр. 75—76. С 72 рис., 2 табл.). Предметом исследования послужила коллекция дагестанских деревянных сосудов Этнографического отдела Гос. русского музея, собранных в Дагестане в 1904—1912 гг. Автор привлекает обширный сравнительный материал, характеризующий общекавказскую культуру, и устанавливает, что элементы орнамента и композиции дагестанских резных сосудов имеют ближайшее соприкосновение с культурой Кавказа и Зап. Европы.

Задачи охраны памятников материальной и духовной культуры популярно изложены в брошюре Н. Морева.—„О памятниках искусства и старины" (Махач-Кала. 1926 г. 23 стр. Изд. Даг. музея).

Информационные сведения об этнографической исследовательской работе в Дагестане содержатся в статьях и заметках—Н. Яковлева. „Новое в изучении Сев. Кавказа" („Нов. Восток". V), А. Б. „Экспедиция по изучению Дагестана 1924 г." (то же. VI. 523—524), а также в „Бюллетене Дагест. музея". 1926 г. № 2.

Азербайджанская ССР

В. Худадов. „Современный Азербайджан" („Новый Восток". 1923 г. III. 167—189).—В. М. Сысоев. „Краткий очерк истории Азербайджана (Северного). Баку. 143 стр. (Изд. Азерб. археол. комитета). Помимо сведений общего характера имеются библиографи-

ческие указания об Азербайджане. — Он же. „Тюркское население Азербайджана в XVIII в." („Изв. О-ва обслед. и изуч. Азерб." 1926 г. № 1, стр. 49—62).

Е. А. Пахомов. „О сословно-поземельном вопросе в Азербайджане" (там же, стр. 16—93).—В. М. Зуммер. „Искусство Азербайджана" (Типологический очерк). („Изв. Кавказ. истор.-археол. института". Тифлис, 1925 г., III, 73—82).

Работы более специального характера: Н. Я. Марр. „Талыши". ПГ. 1922 г., 24 стр. (Изд. Р. А. Н.). На стр. 24 — библиография вопроса.—Б. В. Миллер. „Предварительный отчет о поездке в Талыши летом 1925 г." („Изв. О-ва обсл. и изуч. Азерб." 1926 г. № 1. Стр. 24—35).—Г. Ф. Чурсин. „Талыши" (Этнографические заметки). („Изв. Кавказ. истор.-археол. инст." 1926 г. IV, 15—40). Ценные сведения, собраные автором при поездке в Талышский край в 1916 г. В конце статьи (стр. 38—40) изложены две талышских легенды. На стр. 40 указана литература о Талышах, не вошедшая в упомянутую работу Н. Я. Марра.—Он же. „Азербайджанские курды" (Этнографические заметки). („Изв. Кавк. Истор.-археол. инст." 1925 г. III, 1—16.) Содержание: общий очерк; родильные обычаи; свадебные обычаи, семейные отношения; похоронные обычаи; магические воззрения и обычаи; космогонические воззрения.

Обществам обследования и изучения Азербайджана изданы программы краеведческого характера: Н. И. Ашмарин. „Инструкция и программа для собирания материалов необходимых для составления словаря тюркских говоров Азербайджана". Баку, 1924 г. 19 стр. — Д. Шарифов. „Программа для собирания этнографических материалов в Азербайджанской ССР (Материальная культура)." Баку, 1924 г. 17 стр. Для изучения языка полезно издание: С. М. Ганиев. „Русско-тюркский словарь, составленный в порядке русского алфавита по толковому словарю В. Даля". Изд. 6-е, исправленное и дополненное. Баку, 1922 г. 500 стр. Тюркские слова даны в арабской и русской транскрипции.

Материал по фольклору Азербайджана имеется, как указано выше, в статье А. Субханвердиханова „Перечень и краткое изложение материалов по фольклору народов Азербайджана и прилегающих стран из наследия Л. Г. Лопатинского" („Изв. О-ва обследования и изуч. Азерб." 1927 г. № 4, стр. 222—241), а также в следующих статьях других авторов; Н. Дубровин. „Тюркское предание о Хыбыр-Зынде" во II вып. „Изв. Азерб. археол. комитета", стр. 16—19 (перепечатка из труда „История войны и владычества русских на Кавказе".—А. Н. Самойлович „Названия дней у азербайджанских турок. „Яфетич. сборник". III, 65—70. — И. Гасанов. „Склонение имен существительных без притяжательных аффиксов в говоре, употребляемом коренным населением Ганджи" („Труды О-ва обсл. и изуч. Азерб." 1926 г. Баку. Вып. 5). В приложении к статье

помещена легенда „Дружба с сатаной".—Ценные материалы по изучению местных легенд, связанных с памятниками древности, содержатся в очерках исследовательского характера. Е. А. Пахомов. „Девичья башня в Баку и ее легенда" („Изв. Азерб. археол. комитета" 1925. Вып. I, 33—38).—В. М. Сысоев. „Атешга — храм огнепоклонников в Сураханах, близ Баку" (там же, 1—28). Он же. „Поездка в Шемахинский уезд с археологической целью, 1—12 мая 1925 г. („Изв. О-ва обслед. и изуч. Азерб." 1927 г. № 4, стр. 108—125). Поездка была предпринята для проверки легенд о кладе Александра Македонского.—А. П. Фитуни. „История народных легенд о кладе Александра Македонского в Ширване" (там же, стр. 185—209). В названном очерке приведен ряд легенд о сокровищах Александра Македонского и помещены таблицы с изображением различных вариантов цыганской тамги, зарисованных в Азербайджане.

Статьи по материальной культуре—Д. Шарифов. „Крестьянская усадьба 3 и 4 районов Нухинского уезда" („Изд. О-ва обслед. и изуч. Азерб." 1927 г. № 4. Стр. 64—73, с рис.).—А. Алекперов. „Материалы по археологии и этнографии Азербайджана" (там же, стр. 242—244, с рис.).

Информационные сведения об исследовательской работе в Азербайджане—„Резолюции 1-го Всеазербайджанского краеведческого съезда в г. Баку 21—24 сентября 1924 г." Баку, 1924 г., 14 стр. (Изд. О-ва обсл. и изуч. Азерб.).—А. Р. Зифельдт. „Деятельность О-ва обследования и изучения Азербайджана за два года" („Известия" О-ва, 1926 г. № 1, стр. 107—112).—„Перечень докладов, читанных в О-ве обслед. и изуч. Азербайджана" („Известия" О-ва, 1926 г., № 1, стр. 113—120).

Брошюра—А. К. Бергер, „В горах Восточного Закавказья (Азербайджан)," М., 1927 г., 59 стр.—носит популярный характер.

Общая библиография по изучению Азербайджана, в частности по этнографии, дана в указателях, составленных проф. А. В. Багрини,—„Материалы для библиографии Азербайджана." Баку. Вып. I (1925 г. 78 стр.) и II (1924 г. 66 стр.). В первый выпуск включены указатели, общие сочинения, путешествия (№№ 1—1205), во второй—этнография, словесность, просвещение, народная словесность, история, археология (№№ 1—1659).

Автономная область Нагорный Карабах[1])

Краткие сведения общего характера содержатся в очерках—Г. А. Кочарян „Нагорный Карабах". Баку, 1925 г. 68 стр. [2]),

---

[1]) Нагорный Карабах входит в состав Азербайджанской ССР.

[2]) Рец.: „Нов. восток". XII, 313 (Л. Мсериянц).

М. Шагинян. „Нагорный Карабах". Москва — Ленинград, 1927 г., 40 стр. Путевые впечатления, изложенные в публицистической форме. С. Д. Лисициан. „К изучению армянских крестьянских жилищ (Карабахский карабам)". („Изв. Кавказ. ист.-археол. инст." Тифлис, 1925 г., III, 97—108, с рис.).

Грузинская ССР

Весьма содержательна статья И. Г. Франк-Каменецкого. „Грузинская параллель к древне египетской повести „О двух братьях" („Яфетич. сборник" 1926 г., IV, 39—71). В дополнение к литературе о названном памятнике, указанной в русском издании („Культурно-исторические памятники древнего Востока". М. 1917 г. Вып. 4, под ред. Тураева), автор сообщает текст грузинской сказки „О чудодейственной рубашке" и дает анализ ее, отмечая точки соприкосновения с сюжетом названной египетской повести, вавилонского мифа об Иштар Таммузе и христианских легенд о хитоне господнем (в армянских грузинских вариантах).—Н. Марр. „К изучению современного грузинского языка". ПГ. 1922 г., 22 стр. (Изд. Петроградского института живых восточных языков). — Л. М.-Б. „О необходимости сравнительного изучения крестьянских жилищ Армении и Грузии" („Изв. Кавказск. инс.-археол. инст." 1925 г., III, 109—110).—И. Айсберг— отзыв о работе Д. Аракчиева „Грузинское народное музыкальное творчество", печатавшейся в „Трудах музыкально-этнографической комиссии О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете", т. V („Изв. Кавк. отд. И. Рус. геогр. о-ва", 1917 г. Т. XXV, № 2—3, стр. 360—363).—Г. Ч.—отзыв о брошюре В. А. Гурко — „Культура Грузии и ее отношение к Востоку", Тифлис, 1916 г. (То же, т. XXV, № 1, стр. 140—141).—Ю. А. Таскин. „Экономическое положение современной Сванетии" („Східній Світ" [1]). Харьков, 1927, № 1, стр. 209—211).

Аджарская АССР

„Научные экспедиции Закавказской Научной Ассоциации" („Информац. Бюллетень Всесоюзного О-ва культурной связи с заграницей". 1927 г. № 17—18, стр. 17). Краткие сведения об этнографическом обследовании Аджаристана.

Абхазская АССР

Труды обобщающего характера: С. Басария. „Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении". Сухум-

---

[1]) „Восточный мир".

[2]) и [3]) Аджаристан и Абхазия входят в состав Грузинской ССР.

Кале, 1923 г. 166 стр. [1]). В названном труде имеется „Этнографический обзор“ (стр. 36—109), но для изучения духовной и материальной культуры края представляют интерес и некоторые другие отделы. На стр. 155—164 помещены систематический указатель литературы об Абхазии (150 названий, в том числе по этнографии—на стр. 159—161, №№ 68—94). Д. Гулия. „История Абхазии“. Т. I. Тифлис, 1925 г. 340 стр. На стр. 1—6 библиография об Абхазии (86 названий на русском и других языках).—Н. Я. Марр. „Абхазоведение и абхазы“ (к вопросу о происхождении абхазов и этногонии восточной Европы). („Восточный сборник“. I. Лен. 1926 г. Изд. Гос. публ. Библиотеки в Ленинграде. Стр. 123—166).—Он же. „Абхазский аналитический алфавит“ (к вопросу о реформе письма). („Труды Яфетич. семинария“. I. Изд. Лен. Инст. живых восточных языков. Ленинград. 1926 г. 52 стр.).

Специально этнографический характер носит содержательная статья Е. М. Шиллинга—„В Гудаутской Абхазии“ („Этнография“. 1926 г. № 1—2. Стр. 61—82, с рис.). Работа посвящена материальной культуре: дано описание жилищ, мебели, утвари, изящных рукоделий и пр. на основании наблюдений, сделанных во время поездки в Абхазию, организованной Гос. Центральным музеем народоведения.

В „Известиях Кавказ. Отд. И. Рус. геогр. о-ва“ (1917 г., т. XXV, № 2—3, стр. 359—360) имеется отзыв Л. М.-Б. о статье Н. Джанашия „Абхазский культ и быт“ [2]).

Популярные сведения об Абхазии: Л. Б. Корец. „Курорты Абхазии“. М. 1925 г., 152 стр. На стр. 9—18 краткие указания о населении и его занятиях.—Вэн. „Кавказская Ницца“ („Красная Панорама“. 1926 г. № 16, стр. 7, с рис.).

Юго-Осетинская автономная область [3])

В сборнике „Юго-Осетия“ (Тифлис, 1924 г.) [4]) имеются, кроме упомянутого выше очерка Г. Ф. Чурсина „Осетины“, касающегося Северной и Южной Осетии, специальные статьи о Юго-Осетии, представляющие интерес для этнографа: М. И. Приходько, „Краткий очерк сельского хозяйства Юго-Осетии“ (стр. 68—91—о занятиях жителей); Е. Пчелина, „Краткий историко-археологический очерк страны Ирон-Хусар (Юго-Осетия), стр. 233—251; Л. М. Меликсет-Беков, „К археологии и этиологии Туальской Осии“, стр. 252—279. Автор последней статьи останавливается на вопросе о связи народ-

---

[1]) Рец.: „Нов. Вост.“ XII, 318 (А. Башкиров).

[2]) Статья печаталась в „Христианском Востоке“, изд. Акад. наук, 1916 г., V, вып. 3.

[3]) Юго-Осетия входит в состав Грузинской ССР.

[4]) Рец.: „Изв. Абхаз. научного о-ва,“ 1925 г., I, 190—193 (Б. и С.).

ных легенд с древними циклопическими сооружениями; в примечаниях дана подробная библиография вопроса.

Армянская ССР

Р. Шор. „Научная работа в Армении“ („Нов. Восток“, 1925 г. X—XI, 371—374). — М. Шагинян. „Армянские сказки“. („Восток“, 1924 г. IV, 113—125). Автор дает краткую характеристику персонажей и основных мотивов армянских сказок, отмечает упоминаемые в них обычаи (усыновление, сватовство, гостеприимство), формальные особенности сказок, литературные влияния (Восток). М. Шагинян принадлежит очерк — „Прогулки по Армении“ (1927 г. 53 стр. Гиз). Выше указывалась статья Л. М.-Б. „О необходимости сравнительного изучения крестьянских жилищ Армении и Грузии“. — См. еще А. Сарикян. „Армяне и горцы“ (Горский Вестник“. Владикавказ, 1924 г. № 1. Стр. 57—62). В. Н. Худадов. „Армянка“ (серия „Труженицы Востока“, под ред. В. А. Гурко-Кряжина), М. 1927 г. 39 стр. с рис. Брошюра носит популярный характер.

IV. Итоги

Переходя к общей оценке указанной литературы, отмечаем, что интерес к изучению этнографии Кавказа не приостанавливается даже в самые трудные годы революции (1917—1920 гг.). В последующие годы он неизменно углублялся и ширился, причем инициатива в исследовательской и издательской работе, принадлежавшая до революции большею частью административным учреждениям Кавказа (Учебному округу в Тифлисе, Статистическим комитетам в губернских городах) и столичным научным учреждениям, перешла теперь к местным краеведческим организациям, сеть которых раскинулась по всем автономным областям и республикам. В настоящее время на Кавказе сформировался ряд научно-исследовательских институтов краеведения, значительно увеличилось число музеев и научных обществ; серьезное внимание краеведению уделяется и высшими учебными заведениями, также, за немногими исключениями, возникшими после 1917 г. О росте числа краеведческих учреждений красноречиво говорят статистические сведения, собираемые Центральным бюро краеведения. В справочнике „Краеведческие учреждения СССР“ (Лен., 1925 г.) зарегистрировано к 1 января 1925 г. 114 кавказских краеведческих учреждений (см. стр. 63, 69, 96, 104, 105, 118); во втором издании того же справочника (Лен., 1927 г.) к 1 декабря 1927 г. зарегистрировано на Кавказе 154 учреждения (стр. VI—VII). Многие из них уделяют большое внимание изучению культуры. Громадное значение для этнографии приобретает и то обстоятельство, что кавказские народы

ранее, по объективным причинам, принимавшие пассивное участие в исследовательской работе, в настоящее время вплотную подошли к ней.

Вопросы этнографического характера обсуждались на краевых съездах и конференциях, имевших место в Махач-Кала (учредительный съезд Ассоциации Северо-Кавказских краеведческих учреждений и организаций 1924 г.), в Баку (1-й Всеазербайджанский краеведческий съезд 1924 г.), в Сухуме и Батуме съезды деятелей краеведения Черноморского побережья и Закавказья, 1924 и 1925 гг.), во Владикавказе (съезд пленума Ассоциации Северо-Кавказских горских краеведческих учреждений и организаций 1926 г.). Специальных этнографических съездов, в которых ощущается большая потребность, на Кавказе еще не было.

Этнографии Кавказа уделяют внимание и научные учреждения Ленинграда и Москвы—Гос. Академия истории материальной культуры (с отделением в Москве), Гос. Русский музей, Гос. центральный музей народоведения, Институт по изучению этнических культур Востока, Всесоюзная Научная ассоциация востоковедения и др. Под их руководством или при их участии производились на Кавказе этнографические экспедиции, собирались ценные материалы, издавались монографии и отчеты, шла подготовка аспирантов-этнографов из среды представителей различных кавказских народов. Должное место кавказоведческим вопросам отводилось на страницах изданий Центрального Бюро Краеведения—„Краеведение," „Известия Ц. Б. К." и др., а также специального журнала „Этнография", выходящего с 1926 г.

Подводя итоги этнографической литературы о Кавказе за 1917—1927 гг., отмечаем, что вопросы о б щ е г о характера (задачи краевой этнографии, методы изучения духовной и материальной культуры и пр.) затрагивались, большею частью, мимоходом. В связи с проблемой создания единого литературного языка для населения некоторых автономных областей (Северной и Южной Осетии, Чечни и Ингушетии) указывалось на родство культур этих областей (статьи А. Тибилова, З. К. Мальсагова, проф. Н. Ф. Яковлева), но специальной разработки вопрос об общеосетинской и чечено-ингушской культуре не получил. Видное место заняла я ф е т и д о л о г и ч е с к а я литература. За минувшее десятилетие вышли в свет многочисленные труды основоположника яфетической теории—акад. Н. Я. Марра; имеются опыты сжатого изложения сущности этой теории—Г. А. Дзагурова, проф. И. И. Мещанинова. Яфетическая теория применяется в новейших исследованиях этнографического характера, напр. в работах И. И. Мещанинова, А. А. Миллера, Л. М. Меликсет-Бекова, А. Н. Самойловича, Г. Ф. Чурсина и многих других.

Полезным пособием для кавказоведов служит географический

очерк А. Ф. Ляйстера и Г. Ф. Чурсина. Было бы крайне желательно второе издание этого труда, дополненное новейшими данными, библиографией и иллюстрациями. Необходимо составление географических очерков отдельных автономных образований Кавказа, аналогичных очерку проф. Добрынина о Дагестане. В специальных трудах географического характера ощущается большая потребность, т. к. в последние годы, в связи с экономическим районированием и формированием автономных областей и республик, произошли коренные изменения административных границ, переименованы многие населенные пункты. Очень ценно было бы опубликование статистических сведений о населении Кавказа по переписи 1926 г., с комментариями.

Конкретный этнографический характер носят работы специального уклона—об осетинах (Ч. Ф. Чурсина), о кабардинцах (В. П. Пожидаева), о талышах (Н. Я. Марра, Г. Ф. Чурсина), об азербайджанских курдах (Г. Ф. Чурсина), об ингушах (Н. Ф. Яковлева).

В ряде очерков бегло затрагивается вопрос о связи культуры Кавказа с культурой восточных стран — Египта (статьи проф. И. И. Мещанинова, монографии С. Басария, Д. Гулия, И. Г. Франк-Каменецкого), Вавилона (И. Г. Франк-Каменецкого), Монголии (И. И. Мещанинова). Мировое значение кавказской культуры не подлежит сомнению, но конкретно вопрос о связи ее с Западом и Востоком не прослежен даже в пределах узких тем.

Капитальных исследований, аналогичных прежним трудам Дубровина, М. Ковалевского, Ф. Леонтовича, В. Ф. Миллера, Услара и др., новейшая литература не дала. Очень ценны небольшие монографии—И. Г. Франк-Каменецкого, А. А. Миллера, Н. Б. Бакланова, Н. Я. Марра, А. Н. Самойловича.

В области изучения духовной культуры имеются значительные достижения. Изданы новые материалы по народной словесности и быту Северной Осетии (нартовский эпос, исторические сказания, сказки, лирика, заговоры) и Дагестана (исторические песни, сказки, адаты). Опубликование подобных материалов по изучению других областей Кавказа (Чечни, Азербайджана) пока эпизодично, но и здесь мы встречаем ценные сведения; таковы, напр., легенды об Александре Македонском в работах В. М. Сысоева и А. П. Фитуни, указание проф. Н. Ф. Яковлева на запись чеченских текстов Л. Н. Толстым в 1852 г.

Из работ, посвященных анализу произведений народной словесности, особенно интересны статьи Н. Я. Марра („Ossetica-Japhetica"), И. Г. Франк-Каменецкого (о грузинском варианте повести о двух братьях), А. Н. Самойловича (о названиях дней недели у тюркских народов), Л. И. Жиркова (об аварской песне), М. Шагинян (об армянской сказке). Замечается повышенный интерес к нартовской проблеме, не получившей, однако, достаточно ясной и убедительной раз-

работки (статьи М. С. Туганова, А. З. Кубалова, М. В. Рклицкого).

Следует приветствовать появление новых словарей — осетинского (изд. Акад. наук СССР) и ингушского (З. К. Мальсагова). Интересны опыты изучения народной музыки в Осетии (статьи П. Б. Мамулова и Б. А. Албарова) и Чечне (А. А. Давиденко), но работа в этом направлении на Кавказе едва начата.

Характерной особенностью литературы новейшего времени является повышенное внимание к изучению старины. Это подтверждается многочисленными работами этнографического и историко-этнографического характера—об Адыгее, Ингушии, Осетии, Дагестане, Азербайджане, Абхазии и других областях и республиках. Интерес к прошлому, совпадающий с самоопределением кавказских народов, вполне понятен и своевременен, т. к. старина, вследствие политического переустройства края и возрастающего влияния города на примитивный быт, умирает. Однако необходимо обратить внимание и на современный быт, сельский и городской, во всем его объеме. Прежний быт подвергается коренной ломке; недавние события мировой войны и революции находят глубокое и своеобразное отображение в недрах народной души, в народном языке, поэзии, во внешнем быте. Частично этого вопроса касается проф. Л. И. Жирков—в статье о старой и новой аварской песне. Здесь даны интересные сведения о творчестве даровитого дагестанского поэта Махмуда из Ак-Кента (умершего в 1919 г.). Его „Песнь о богоматери" явно свидетельствует о неиссякаемом богатстве творческих народных сил и о новых запросах поэтической мысли горцев.

В области изучения материальной культуры наиболее значительны статьи о кубачинской кустарно-художественной промышленности (Н. Б. Бакланова, Н. Ф. Яковлева), о дагестанской деревянной утвари (А. А. Миллера), об абхазской культуре (Е. М. Шиллинга). Вопросу о связи памятников старины с народными легендами и повериями посвящен ряд обстоятельных очерков—А. А. Миллера (о жертвенных предметах из осетинских дзуаров), Л. М. Меликсет-Бекова (о циклопических сооружениях), И. И. Мещанинова (о поясных закавказских бляхах), Е. А. Пахомова (о Девичьей башне в Баку), В. М. Сысоева (о кладе Александра Македонского).

Иллюстрации, столь необходимые для этнографических работ, в большинстве случаев едва удовлетворительны. Наиболее удачны рисунки в статьях Н. Б. Бакланова („Златокузнецы Дагестана") и А. А. Миллера (о дагестанских деревянных сосудах и об осетинских дзуарах).

Заметен интерес к библиографии — общей и специально-этнографической; ей уделяли внимание многие авторы—А. В. Багрий, С. Басария, Б. М. Городецкий, Д. Гулия, Н. Я. Марр, Г. Ф. Чурсин и другие.

Дагестану принадлежит почин возобновления издания „Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа", очередной выпуск которого (45-й) вышел в Махач-Кала в 1927 г. Вполне целесообразна перепечатка материалов, ставших библиографическою редкостью; работа в этом направлении систематически выполняется Обществом изучения Адыгейской автономной области.

Необходимо отметить, что указанная нами литература недостаточно полно освещает достижения, сделанные в области этнографии Кавказа за 1917—1927 гг. Вследствие материальных затруднений не опубликованы труды различных экспедиций, монографии многих научных работников. В высших учебных заведениях Кавказа читаются курсы по местной этнографии или по родственным ей дисциплинам. В Москве и Ленинграде, в университетах и научно-исследовательских институтах, ведется систематическая работа по подготовке молодых ученых-кавказоведов, в частности этнографов. Крупные достижения имеются в музейной области. В музеях Кавказа уделяется много внимания созданию отделов национальной культуры. Большую работу по изучению Кавказа ведут этнографические музеи Ленинграда и Москвы, в частности Государственный Центральный музей народоведения, имеющий специальные отделы—Дагестана, Абхазии, Осетии, Чечни; в этом музее очень интересны результаты как исследовательской, так и экспозиционной работы.

Не подвергались специальному рассмотрению многие вопросы первостепенного значения, например,—о согласовании и планировании исследовательских этнографических работ, о типе музея национальной культуры, о методах музейной экспозиции, о методах учета и охраны памятников материальной культуры, о миграционном движении, носившем в различных местностях Кавказа массовый характер, о постановке преподавания этнографии в педагогических институтах и университетах, о коренной ломке архаичного быта кавказских народов, о взаимоотношении кавказских культур, о переоценке трудов до революционного периода, об издании этнографических карт и др.

Этнографическое изучение Кавказа в 1917—1927 гг. совпало с полосой упорной организационной краеведческой работы. Это период образования и переустройства краеведческих учреждений, период учета и сплочения местных сил, выработки методов познания края. Сделаны большие успехи, выросла сеть краеведческих организаций, окрепли и получили распространение некоторые печатные органы (напр. в Дагестане, Азербайджане, Абхазии). В отношении изучения местной культуры каждая из автономных областей и республик идет пока своим путем. Так, например, в Адыгее уделяется внимание перепечатке прежних материалов, в Осетии—изучению народной поэзии и музыки, в Дагестане—народной поэзии и кустарной художествен-

ной промышленности, в Азербайджане—связи материальной культуры с духовной и т. д. Мы еще не имеем подробных каталогов этнографических музейных коллекций. Библиографическая работа по областям все еще не носит, за редкими исключениями (Кубанский край, Азербайджан, Абхазия), углубленного и систематического характера. Отчеты экспедиций появляются большею частью с запозданием, а собираемые в них сведения обычно слишком кратки. Сведения, помещаемые в популярных изданиях (в путеводителях, школьных пособиях), часто слишком поверхностны, неточны, заимствованы из устаревших источников. Между тем спрос на популярную литературу, в связи с ростом краеведческого движения и экскурсионного дела, очень велик.

Указанные недочеты обусловлены объективными причинами, из которых главнейшие—новизна краеведческого дела, малочисленность научных сил на местах, недостаток материальных средств. В настоящее время работа должна развиваться в более благоприятных условиях, благодаря накопленному опыту, упрочению краеведческих организаций и серьезному вниманию, уделяемому этнографии Госпланом СССР. Важным обстоятельством является наличие при Госплане подсекции этнологии и лингвистики. В „Бюллетене оргкомитета 2-й Всесоюзной конференции по изучению производительных сил СССР“ (1927 г., № 3—4) имеется ряд программ, касающихся интересующего нас вопроса,—Б. М. Соколова, „Основные принципы организации этнографического исследования в СССР“ (стр. 59—62), Л. Жиркова, „Работы по языкам восточным и внутрисоюзным“ (67—70), Н. Б. Бакланова, „Изучение народного искусства и художественной промышленности“ (70—72), М. Я. Феноменова, „Задачи изучения деревни“ (72—74), Б. С. Жукова, „О комплексном изучении негородского населения“ (75—78), В. И. Ярхо, „О внесении антрополого-этнологического корректива в работу статистических органов“ (90—91). В „Бюллетене оргкомитета II краевого съезда по изучению производительных сил Северо-Кавказского края“ (1927 г., № 2, Ростов-на-Дону) находим секцию культуры, в программе работ которой имеются доклады этнографического характера (стр. 22—23). Такое признание значения этнографической работы в общем плане культурно-экономического строительства должно, несомненно, способствовать ее планомерному и всестороннему развитию.

ХРОНИКА

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ 1927 г. В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Этнографические работы по Костромской губ. сосредоточивались главным образом на Этнологической станции Костромского научного общества. Наиболее интересным фактом в истекшем году в отношении изучения этнографии края является организация губернского краеведческого съезда с программой докладов и вопросов исключительно этнографического содержания. Имелось в виду таким определенным уклоном съезда выявить этнологические материалы в уездах, наметить общий план исследования губернии и поставить вопросы для дальнейшей работы. На съезде были заслушаны следующие доклады: И. В. Шумский — Опыт монографического изучения деревни; П. В. Иванов — Орудия труда деревни Гнездникова; Л. Н. Казаринов — Изделия из копани Чухломского у.; Е. М. Полянская — Опыт изучения упряжи и сбруи (костромской хомут); Л. С. Китицына — Из материалов по питанию населения (хлеб); Г. И. Лебедев — Деревянные замки Чухломского у.; П. А. Царев — Рыбные снасти Галичской рыбной слободы; В. И. Смирнов — Из очерков „Власть земли и культа" — дожинальные обряды; Д. О. Святский — Вопросы изучения народной космографии и календаря; А. В. Часовской — Опыт изучения говора (Тетеринск. вол., Нер. у.); Л. М. Белоусов — Новообразования в народном языке; А. В. Федосов — Переделы лугов в Шунгенской вол.; К. П. Счастливцев — Вопросы изучения кустарной промышленности Кологривского уезда; А. К. Ковальковский — Баланс рабочей силы в сельском хозяйстве; Т. В. Самойлова — Антропологические черты населения „Мерского стана".

Вторым крупным фактом истекшего года является издание „Материалов по антропологии Костромского края" (вып. 40-й „Трудов об-ва") и Четвертого этнографического выпуска (вып. 41-й „Трудов об-ва"); в состав последнего вошли частью доклады съезда, частью материалы прежних экспедиций и архива станции. Кроме указанных сборников, напечатана программа для изучения питания населения и анкета по собиранию словаря.

Экспедиционная этнографическая работа была развернута нешироко по недостатку времени и средств. Сотрудники станции Е. М. Полянская и Л. С. Китицына втечение 20 дней производили этнографические исследования в Буйском уезде в районе р. Кореги среди „корежских дворян", особенности бытового уклада жизни и облик которых представляют своеобразный интерес. Был сделан также опыт зимней экспедиционной работы (Л. С. Китициной) втечение 6 дней в д. Скоморохово, где велась, гл. образом работа по собиранию сведений о народном питании, обработке льна, словарю. Сделана была поездка (В. И. Смирновым) для изучения свайных построек в Веженском районе Мисковской вол. Т. В. Самойловой велись антропологические исследования в Костромском и Галичском уу. Измерено 500 лиц мужского пола.

Шире развернулись палеоэтнологические исследования благодаря отпущенным Гос. музею на этот предмет средствам. Раскопки, разведки и обработка добытого очень большого материала производились в значительной мере силами

сотрудников станции. Сделаны раскопки трех стоянок и найден целый ряд стоянок до того времени неизвестных.

Камеральная работа станции выражалась в обработке экспедиционных и архивных материалов; выносился на карточки фольклорный, диалектологический словарный материал, материалы по народному питанию, по орудиям труда, стройке, женской одежде, делались перерисовки из дневников народного орнамента, предметов материальной культуры и пр. Составлена краткая опись архива станции (495 №№).

Обилие материалов, имеющихся в распоряжении станции, особенно благодаря распространению анкет, а также широкие задачи этнографических исследований в крае при недостаточном штате из трех сотрудников заставляли привлекать к работам молодежь и членов об-ва, имеющих вкус к вопросам этнологии. В целях привлечения интереса к разным вопросам этнологического характера и для углубления собственной и их подготовки были организованы „этнологические субботники", собрания, игравшие роль семинарий, на которых было заслушано 20 докладов, 14 рефератов; на них знакомились с новой этнографической литературой и материалами архива станции.

В уездных и волостных краеведческих организациях изучение этнографических вопросов преимущественно направлено на собирание сырого материала фольклора и в первую очередь частушек, песен, свадебных обычаев и т. д. (Галич, Чухлома, Нерехта, Пушкино, Халбуж, Георгиевское, Сол. у., Котельское, Гал. у. и др.). Но наряду с этим, особенно занимающими широкий круг начинающих этнографов вопросами, начинают привлекать внимание уездников и другие вопросы: собираются, например, материалы для диалектологического словаря (Нерехта, Порфеньев, Чудцы, Бушнево), изучалось народное питание Парфеньев, Пушкино, Турманово), средства передвижения (зарисовки Мариной — Солигалич), орнамент полушубка (Пушкино), домотканина (Великовский кружок, Сол. у.), собирались материалы по изучению одежды (Солигалич — зарисовки, Чухлома — фотографии) и пр. Охват этнографических вопросов, привлекающих внимание уездных и волостных краеведов, становится заметно с каждым годом шире. В Солигаличе ведутся изменения школьников и продолжен опыт монографического изучения деревни. Такой же опыт поставлен Чудцовским кружком. В Нерехте изучается быт рабочих текстильщиков, в Кологриве — кустарные промыслы (издана работа А. Гордеева — Кустарные и отхожие промыслы крестьянского населения Кол. у. Изд. УИКа, Кологрив, 1927 г.). Ту же тему поставил себе Карцовский кружок. В Парфенове собирают материалы по местному грибному промыслу.

Пополнились этнографические собрания уездных музеев Чухломы (копани, деревянные замки, старинная одежда и т. д.) и Галича (орудия рыбного лова и др.).

Одним словом, в уездах и волостях понемногу начинают накапливаться этнографические материалы, представляющие несомненный интерес и ждущие обработки.

Вас. Смирнов

ОБЗОР ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РАБОТ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Нижегородским Государственным музеем, так же как и в предыдущие годы, этнографическая работа велась совместно с Антропологическим институтом I-го МГУ, Центральным музеем народоведения и Государств. музеем ЦПО посредством Антропологической комплексной экспедиции под нач. Б. С. Жукова Нижегородский музей принимал участие в экспедиции в лице своих сотрудников Званцева М. П. и Прокофьева Д. В. Званцев М. П. работал главным образом по изучению жилища и костюма северной части Городецкого уезда и

северо-западной части Арзамасского уезда. Работы имели рекогносцировочный характер; в отношении жилища прослежены и статистически учтены типы соединений избы со двором; зафиксированы типы старых изб, главным образом середины и второй половины XIX столетия, прослежено распространение типов резьбы (карнизные доски); велась работа по обследованию новых типов избы и двора, вводимых самими крестьянами. По костюму собран богатый материал гл. образом в Чернухинской вол. Арзамасского у. (старообрядческий район), сохранившей старые формы одежды и головных уборов. В одежде Арзамасского уезда выявлены сильные южно-великорусские и финские влияния; встречено указание на бытование паневы. Прокофьев Д. В. работал в Городецком уезде и Балахнинском рабочем районе. Продолжал начатое обследование и собирание памятников крестьянской живописи; обследовал и собрал материал по кустарным промыслам (точка веретен, выделка и окраска солонок, гончарство). Поездки субсидировались музеем. Вещественный материал, так же как и записи и фотографии поступили в музей. Зеленов И. К., по поручению музея, вел подготовительную работу по обследованию примитивных судов и средств передвижения по Волге и ее притокам (Нижегородский район). Пилашевский П. О. совместно со студентами III курса Лингвистического отд., по поручению Педфака НГУ, работал в Семеновском уезде по собиранию материала по изучению живых говоров. Пройдено было 94 пункта и обследованы в известной степени все волости уезда. В задачу обследования входило ориентировочное ознакомление с говорами уезда, определение приблизительных границ распространения тех или иных речевых особенностей. В дальнейшем ставится целью собрать и проработать диалектологический материал всех уездов Нижегородской губ.

Нижегородское краеведческое о-во. Этнографическая секция возникла только в 1926 году. В 1927 году продолжались начатые работы по составлению библиографического указателя по этнографии края и собирание этнографических программ. На заседаниях делались доклады (Зеленов, Белозеров, Свободов, Званцев, Прокопьев). Полевой работы секция не ведет.

Издательство: Работы Пилашевского печатаются в „Известиях НГУ". „Очерк характеристики говоров Семеновского уезда" будет напечатан в издании Ассоциации по изучению производительных сил Нижгубплана. Педфаком НГУ издается „Программа по собиранию сведений о говорах Нижегородской губ." Нижегородский Госмузей весной выпускает первый выпуск „Трудов", в который войдут статьи Прокопьева и Званцева, явившиеся результатом вышеупомянутых исследовательских работ. В том же сборнике предполагается начать печатание труда Б. С. Жукова — Сейминская культура.

Нижгосмузей вошел членом-консультантом в Комиссию по улучшению крестьянских построек, организованную при Нижегородском Губплане.

Н.-Новгород в 1927 году потерпел большую потерю в лице скончавшегося А. И. Звездина, этнографа-краеведа. А. И. в свое время напечатал большое количество статей и заметок по этнографии края гл. образом в нижегородских изданиях и вел интенсивные исследовательские работы.

М. З.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ПО РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ЗА 1927 г.

В 1927 году этнографическая работа выполнялась Рязанским государственным областным музеем (его этнографическим подотделом в части этнографии и и археологическим — в части палеоэтнологии), Обществом исследователей Рязанского края (Этнологической комиссией), местными (уездными) краевыми музеями и отделениями общества.

Рязанский государственный областной музей был занят как полевой исследовательской работой, так и описанием и изучением своих коллекций. Летом

1927 года заведующей этнографическим подотделом М. Д. Малининой были совершены две поездки в Мещеру: первая в Спасский уезд — по маршруту: Мурмино Долгинино, Федотьево, Петровичи, Агламазово, Панино, Спасск, Срезнево, Городец, Киструс; вторая в Касимовский — по маршруту: Елатьма, Савостьяново, Большое и Малое Ардабьево, Дмитриево, Свищево, Выкуша, Большой Мутор, Мильково (Владим. губ.), Федоровка, Касимов, Булгаково, Вырково. В поездках принимали также участие чертежники и учащиеся местного художественного техникума, выполнявшие чертежи и зарисовки, и кроме того во второй поездке участвовала Н. А. Мартынова, сбиравшая материал по диалектологии. В центре внимания исследований были поставлены вопросы материальной культуры (одежда жилище, промыслы). Собраны предметы костюма, утвари; из промыслов обследовано: гончарство в д. Вырково и промысел коновалов в с. Петровичах. Археологическим подотделом велись палеоэтнологические обследования окрестностей Рязани (Быркн, Шумошь) и Касимова (Земляной Струг, Затонная дюнная стоянка). На Ученом совете музея были заслушаны следующие доклады, касающиеся вопросов этнологии: М. Д. Малинина — Летние этнографические исследования 1926 года и Этнографические исследования летом 1927 года. В. А. Городцов — Боспорские монеты на берегах р. Оки и Раскопки Старой Рязани 1926 года. Этнографическим подотделом при музее были организованы две временные выставки: „Быт Рязанской Мещеры“ и „Выставка предметов, поступивших от Рязанской инструкторской школы ВСНХ по кружевному, вышивальному и ткацкому производствам“.

С 1927 года при Обществе исследователей Рязанского края организована специальная Этнологическая комиссия с целью разработки вопросов и накопления материалов по этнологии Рязанского края, от доисторических времен до современности. Председателем комиссии состоял А. А. Мансуров, заместителем председателя—М. Д. Малинина и секретарем—М. И. Знаменская. Первый год деятельности комиссии дал следующие результаты: организован этнологический архив, заключающий в себе собрание рукописей (до 200), и картотеку в которую выносятся отдельные виды народных произведений. Рукописям делается конспективное описание (по типу „Описания рукописей ученого архива Географического общества“ Д. К. Зеленина). Пока А. А. Мансуровым сделано описание первой сотни рукописей. Составляется местный словарь (собрано до 1 350 карточек); собрано 247 народных песен, 425 пословиц, 110 загадок и 2 527 частушек.

В июле месяце Обществом были командированы член комиссии Б. М. Назымов и член Касимовского отделения С. А. Мансуров в село Мелехово для записей местных свадебных обычаев и для нотной записи местных народных песен, в числе которых были записаны между прочим 4 варианта „дудика“ — плясовой без слов, бытующий и до сих пор в селе Мелехове и заменяющий собой гармонью. Член этнологической комиссии Н. А. Мартынова втечение лета 1927 года произвела диалектологические записи говоров села Борки Рязанского уезда и сел Троицы-Пеленицы и Степановского Спасского уезда. Она же закончила обширную работу — „Рязанские говоры“, в которой дала общую сводку всем известным как литературным, так и рукописным материалам по данному вопросу относительно всей губернии за исключением Касимовского уезда. М. Д. Малинина продолжала исследования материальной культуры Мещерского края и была занята разработкой методики полевых и лабораторных исследований в этнографии. Н. В. Воскресенский изучал знахарство в Рязанской губернии, обрабатывая данные анкеты и ведя непосредственно сбор материала по литературным данным и путем непосредственных наблюдений. Н. П. Милонов по поручению Общества производил археологические раскопки в г. Пронске. Л. А. Худзинская продолжала сбор произведений народной словесности и

местных примет и обычаев. Б. М. Назьмов вел запись песен в окрестностях города Касимова и на Рязанском базаре у слепых нищих. А. А. Мансуров составлял библиографию местной этнологической литературы, причем в 1927 г. им заполнено 518 карточек.

В феврале месяце этнологической комиссией был организован публичный концерт рязанской песни, на котором выступали композиторы А. А. Оленин, А. Д. Павлова и С Д. Большой.

На заседаниях общества исследователей Рязанского края по вопросам этнологии были прочитаны следующие доклады: Н. В. Воскресенский — К вопросу о изучении знахарства в Рязанской губернии, Г. С. Маслова — Этнологические материалы по быту рыбацкого населения озерной области, В. Н. Сидоров — Характеристика говора села Мелехова, Н. И. Лебедева — Рязанские однодворцы, О. Н. Бадер — О работах комплексной озерной экспедиции музея Центрально-промышленной области по палеоэтнологии в 1926 году, С. А. Сальхин — Село Ворго (вымершее во время чумы в XVII веке, А. П. Милонов — Археологические раскопки на горе Гневне в г. Пронске Рязанской губернии, летом 1926 года, Б. М. Назьмов — К вопросу о музыкально-этнографических записях в Рязанской губернии, С. А. Мансуров — Мелеховская свадьба, Б. М. Назьмов — Бурлацкие напевы, записанные на пристани Забелино-Касимовского уезда. М. Д. Малинина — Материальная культура Елатомо-Касимовского района, Н. А. Мартынова — По поводу работы о Рязанских говорах и Очерк особенностей говора Елатомо-Касимовского района, Ф. Н. Родин — К вопросу о изучении быта речного судоходства.

Местные музеи (Зарайский, Касимовский, Спасский и Сапожковский) продолжали сборы материалов по этнографии и палеоэтнологии. Наиболее значительными и интересными поступлениями являются материалы по татарскому быту, поступившие в Касимовский музей (надгробные старинные плиты, погребальные носилки, большая коллекция ювелирных изделий касимовских татар).

Отделения Общества исследователей Рязанского края вели сбор материалов по духовной культуре, в частности по записи народных произведений. Председателем Ижевского отделения В. Д. Бакулиным закончено монографическое описание Ижевской волости, в котором затронуто немало бытового материала.

В 1927 году в местных краеведческих изданиях опубликованы следующие работы по этнологии: Н. В. Воскресенский — Анкета по собиранию сведений о знахарстве в Рязанской губернии, В. А. Городцов — Типологический метод в археологии, А. А. Мансуров — Анкета по собиранию сведений об археологических памятниках, А. Г. Данилин — Крестьянская одежда района Богословщины Рязанской губернии, В. А. Гордлевский — Элементы культуры у касимовских татар, П. П. и Н. П. Стахановы — Сапожковское городище писцовых книг 1627–28 гг., со стороны историко-этнографической. С приложением очерка развития орнамента одежды: А. Ф. Федоров — Свадебный обычай, М. Д. Малинина — Этнографическая выставка предметов, поступивших от Рязанской инструкторской школы ВСНХ по кружевному, вышивальному и ткацкому производствам, А. А. Мансуров — Старая Рязань по материалам археологических раскопок.

А. Мансуров

ПЕНЗЕНСКИЙ ГОС. ОБЛАСТНОЙ МУЗЕЙ

Продолжая работу по изучению финнов, Пензенский гос. областной музей летом 1927 г. направил силы и средства отдела Этнографии и археологии на раскопки финских могильников, имея целью путем раскопки позднего могильника получить материал по эволюции еще бытующих среди мордвы форм отдельных

предметов и вообще пополнить материал археологического п/отдела, организация которого мыслится в непосредственной связи с п/отделом Этнографии. Ранее произведенными разведками были намечены для раскопок два могильника близ г. Наровчата — Старосотнинский мог. (А. А. Кротков 1925/26 гг.) и Бутский мог. (А. П. Павлович 1923 г.). Как тот, так и другой могильники были определены по материалу разведок: первый отнесен Тальгреном к XIV веку и А. А. Спицыным к XIV веку; второй нахождение в нем в виде подвесков сюльгама счетных марок с именем Георга Ганноверского позволило отнести к XVIII веку. Раскопки были проведены силами палеоэтнологического отряда Антропологической комплексной экспедиции под руководством Б. С. Жукова. В этот отряд вошли и сотрудники Пензенского музея, Н. И. Спрыгина и П. С. Владимирова, а также саратовский археолог А. А. Кротков, открывший и первоначально обследовавший Старосотнинский могильник. Деятельное участие в раскопках как могильников, так и дюнной стоянки в долине Мокши принимали члены Наровчатского кружка краеведения. Н. И. Спрыгиной, проводившей этнографическую работу среди мордвы Наровчатского уезда в 1924 г., совместно с посещавшей раскопки мордвой окрестных сел удалось установить при вскрытии погребений Бутского могильника, что некоторые предметы оставили следы в народной памяти и народной поэзии, носят названия („пулокер", нагрудная пряжка „сие") и имеют пережиточные упадочные формы в обрядовом костюме мокши, но уже другого района губернии; удалось взять в одном из погребений часть подола панара (женской рубашки) с убранством.

Материал Бутского могильника лишь частью поступит в Пензенский музей, так как за недостатком средств у Пензенского музея могильник раскапывался в значительной части на средства Центрального музея Народоведения, куда и поступил материал на обработку. Материал Старосотнинского мог. полностью поступил в Пензенский областной музей, но этот материал как более ранний естественно не дает такой увязки с современным этнографическим материалом в смысле эволюции форм, как материал Бутского мог. В период раскопок Н. И. Спрыгиной совместно с историком Саратовского университета А. А. Гераклитовым сделана была краткая этнографическая поездка в с. Н. Пичуры, установившая принадлежность этого села по особенностям быта и материальной культуры населения к району сел, в которых Н. И. Спрыгина работала в 1924 г. (Парапино, Дракино Новое, Дракино Старое, Вечкинино и Алькино).

За 1927 г. этнографические коллекции музея пополнились как по мордве, так и по великоруссам и мещарям (всего на 156 предм.). Из них следует отметить: два полные мордовские костюма молодой женщины Чембарского у. и Городищенского у., четыре полные костюма мещеры с Б. Ижмора Беднодемьяновского у. (мужской, девичий, молодой женщины и пожилой женщины) и значительное пополнение коллекции головных уборов мордвы.

Н. С.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА В САРАТОВЕ

Этнографическая работа в Саратове сосредоточена главным образом в Государственном областном музее — его Этнографическом Отделе и в Нижневолжском областном научном О-ве Краеведения — в Этнографической секции. Этнографический отдел Саратовского областного музея в 1927 году провел большую внутреннюю работу по переустановке коллекций. Коллекции музея пополнились приобретениями двух поездок: 1. поездка к мордве Кузнецкого у. была выполнена помощником хранителя отдела П. Д. Степановым и студенткой Калошиной. Из приобретений наибольшего внимания заслуживает коллекция по гончарству с примитивным ручным гончарным кругом, с полным

набором инструментов, а также со всеми видами изготовляемой посуды и образцами глины в процессе обработки. Приобретена также полная коллекция образцов красящих веществ пряжи и кроме того экспонаты по национальному костюму. 2-я поездка осенью 1927 г. была произведена помощником хранителя Этнографического отдела музея Г. М. Акимовой и членом Нижневолжского обл. научного о-ва краеведения В. П. Воробьевым. Районом обследования явилась Верюзимская волость Петровского у. с великорусским населением и небольшой группой украинцев. Сделаны записи по духовной культуре и народному творчеству, изучены одежда, кустарные промыслы, в частности изготовление гребней и крестьянская архитектура. Большое внимание было обращено на работу по дереву. Интересный материал дали наблюдения над небольшой группой украинцев (12 дворов), которые переселились в Петровский уезд не больше 20 лет, и потому сохранили много национального. Удалось проследить постепенную ассимиляцию украинского жилища великорусским (сняты планы, фотографии, зарисовки).

В истекшем году Этнографический отдел расширил свою культурно-просветительную работу, выступая с публичными лекциями в школах, клубах и рабочих организациях. Посетителей в Музей насчитывалось за год шесть с половиной тысяч.

Этнографическая секция Нижневолжского областного научного об-ва краеведения за время с апреля месяца 1927 г. по март м-ц 1928 г. провела 12 заседаний, на которых было заслушано 15 докладов. 15 апреля 1927 г. проф. Г. Г. Дингес сделал отзывы о книгах: „Язык и литература", 29 апреля В. Осмоловская сделала доклад: „Рукопись крестьян этнографов Ив. Анд. Успенского и Гав. Кир. Заварицкого". 26 мая П. Д. Степанов — Из впечатлений о поездке в Ленинград и Москву и А. А. Гераклитов — О поездке по мордовским центрам. 3 октября проф. Б. М. Соколов — Новейшие иностранные труды по русским былинам. 19 ноября проф. Г. Г. Дингес — Опыт географического изучения народной песни немцев Поволжья. 3 декабря 1927 г. А. П. Ручьева — Орнамент шитых шерстью головных уборов мордвы Саратовской губ. 17 декабря В. П. Воробьев — Рецензия на книгу Крестьянское искусство СССР и П. Д. Степанов — Рецензии на сборник Весь Кузнецк и на ст. Маслянникова Крестьянские постройки с. Кученяева Ульян. губ. 3 января 1928 г. З. П. Мелонникова — Материальная культура д. Даниловки Золотовского кантона Респ. Н. П. 14 января 1928 г. В. М. Чернов — Обычное право и революционно-социалистическое правосознание. 28 января К. И. Оберт — Народная песня с Брабандер Р. Н. П. 11 февраля В. П. Воробьев — Архитектурная резьба Верхозимской волости Петр. у. и 25 февраля Г. М. Акимова — Эволюция женского костюма у саратовских чуваш.

Т. Акимова

РАБОТА ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ „ВОЛГАРЬ" В 1927 г.

Углубленная проработка вопросов судоходства, судостроения и быта судовых рабочих вызвала у Музея „Волгарь" летом в 1927 году поездку на р. Оку. Поездка длилась больше месяца, за время которой заведующему Музеем удалось обследовать несколько крупных затонов, десятки сел и деревень, а также побывать с целью уяснения судовых терминов — „Гусяна" и „Мокшана" на р. Гусь и Мокше. Кроме того проводилась работа по выборке нужных сведений в Рязанском, Касимовском, Муромском и Нижегородском архивах и библиотеках. В результате такой поездки музей „Волгарь" имеет много ценных записей и экспонатов по истории Окского судоходства, бурлачеству и коневодческому промыслу.

Для Музея „Волгарь“ поступило от разных лиц (б. судовладельцев, командиров, агентов, управляющих, лоцманов) большое количество документов, чертежей судов, фотографий.

Не менее богатый материал дала поездка и по Окскому, а также волжскому бурлачеству. Он собирался главным образом от стариков, б. участников передвижения судов против течения бечевой, и характеризует следующие стороны: 1) формы организаций рабочих судовых артелей; 2) условия найма артелей (договора устные и письменные); 3) путаную зарплату; 4) взаимоотношения рабочих с нанимателями; 5) скорость прохождения пути.

Значительно дополняют и обогащают этот материал записанные от бурлаков ходовые песни и произведенные фотографические снимки типов старых водников. Самый же ценный материал дала поездка по коневодческому промыслу. Этот промысел, как и бурлацкий (ляточный), относится к допарадной истории и является для р. Оки более характерным, чем бурлачество. Ввиду этого, обследуя прибрежные окские села, главное внимание исследователя было направлено на изучение коневодчества, что дало возможность установить не только места жительства крестьян-коневодов, но еще произвести подобное описание этого интересного и мало изученного промысла.

При записях от отдельных лиц нужных сведений уклон делался по линии выявления коневодческого словаря, обычного права коневодов, условий найма и зарплаты. Извлеченные из архива сведения дали возможность установить время прохождения той или другой путины, стоимость перевозок, потребную силу для того или другого типа судов, условия найма, зарплату. В общем архивные данные не только дополнили записи от стариков, но еще осмыслили и значительно повысили их ценность.

1. Организовано в разное время для рабочих водников в Клубе и Культбазе три тематические выставки; 2. Обслужено 21 судно лекциями; 3. Организовано в разные музеи г. Саратова 5 рабочих экскурсий; 4. Давались пояснения экскурсиям и отдельным посетителям музея. Всего обслужено лекциями, музеем и выставками до 9 000 человек, из них до 40% водников. Что же касается научной работы, то она велась главным образом по описи и проработке музейных материалов, составлению библиографического указателя литературы о Волге, по подготовке к изданию путеводителя по музею „Волгарь“, изготовлению диапозитивов по истории судоходства и истории труда и быта волжских рабочих.

Ф. Родин

КРАТКИЙ ОБЗОР ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ХАРЬКОВЕ В 1927 г.

В минувшем году работа по этнографии производилась преимущественно, в музее Слободской Украины им. Сковороды и в „Етнолого-краезнавчій секції“ Каф. Ист. Укр. Культ., в составе сотрудников, перечисленных в журн. „Этнография“, 1927 г., № 1. Что касается Музея Сл. Укр., то он за этот год выпустил 2 издания: Бюллетень № 2—3 с рядом статей этнографического характера и брошюру А. А. Николаева—Сергій Васильківский. Життя и творчість. З нагоди 10 раковин 3 дня смерти маляра, художественно-этнографического характера. Ряд статей и заметок сотрудников музея были напечатаны или печатаются в других журналах.

Сотрудниками Музея были совершены поездки по Украине и РСФСР, где были добыты вещи, помещенные на Выставке в Музее осенью 1927 г. На последней были представлены частично: фаянсовое производство Будянской фабрики на Слободянщине и старинные фаянсовые и фарфоровые изделия украинских фабрик; кустарные изделия из соломы в Харькове; производство ковров; чумацкий быт; рождественские обряды, среди которых особенно выделялся обряд „Вечери“

с санками и красочными пряниками для „вечерников". На выставке же были и этнографические рукописи, а среди картин — картины бытового характера. Также произведены были новые записи по ранее намеченным темам и новым. К последним надо отнести записи проклады и заложных покойников на Купянщине и составленные рисунки и описи разрисовок Карагаевского кладбища в Кисловодске, которые были привезены А. П. Ковалевским.

Из цикла лекций в Музее ряд их был посвящен этнографическим вопросам. „Етнолого-Краезнавча" секция издала в 1927 г. 1-й вып. своих трудов — Науковий Збірник Етн.-Кр. Секц., Харьків, со статьями: 1) „Віхи на шляху від староі етнографіі до сучассноі динамічноі етнологіі та краезнавства" (о р. Ветухов); 2) „Старе та нове краезнавство" (пр. Ковалевский); 3) „Картографічний метод в етнологіі" (А. Ковалевский); 4) „Вишути кожухи в Богодухівськькій окрузі на Харьківщині" (Белецкая); 5) „Про настінні росписи укр. хат на Катеринославщині" (Берченко); 6) „Українські народні світильники І ч. Лучини. Каганці" (Данковская); 7) „Різдвяна інтермедія Коза" (Ерофеев); 8) „Похоронні звичаі й культ покійників з точки зору весільного ритуалу" (Червяк); 9) „Заложные покойники" в античному світи (пр. Маслов); 10) „Вкладні записи" (Рыженко); 11) Народне мистецтво й виробниче оформлення" (Пилипенко); 12) „Економгеографія та ii значіння в виробничо-краезнавчих дослідженнях" (Зайцева); 13) „Нехліборобські промисли на Полтавщині (звіт) (Рыженко); 14) „До питання про толкову бібліографію по вивченню краю" (Ветухов); 15) „Програми до етнографічно-краезнавчого дослідження Украйни" (Дашкевич), „Бібліографічні замітки". Сотрудники печатали свои статьи и в др. журналах. Часть сотрудников работала в качестве преподавателей в вузах. Летом 1927 г. сотрудники секции принимали участие в съездах, экскурсиях, экспедициях. Так была проведена экспедиция на Полтавщину по изучению кустарных промыслов. Некоторые из членов секции работали над составлением образцовых планов и путеводителей для экскурсий по Слобожанщине. Другие под руков. Ветухова организовали семинарий повышенного типа по этнографии-этнологии. Из других Харьковских научных учреждений вопросам этнографии уделяли внимание — Музей „Українського Мистецтва" и Ассоциация Востоковедения. Сотрудниками первого подготовлялись статьи художественно-этнографического характера, напр. о вотивных привесках. В Ассоциации читался ряд докладов по этнографическим вопросам.

Р. Данковская

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА В ИНГУШСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

В настоящее время краеведческая работа в Ингушской Автономной Области выполняется Ингушским институтом краеведения, его Научным музеем и Ингушским литературным обществом. Основную работу ведет Институт, уделяющий должное внимание изучению местной культуры.

В 1927 г. Ингушским институтом краеведения было совершено этнолого-археологическое обследование ущелья, расположенного близ Столовой горы. В работе приняли участие научные сотрудники—А. П. Семенов (археолог, руководитель обследования), Г. К. Мартиросиан (экономист), З. К. Мальсагов (лингвист), И. П. Щеблыкин (художник-этнограф) и Х. Б. Ахриев (художник), а также приглашенный Институтом член президиума Всесоюзной научной ассоциации востоковедения, проф. И. Н. Бороздин. Маршрут поездки: Владикавказ, селения — Фуртоуг, Бейни, Мецхал, Эрзи, обратно через селения Джерах в Фортоуг и Владикавказ.

Обследование носило комплексный характер. Детализации работы способствовало участие сотрудников-националов, З. К. Мальсагова и Х. Б. Ах-

риева, производивших записи на ингушском языке и помогавших общей работе в качестве переводчиков. Изучалась современная и архаичная материальная культура—жилища (сакли и башни), мельницы, ковровое производство, предметы домашнего обихода, разнообразные могильные сооружения, святилища, а также духовная культура—легенды, приуроченные к памятникам старины, родовые предания, суеверия и пр. Работа сопровождалась обмером памятников и производством разведочных раскопок на могильниках, заключавших погребения в каменных ящиках [1]). Л. П. Семенов, З. К. Мальсагов и И. П. Щеблыкин совершили подъем на Столовую гору, на склоне вершины которой (на высоте около 3 000 *м*) находятся древние святилища — два удовлетворительно сохранившихся, одно в развалинах. Записаны ценные сведения о культе этих святилищ, ныне почти заглохшем, сообщенные стариком, некогда бывшим помощникам жреца.

Изучение культуры данного района представляет выдающийся интерес ввиду обилия вещественных памятников и ломки прежнего замкнутого быта, внесенной революцией и усиливающимся влиянием города. Пока в быту сохранились черты глубокой давности. Мы наблюдали праздник, устроенный перед началом покоса. Обряд совершался на вершине горы, сопровождался заклинанием молодого быка, молением, в котором принимал участие мулла, и угощением из лепешек пшеничных с маслом. На празднике присутствовало мужское население двух соседних селений — Бейни и Мецхала. Сохранились следы суеверного отношения к древним могильникам [2]), веры в дурной глаз [3]) и др. В памяти стариков живы интереснейшие предания о первых насельниках края и о феодальной эпохе, памятниками которой являются замки и башни, кое-где уцелевшие почти в полной неприкосновенности; типичные сооружения этого рода тщательно обследованы. Обособленную первобытную жизнь ведут втечение теплого времени года пастухи, охраняющие громадные стада на вершине Столовой горы; на ночь они укрываются вместе со стадами в пещеры.

В то же время, под натиском городской культуры, быстро видоизменяются жилища, внутреннее убранство их, одежда и прочее. Близ селения Джерах, в местности, называемой „Долиной солнца", устраивается санаторий для легочных больных. Живописность ущелья привлекает многочисленных экскурсантов. Памятники старины ветшают и разрушаются.

В итоге участниками обследования сделаны записи этнографических и археологических наблюдений, легенд, словарного материала (для 2-го издания ингушско-русского словаря) и подробных статистико-экономических сведений; собраны коллекции бытовых и археологических предметов; выполнены фотографические снимки и рисунки.

В настоящее время Институт печатает сборник очерков по культуре и экономике края, в основу положены материалы обследований, совершенных Северо-Кавказским Институтом Краеведения (в 1925—1926 гг.) и Ингушским институтом краеведения (в 1927 г.). В заседаниях совета Института был сделан ряд докладов,

---

[1]) Обследовано 6 могил, в одной из которых было погребение со скорченным костяком. В металлических предметах могильного инвентаря преобладают бронзовые изделия. Археологическая коллекция, добытая при обследовании, систематизирована и выставлена в Музее Института.

[2]) При производстве раскопок жители предсказывали, что вскрытие могил должно вызвать дождь. Это поверье присуще и некоторым другим кавказским горцам.

[3]) На пчельниках нам приходилось видеть амулеты от дурного глаза – ввиде яичной скорлупы, нанизанной на палочку, примитивного человеческого изображения на листе бумаги и др.

касающихся изучения местной культуры и экономики. В январе с. г. в Институте состоялся доклад научного сотрудника Кенигсбергского Географического Института Бруно Плечке на тему — „Впечатления из поездки в горную Чечню". Докладчик провел в Чечне (в конце 1927 г.) три месяца и сообщил интересные сведения о совершенном состоянии культуры этой области.

Членами Ингушского литературного общества подготавливаются к печати материалы по изучению местного фольклора.

Леонид Семенов

ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ОТДЕЛА РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА (ВСОРГО) 1924—1927 гг.

Первоначально деятельность Этнологической секции, в целом, слагалась главным образом из работ отдельных исследователей-работников. Соответственно этому и заседания Секции были не периодическими, но созывались по мере накопления материала. Вместе с тем не все члены Секции были вовлечены в работу.

Начиная с 1924 года, деятельность Секции строится на несколько иных началах, чем в предыдущие годы. В первую очередь Секция стремится сплотить силы на выполнение тех или иных секционных заданий. Поэтому работа Этнологической Секции за рассматриваемый период составилась: 1) из отдельных исследовательских работ членов Секции, соответственно их интересам и 2) работ по заданиям Секции. Из всех заданий необходимо здесь остановиться на двух основных: 1) Секция постановила составить и опубликовать ряд программ — инструкций по разным отраслям этнографии и фольклора. Прежние схематические программы-вопросники далеко не всегда удовлетворяли работников на местах и поэтому не могли оправдать возлагавшихся на них надежд. Необходимо было задуматься над составлением таких программ, которые наряду с вопросниками включали бы в себя как теоретические, так и главнейшие библиографические, указания, а главное — делились бы живым опытом собирателя. Составление таких программ было поручено М. К. Азадовскому (по устному творчеству), ему же совместно с Г. С. Виноградовым (об отображении революции в современном фольклоре); Д. А. Болдыреву-Казарину (по народному искусству русского населения); Г. С. Виноградову (по детскому фольклору), ему же совместно с П. Я. Черных (по собиранию материалов для изучения сибирского просторечия); В. А. Малаховскому (по изучению русских говоров Сибири); В. И. Подгорбунскому (по археологии); П. П. Хорошиx (по изучению детского рисунка у туземных племен Сибири). 2) Другое задание было библиографического характера. Учитывая огромные пробелы в библиографии этнографической литературы о Сибири, Секция постановила выполнить ряд работ по библиографии, дополнив труды Межова, Азадовского и Слободского в области библиографии сибирской этнографии. Было решено проработать периодику за годы революции, иллюстрированные издания, составить библиографию этнографических программ и пр.

Кроме того отдельными членами Секци ведутся библиографические работы по отдельным народностям: П. П. Хорошиx опубликовал работу об якутах; им же готовится к печати работа по библиографии туземных племен Д. Востока. Вместе с тем Этнографическая секция вступила в связь со „Сказочной комиссией" Русского географического общества и приняла участие в составлении библиографического указателя русских сказок.

Из других задач Этнологическая секция наметила полевое обследование. В основу было положено: с одной стороны, изучить те виды фольклора и материальной культуры, которые наименее были изучены среди русского населения, а с другой — те географические области, этнографическое и фольклористическое изучение которых коснулось в малой степени. Эти новые задачи Этнологической секции были определены и сформулированы на I Восточно-сибирском краеведческом съезде в Иркутске. Там было указано, что „Сообразуясь с уровнем наших знаний о русской народности в Сибири, при изучениях должно преследовать задачу — вникнуть не в общие черты жизни и быта сибиряков, а в отличительные особенности их по отдельным районам". В числе районов, привлекающих к себе внимание этнографов и фольклористов, были названы: Баргузинский, Чунский и Тункинский край (Бюллетень Вост.-Сиб. отд. РГО № 6, 1925, стр. 68). Из видов фольклора наибольшее внимание было обращено на сказку. Из вопросов материальной культуры — на изучение жилища, одежды, пищи. Также было обращено особое внимание на изучение взаимовлияния культур в тех местностях, где русское и туземное население тесно соприкасаются друг с другом.

Отсутствие средств у Отдела влияло на экспедиционную деятельность Этнологической Секции. Отдел мог ассигновывать самые небольшие средства, но благодаря полученной ВСОРГО специальной субсидии от Главнауки в 1925, 1926 гг. и в 1927 г. — от О-ва Изучения Сибири — на научные экспедиции, деятельность Секции смогла оживиться и в этом отношении.

Секция сумела организовать ряд специальных поездок в разные места Восточной Сибири. Особенно ценным для Секции оказалась возможность предоставления сумм на организацию поездок студенческой молодежи из числа членов-сотрудников отдела.

В 1924—1927 гг. состоялись следующие поездки: 1) М. К. Азадовский — в Тункинский край для собирания сказок среди местного населения (1926—1927 гг.). 2) П. П. Баторов — в Алавскую степь для изучения бурятского фольклора (1925 г.). 3) М. В. Бородкина — по р. Селенге для изучения рыбацкого быта (1926 г.); туда же для продолжения указанных работ (1927 г.). 4) О. М. Блюменфельд — в Тунинский край для изучения хозяйственного быта, пищи, жилища и пр. среди русского населения (1927 г.). 5) Г. С. Виноградов — в Енисейскую и Акмолинскую губернии для этнографических наблюдений (1924 г.); в Тункинский край для изучения быта среди русского населения (1925 год). 6) А. В. Гуревич — в Баргузинский край для этнографических наблюдений и изучений русского и еврейского фольклора среди населения Баргузинского края (1926 г.); туда же для продолжения начатых работ в 1926 г. (1927 г.). 7) С. Ф. Гущина — в Прибайкалье (Верхнеудинский район) для этнографического изучения русского населения (1925 г.); в Тункинский край для этнографического изучения русского населения (1926 г.); туда же для продолжения изучения хозяйственного быта, пищи, жилища и пр. среди русского населения (1927 г.). 8) Кудрявцев — в Минусинский Край для собирания сказок среди местного населения (1926 г.); туда же для продолжения работ (1927 г.). 9) Г. А. Леонов — в Кузнецкий район для этнографического обследования долины реки Кондомы преимущественно в области народного искусства (1924 г.), в 1927 году совершил с той же целью поездку на Илим. 10) В. А. Малаховский — в Посольский район для изучения русских говоров (1924 г.); на оз. Катакель для диалектологических наблюдений (1925 г.). 11) А. М. Моловцева — в Тулуновский район (Ирк. губ.) для изучения быта и фольклора русского населения (1925 г.); в Чунский край — для фольклористических изучений (1926 г.). 12) А. М. Попова — в Прибайкалье (1924—1927); (Семейские селения Верхнеудинского уезда) — для изучения быта и фольклора местного населения, в частности, для изучения партизанского движения. 13) Ростовцев — в Красноярский округ для изучения сказок и народного театра среди

местного населения (1927 г.). 14) Е. Я. Самойлович — для сбора материалов по фольклору с. Марково (1924 г.); в окрестные селения г. Иркутска—для наблюдений над отражением современности в фольклоре и быте русского населения (1925 г.). 15) Н. И. Удимова—в Тункинский край для изучения хозяйственного быта, пищи, жилища и пр. среди русского населения (1926 г.). 16) П. М. Хандзинский—в Зиминский район (Ирк. губ.) для фольклористических изучений, в частности изучения сказки (1926 и 1927 гг.).

Все перечисленные лица делали в заседаниях Секции доклады о своих поездках. Кроме сообщений о поездках, организационных вопросов и сообщений о порученных работах, на заседаниях Секции читались следующие доклады:

Подгорбунский В. И.—Две карты тунгуса с реки Маи, Попов А. В.—Новый труд Лопатина. Гольды амурские, сунгарийские и уссурийские. Азадовский М. К.—1) О библиографическом указателе. „Якуты" П. П. Хороших. 2) Обзор новых работ по нар. словесности. 3) Этнографические изучения в Москве и Ленинграде. 4) А. П. Щапов как этнограф. 5) Тункинские сказители. Хороших П. П.—1) Итоги и задачи изучения образцов изобразительного искусства бурят (с приложением программы для изучения изобразительного искусства бурят). 2) О музыкальных инструментах бурят. 3) О детских рисунках бурят. 4) План био-библиографического словаря сибирских этнографов. Подгорбунский В. П.—Хамарган-джил—Год переполоха 1849 г. Виноградов Г. С.—Об этнографических изучениях в Тункинском крае. Требуховский П. Ф.—Об изучении рисунков туземных племен Сибири. Мягков И. М.—1) О методе изучения искусств туземных племен Сибири. 2) Искусство сойот. Титов Е. И.—О тунгусах. Черных П. Я.—Этнография и лингвистика. Лыткина—Об изучении иркутских окраин. Гуревич А. В.—Рыбацкий фольклор Баргузинского края.

Кроме того Секцией были устроены три открытых заседания с докладами инструктивного характера: 1 июня 1924 г. Азадовский М. К.—О собирании памятников устного творчества. 21 июня 1924 г. Болдырев-Казарин Д. А.—О собирании и изучении народного искусства в Сибири. 19 октября 1924 г Малаховский В. А.—Об изучении народных говоров в Сибири.

По сравнению с 1924 годом, несомненно, обращает внимание резкое преобладание тем и вопросов, относящихся к этнографии русского населения. Это объясняется не отсутствием интереса у Секции к изучению туземных племен, но главным образом тем, что с прошлого года организованы при ВСОРГО две национальные секции: „Бурятская Секция" и „Якутская". Таким образом вопросы туземной этнографии, естественно, главным образом разбираются на заседаниях последних двух секций. Значительно углубились и расширились за этот период работы в области диалектологии, приведшие к организации (весной 1926 года) специальной диалектологической подсекции. Диалектологическая подсекция, как уже сказано выше, организовалась весной 1926 г. Состоялось три заседания, на которых обсуждались методы собирания диалектологического материала, и зачитаны доклады: 1) П. Я. Черных—О составлении лингвистического атласа Сибири. 2) А. Боржонова—О взаимовлиянии русского и бурят. языков. 3) И. А. Фигуровский—Об изучении народной речи с учащимися трудовой школы 2-й ступени в Иркутске, а также отчеты о поездках Г. В. Тропина, П. Я Черных и др.

Председателем Диалектологической подсекции состоит П. Я. Черных, секретарем—Г. В. Тропин.

Издательская деятельность Секции выразилась в организации непериодической серии под общим названием „Библиотека Собирателя" под редакцией М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова.

Напечатано: № 1. М. А. Азадовский. Беседы Собирателя. № 2. Г. Виноградов и П. Я. Черных. О собирании материалов для словаря русского населения Сибири. № 3. Г. Виноградов. Детский фольклор и быт. № 4. Вс. Малаховский. Об изучении русских говоров Сибири с приложением статьи П. Я. Черных — Итоги диалектологического изучения Сибири.

Отдельно: „Материалы для био-библиографического словаря восточно-сибирских этнографов". Кроме того Секция принимает активное участие в издании журнала „Сибирская живая старина".

А. Гуревич

ХАБАРОВСКИЙ КРАЕВОЙ МУЗЕЙ

Этнографический отдел Хабаровского краевого музея охватывает коллекциями туземцев ДВК и сопредельные страны. Коллекции выставлены в 3 залах: П/отд. Тунгусских народностей, П/отд. Палеоазиатов и П/отд. сопредельных стран. Все три П/отдела по окончании ремонта, произведенного в Музее летом 1927 года, монтированы с выставки, и Отдел был вновь открыт для осмотра с 1 декабря 1927 года. Значительная часть (половина) имеющихся коллекций за недостатком выставочной площади хранится в магазинах. П/отд. Тунгусских народностей представлен: Тунгусами, Ламутами, Манеграми, Негидальцами, Гольдами, Орочами, Орочами-Удэхэ, Ульчами. Наиболее полно представлены в П/отд. коллекции по гольдам, состоящие из ряда костюмов, колл. по орудиям производства и охоте, а также предметами культа. Среди старых поступлений имеются коллекции Шимкевича. За последние годы коллекции пополняются преимущественно силами туземцев, гольдов. Коллекции по орочам-удэхэ, собранные Арсеньевым, В. К., представлены предметами из области материальной культуры и религии удэхэ. Следует особо отметить скульптурные деревянные изображения духов—помощников шамана, доходящие до 2 метров в ширину. В П/отделе Палеоазиатов значительны коллекции по быту гиляк (одежда, оружие, орудия производства, культ). Исключительный интерес представляют коллекция деревянных резных цилиндрических сосудов для ложек и коллекция деревянных сосудов, употребляемых при медвежьем празднике. Чукчи представлены колл. по оружию, орудиям производства, одежде и утвари. В П/отделе выставлены предметы, характеризующие быт коряк, алеут и аай.

В П/отделе Сопредельных Стран, помимо колл., вывезенных из Китая, Японии и Монголии, хорошо представлена Корея: преимущественно земледелие, посуда, одежда. Следует отметить колл. Арсеньева Б. К. по быту китайцев, выходящих на охотничий и женьшеневый промыслы в Уссур. край.

В текущем году в Отдел поступило 25 коллекций в количестве 490 предметов, собранных разными лицами индивидуально и по поручению Музея. Отделом, в лице зав. Отд. Н. А. Толпегиной (Серк), совершена поездка на р. Хор к орочам-удэхэ, в результате которой, помимо рукописного материала, собраны коллекции по материальной культуре и орнаменту. Последние были отправлены в качестве экспонатов на выставку по искусству народов СССР.

В настоящее время Отдел приступил к составлению карточного каталога—проспекта, предполагаемого к изданию в текущем году.

Н. А. Толпегина

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТАТАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЛЕТОМ 1927 г.

В 1927 году этнографические исследования в ТССР производились с одной стороны в правобережной части республики, а с другой—на севере Арского кантона. В Правобережьи работали студ. Ленинградского университета К. И. Во-

робьев и автор настоящей статьи, а в Арском кантоне — татарский ученый-фольклорист А. Ш. Абдрахимов (Али Рахим). Исследования студ. Воробьева производились по поручению Этнографической Экскурсионной Комиссии Этноотделения Геофака Ленинградского Государственного университета и охватили Бульский кантон. Работа велась впродолжение месяца и касалась преимущественно материальной культуры населяющих кантон митарей. Собраны довольно значительные материалы по жилищу, в виде рисовок, фотографий, планов и т. п. Основной целью исследования являлось выяснение отношения буинских митарей к митарям других районов и к окружающим их народностям, главным образом к казанским татарам. Кроме материальной культуры изучался также быт молодежи, преимущественно по ее фольклору и мифологии митарей. Работа 1927 года является продолжением таковой же осенью 1926 года и входит как часть в исследования быта митарей Правобережья Волги, производимые студ. Воробьевым.

Автор настоящей заметки, совместно с художницей Л. М. Поздеевой, занимался изучением татар Славянского и Тетюшского кантонов. По поручению Общества татароведения, ими проделан маршрут более 150 верст на лошадях и обследована преимущественно материальная культура, вопервых, крещеных татар (крашен) Славянского кантона (б. Молькеевская вол.), а вовторых, татар мусульман Тетюшского кантона. Поездка являлась очередной в деле изучения быта татар ТССР, производимого автором с 1923 года.

Изучение кряшен исследуемого района имело целью выяснить их отношение к кряшанам других районов, а также и окружающих их чувашей, с которыми во внешнем быте они почти сливаются и с которыми их постоянно смешивают, даже называя крещеными татарами из чуваш. Интересные данные получены также по вопросу влияния на быт татар дальних отхожих промыслов. Тетюшский кантон является при совершенном состоянии хозяйства населения сильно перенаселенным, и поэтому значительное число населения уходит на заработки, преимущественно в Донбасс. Принося с собой новые бытовые навыки и чисто рабочую идеологию, эта группа вносит в быт родных мест целый ряд новшеств, не вяжущихся с национальным бытом. Изучение этих моментов является в высшей степени интересным, и поездка 1927 года дала в этом отношении ценные материалы (см. отчет о поездке в „Вестнике татароведения“, № 8).

А. Ш. Абдрахимов работал на свои средства в северной части Арского кантона, имел основную базу в с. Большие Менгеры. Им собраны интересные фольклорные материалы, которые являются продолжением его многолетних работ по изучению татарского фольклора. Кроме того им собирались старинные рукописи и изучались старинные надгробные камни.

Такова была исследовательская работа в ТССР летом 1927 года, но она явилась лишь частичным выполнением плана, разработанного Обществом татароведения, который не мог быть полностью осуществлен из-за недостатка ассигнований на исследования.

Н. И. Воробьев

СПРАВКА

к статье Г. Н. Прокофьева «Остяко-самоеды Туруханского края», напечатанной в журнале «Этнография» за 1928 г., № 2.

Статья «Остяко-самоеды Туруханского края» была сдана в редакцию после переписки на машинке без моего личного просмотра. По этой причине в транскрипцию Остяко-самоедских и кетских слов вкрался целый ряд ошибок, которые я и считаю нужным оговорить.

	Напечатано:	Должно быть:
На стр. 97 3-я строка сверху	pânhásowo	p'an hasowo
» » 97 9-я » »	porken—ôk	porkdn ôk
» » 97 10 я » »	söl kup	Sölknp
» » 97 12-я » снизу	pánhásowo	p'an hasowo
» » 97 примеч. 1 »	juro	jur'o
» » 97 » 1 »	lakká	l'akka
» » 97 » 2 »	tolkы	tol kы
» » 97 » 2 »	(lôzыl-tu)	(lôzыl'tu)
На стр. 98 14-я строка сверху	polmékты	pol mɛkты
» » 98 примеч. 1	költ	kolt
На стр. 99 5-я строка сверху	(túgu)	(tuɰgu)
» » 101 11-я » снизу	bók do dég	bok de deɰ
» » 101 10 я » »	Keg tàân dég	ken taan den
» » 101 7 и 8 » »	tàmtыp	tamtыr
На стр. 102 4, 19, 21 » сверху	timna	timn'a
» » 102 5-я » »	tàmtыp	tamtыr
» » 102 14, 16, 18 » »	ilra	ilca
» » 102 17-я » »	dip	qip
» » 102 21 я » »	bisép	bis'ep
» » 102 11-я » снизу	Kutan	kutыn
На стр. 103 1-я строка сверху	Mäkko tünäs, mat núnam iläptentam!	«Mäkkɛ tüŋas' mat uuŋam iläptɛntam
» » 103 13, 14 » »	has seledimn	has' s'el'duun

В статье В. Г. Богораза «Работа Г. Н. Прокофьева у «Остяко-самоедов» на стр. 93, 16 строчка снизу напечатано: Kwälыk—«бегущий», следует: Kwälыk—«березовый».

Г. Прокофьев

ИСПРАВЛЕНИЯ

Вследствие болезни автора статьи: Б. А. Васильев. «Основные черты этнографии ороков», приведенные в ней туземные термины не корректировались. Ниже печатаются **в исправленном виде те из них, в которые вкрались опечатки.**

Ввиду отсутствия в типографии значков академической транскрипции сложные звуки «дж», «нг» — передаются русскими буквами.

Дифтонги обозначены скобкой ⁀ над двумя гласными, напр. «а͡у»; мягкое «л» передается латинским «l», мягкое «е» буквой «ѣ».

Стр. 5 — Xalá
Мангбý
Yltá
rilямі
Стр. 6 — dalý
ка͡урá
а͡ундаý
Со̄но
аангá
Стр. 7 — Мýдö
по̄ylö
а͡утý
Стр. 7 — höllý
Стр. 8 — hylmо̄y
ámyeni
Стр. 10 — кáнгальта
Стр. 11 — апáла
iктöнö
Нáмба Чінгö-
рпіні
Стр. 12 — наманкі
rilбакý
Стр. 13 — сэнготурö
Стр. 15 — дж(ёгбó
Стр. 17 — пана́
» » Вторая стр., снизу — вместо части нужно часть.
Стр. 18 — 16 стр. снизу вместо оленей читай важенок вместо быков—ездовых.
Стр. 20 — джёобі
Стр. 21 — la͡утá
Стр. 22 — а͡утý
» » В конце 5-й стр. сверху добавить слово черты.

Отв. ред.: акад. **С. Ф. Ольденбург.**
Отв. ред.: проф. **Б. М. Соколов.**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕРИОДСЕКТОР
Москва, центр, Ильинка, 3. Телефон отд. подписки 4-87-19.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1929 г.

НА ЖУРНАЛ

КРАЕВЕДЕНИЕ

Периодический орган Центрального бюро краеведения.

Редакция: члены бюро — Д. А. Золотарев, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, А. П. Пинкевич, Д. О. Святский, В. П. Семенов-Тяньшанский, А. Е. Ферсман.

Ответствен. редакторы Н. Я. Марр и С. Ф. Ольденбург.

Программа журнала: статьи общего характера о задачах и методах краеведческой работы в области естественных и гуманитарных наук, отношение краеведения к музейному, архивному делу, школе, изучению естественных производительных сил страны, сельскому хозяйству, кооперации и т. д.; статьи практического и инструкционного характера; хроника краеведческой жизни; библиография современной краеведческой литературы.

ВЫХОДИТ 10 КНИГ В ГОД

Подписная цена на год—5 р., на 6 м.—3 р.

РУССКИЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ответственный редактор В. В. Бунак

Журнал посвящен вопросам палеоантропологии, сравнительной анатомии человека, учению о происхождении человека, расовому изучению населения в связи с вопросами о наследственности, прикладной антропологии и антропометрии. В журнале четыре отдела: а) оригинальные статьи, б) рефераты, обзоры, критика, в) хроника и г) библиография.

В 1929 г. ВЫЙДЕТ 3 КНИГИ

Подписная цена — 4 руб.

2 р. 75 к. 32351

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕРИОДСЕКТОР
Москва, центр, Ильинка, 3. Телефон отд. подписки 4-87-19.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1929 г.

НА ЖУРНАЛЫ:

ЭТНОГРАФИЯ

Редакция: *В. Г. Богораз-Тан, Д. А. Золотарев, Я. П. Кошкин, С. Ф. Ольденбург и Б. М. Соколов.*

Ответственный редактор *С. Ф. Ольденбург*
Ответственный секретарь *Б. М. Соколов*

Программа журнала: исследования, обзоры, информация о работе на местах, библиография, хроника.

ВЫХОДИТ 2 КНИГИ В ГОД

Подписная цена на год—5 руб.

ИЗВЕСТИЯ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Редакция: *А. А. Борзов, Г. Е. Грум-Гржимайло, Д. А. Золотарев, В. Л. Комаров, Б. П. Орлов, С. Ф. Ольденбург, В. Е. Семенов-Тяньшанский, И. И. Селиверстов и Ю. М. Шокальский.*

Ответственный редактор *В. Л. Комаров.*

«Известия Русского географического о-ва», основанные в 1865 г., являются журналом общей географии, на страницах которого помещаются статьи, рефераты и сведения по всем отраслям географии (особенно же по изучению СССР и сопредельных с ним стран) и соприкасающимся с нею дисциплинам.

ВЫХОДИТ 2 КНИГИ В ГОД

Подписная цена на год—5 руб.

Рассрочка платежа: при подписке—3 р., по получении 1-й книги—2 р.

УСПЕХИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ БИОЛОГИИ

Редакция: *И. Л. Кан* и *Н. К. Кольцов.*

Серия Б.

Журнал посвящен новейшим достижениям во всех отраслях общей биологии, физиологии, эксперимент. медицины и генетики.

ВЫХОДИТ 4 КНИГИ В ГОД

Подписная цена на год—3 руб.

Подписка и заказы принимаются: ГОСИЗДАТ, Москва, Центр, Ильинка, 3, его провинциальными конторами, уполномоченными (имеются во всех губерн. и уездных городах СССР), снабженными соответствующими удостоверениями Госиздата или его контор, а также всеми почтово-телеграфными конторами.

Подписка с рассрочкой платежа принимается только сектором подписных и периодических изданий, отделениями, филиалами и магазинами Гиза, а также уполномоченными Гиза, снабженными специальными удостоверениями. Право приема подписки с рассрочкой платежа на контрагентов и представителей не распространяется.